ПИОНЕР

МАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год.

3

В ДЕНЬ ВЫБОРОВ.

Рисунок Ф. Лемкуля

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 3

март 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

К годовщине со дня смерти.

XII СЪЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

19 марта в Москве, в Большом Кремлёвском дворце, начнёт свою работу XII съезд Ленинского комсомола. Самых лучших, передовых юношей и девушек послали комсомольцы делегатами на съезд.

Из далёкого Узбекистана приедет колхозница Айшахон Юлдашева, Герой Социалистического Труда. По пятьдесят центнеров хлопка с каждых десяти гектаров собирает она вместе со своим звеном. Приедут на съезд машинист угольного комбайна, лауреат Сталинской премии Василий Кучер из Донбасса, Герой Социалистического Труда бульдозерист Василий Елисеев со строительства Сталинградской гидроэлектростанции, знатная доярка Надежда Рева и один из лучших чабанов Ставрополья Иван Косенко. Приедут молодой учёный, член-корреспондент Академии наук Сергей Мергелян, учительница Гавхар Расулова из Таджикистана, пионервожатая Вера Попова из Тамбовской области и ученица 8-го класса, кандидат на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, вожатая отряда Нина Фокина из Брянской области.

Больше 1 300 делегатов, посланцев многомиллионного комсомола, будет присутствовать на съезде.

XII съезд комсомола — большое событие в жизни комсомольцев. Он собирается в знаменательное время для нашей Родины. В решениях сентябрьского Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии и других решениях партии и правительства разработан план быстрого подъёма сельского хозяйства. Над выполнением этого плана всюду, рядом с людьми старшего поколения, трудятся комсомольцы. Они первые помощники, надёжная опора коммунистов. По первому зову партии идут они на самые трудные, самые ответственные участки.

Веками лежали нетронутыми плодородные земли в Казахстане, Сибири, на Урале и в Поволжье. Партия приняла решение обработать и засеять эти земли, чтобы страна получила ещё сотни миллионов пудов хлеба. За два года надо вспахать и засеять площадь, которая будет больше территории нескольких европейских государств, вместе взятых.

И как в прежние годы, когда десятки тысяч комсомольцев отправлялись по путёвке комсомола строить Днепрогэс, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, так и теперь откликнулись комсомольцы, услышав призыв партии. Много разных специалистов потребуется, чтобы освоить целинные и залежные земли. Туда едут комбайнеры, агрономы, трактористы, токари, слесари.

«По специальности я электрик. Моя профессия крайне необходима там, где будут созданы новые МТС»,— пишет комсомолец Кладовщиков. Просит послать его на подъём целинных земель и шофёр Алексей Карташев. «Начнётся строительство новых мастерских и жилых домов, кто подвезёт бригадам кирпич и лес? Шофёр! Выйдут тракторы в поле поднимать целину, кто им доставит горючее, воду и семена? Опять же шофёр!» — пишет комсомолец Карташев.

И вот тысячи энтузиастов уже работают на целинных землях. Комсомольцы всегда стремятся вперёд, туда, где трудно, где можно больше пользы принести Родине.

Самоотверженно трудятся комсомольцы на всех участках строительства коммунизма: на колхозных полях и животноводческих фермах,. на строительстве новых гидростанций, на фабриках, заводах и шахтах, в больницах и школах.

XII съезд комсомола подведёт итоги

тому, как работает комсомол, как он выполняет решения партии, как воспитывает бодрых, уверенных в своих силах строителей коммунизма.

На съезде будет стоять вопрос и о том, как выполняет комсомол почётное поручение партии — воспитание пионеров. Делегаты будут обсуждать ваши дела, ребята. Это будет разговор о вашей пионерской жизни, о том, как сделать работу во всех отрядах и дружинах увлекательной и интересной.

Тридцать лет назад пионерской организации было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. Тридцать лет назад на Красной площади, у Мавзолея, пионеры дали торжественную клятву: быть верными делу революции, делу построения коммунизма, с честью носить звание юного ленинца.

И все эти годы из поколения в поколение, от пионера к пионеру передавались славные пионерские традиции.

Пионер — всем ребятам пример! Он честен и правдив. Он надёжный товарищ, защитник слабых, враг лодырей и хулиганов. Пионер хорошо учится, он должен много знать и уметь. Пионер ставит общественные интересы выше своих личных интересов. Пионер должен любить труд, не быть белоручкой, посильными общественно-полезными делами он помогает Родине. Пионер, как зеницу ока, бережёт звание юного ленинца. Он должен быть образцом поведения в школе и дома.

Помните ли вы эти пионерские традиции? Всегда ли вы поступаете так, как должны поступать юные ленинцы?

Пионерская организация учит вас активно участвовать в работе звена и отряда, дорожить своим коллективом, работать дружно, всегда доводить начатое дело до конца.

Но ещё не во всех отрядах и звеньях кипит дружная работа, не всех пионеров волнуют дела их отряда!

Вот, например, отряд 6-го класса «А» 14-й школы в Ташкенте. Выбирая новый совет отряда, пионеры горячо критиковали свою работу. Они придумали интересный план, но вскоре забыли о нём. В отряде попрежнему скучно, пионеры попрежнему бездействуют. Значит, нет в этом отряде настоящей пионерской дружбы.

В некоторых отрядах работает только совет отряда, а остальные пионеры равнодушно стоят в сторонке. Кто выпускает газету? Совет отряда. Кто составляет план? Совет отряда. Кто готовит сбор? Совет отряда. Так было и в отряде 7-го класса «В» 45-й свердловской школы. Не удивительно, что на одном из сборов остались только члены совета отряда, а остальные ребята разбежались. Скучно в таком отряде пионерам.

А вот пионеров Доможировской школы (Ленинградская область) никто не тянет на буксире. Они сами находят дело по душе. И работа у них спорится. Задумали, например, ребята устроить концерт для колхозников деревни Викшинги. Уложив в рюкзаки костюмы для выступлений, свежие газеты и журналы, ребята на лыжах отправились в поход. С удовольствием вспоминают колхозники весёлый концерт, да и сами ребята довольны.

Пионеры 2-й урюпинской школы (Сталинградская область) вместе с комсомольцами разбили новый красивый сквер на улице, где стоит их школа.

У настоящих пионеров много живых пионерских дел. Надо только дружно работать, быть активным членом большого пионерского коллектива.

Быть смелыми, инициативными, настойчивыми, дружными учит вас, ребята, ваш вожатый — комсомол.

Растите достойной сменой комсомолу, юные ленинцы! Готовьтесь стать знающими, умелыми, всесторонне образованными строителями коммунизма!

К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

Друзья Адомелиса

Рассказ М. Слуцкиса. Рисунки Б. Винокурова.

Адомелис запускает последним снежком в барахтающегося в сугробе Стасюкаса и, спотыкаясь, вваливается в сени. Со двора ещё доносится воинственный клич товарища — призыв бороться до победы, но Адомелис уже стоит посреди комнаты, освещённой большой лампой. Валенки его все в снегу, с них на пол натекла уже лужица воды. Раскрасневшиеся от мороза щёки жарко обдаёт теплом натопленной избы, по всем суставам разливается приятная усталость. Играть в снежки больше не хочется, хотя Стасюкас и гнался за ним до самых дверей избы кузнеца Ионаса.

— Все дома? — охрипшим голосом кричит Адомелис, отряхивая с полушубка снег.

«Все» — это означает Ионас и Анеле. Только и всего членов семьи в домике, который колхоз построил молодожёнам.

Анеле вяжет толстый шерстяной чулок; спицы так и мелькают в её тонких проворных пальцах. Ионас, без пиджака, в галошах на босу ногу, возится с аккумулятором за столом.

Улыбаясь во весь рот, Адомелис одним духом выпаливает:

— Ага, не ожидали?! Что варили да пекли — всё на стол вали!

— А-а-а... Это ты, Адомелис?.. Милости просим,— как-то странно тянет Ионас. Он как будто и не рад гостю.

Анеле бросает на Адомелиса быстрый, рассеянный взгляд и, не промолвив ни слова, опять берётся за работу.

«Что это оба они сегодня какие-то такие... — недоумевает Адомелис. — Верно, опять репетиция».

Три, а может, и две недели тому назад Адомелис вдоволь нахохотался, чуть не лопнул. Пришёл он как-то вечером, а Ионас с тетрадью в руке в одном углу комнаты, Анеле — в другом. Ионас был в тот раз точно вовсе и не Ионас. Анеле, гневно сверкая глазами, обзывала его американцем и, мало того, ещё и гангстером. А Ионас свою жену звал не Анеле, а каким-то чужим именем и упрекал за то, что она большевичка. Обрушивая друг на друга потоки гневных слов, они чуть было не подрались. Но потом оба вдруг разом глянули на испуганного Адомелиса, да как захохочут! Оказывается, это они к спектаклю готовились. Адомелис даже название пьесы помнит: «Под золотым орлом» [1].

...Но нет, сегодня Анеле и Ионас не репетируют.

У Адомелиса ёкнуло сердце.

Ходить в гости к своим взрослым друзьям он очень любил. Сейчас, когда дни стали чуть длиннее и времени после уроков больше, он частенько шагает через поле к Анчюлисам (Ионас как был Анчюлис, так и остался, а Анеле переменила

[1] «Под золотым орлом» — пьеса Я. Галана.

свою фамилию). Избушка Адомелиса старая, с глиняными полами. Хоть мать ежегодно и оклеивает растрескавшиеся стены бумагой, на них темнеют пятна копоти. Хата дружка его — Стасюкаса — тоже не лучше: окна маленькие, будто сплюснуты брёвнами, и вся хата похожа на подслеповатую старуху. А дом кузнеца Ионаса и бригадира Анеле совсем другой: окна широкие, полы деревянные, крашеные, стены белые. Дом и без огня как будто весь светится. Но самое важное, конечно, не дом, а неизменно весёлые его хозяева Ионас и Анеле. Они вечно чем-нибудь заняты, вечно что-нибудь делают или, посадив за стол и Адомелиса, читают вместе книгу. Читает, конечно, Ионас, а они с Анеле слушают... Книг-то, книг сколько у них навалено! Ионас готовится сдавать какие-то экзамены.

Ионас снимает со стола аккумулятор, складывает инструменты в ящик.

— Говоришь, прямо с поля боя? А ну-ка подойди поближе,— подзывает он мальчика.— Ну как, здорово дрались, Адомелис?

Кузнец старается говорить бодро, но в голосе его звучит какая-то печальная нотка. Может, Анеле обидела Ионаса? Но, обернувшись, Адомелис понимает, что и ей не весело. Ресницы у неё влажные, глаза покраснели.

— С кем же ты дрался? Со Стасюкасом? — как ни в чём не бывало расспрашивает Ионас, но видно, что думает он совсем о другом. Он смотрит на сплошь затянутое морозными узорами окно.— А что, хорош ледок на Дотнувеле?

— Гладкий, как стол! — вырывается у Адомелиса. — Ребята с коньками по льду так и шныряют! С одного конца на другой, с одного на другой!

— А у тебя есть коньки? — врасплох застигает его вопрос.

Нет, у Адомелиса коньков нет. У всех есть: у Стасюкаса, у Генуте, даже у Микаса. У Генуте коньки совсем новые, такие длиннющие, с блестящими лезвиями. Только у него, у Адомелиса, нет коньков, если не считать одного деревянного. Когда однажды он попросил мать купить ему коньки, та рассердилась: нечего, мол, морочить ей голову! Отец Адомелиса погиб на фронте, и Адомелису, дескать, стыдно даже мечтать о коньках. Пусть радуется, что башмаки целые, что маслом хлеб может намазать.

И всё же Адомелис до сих пор не может понять, почему это стыдно мечтать о коньках.

А Ионас, точно он сам видел, как Адомелис на своём единственном самодельном коньке ковылял позади всех ребят, говорит:

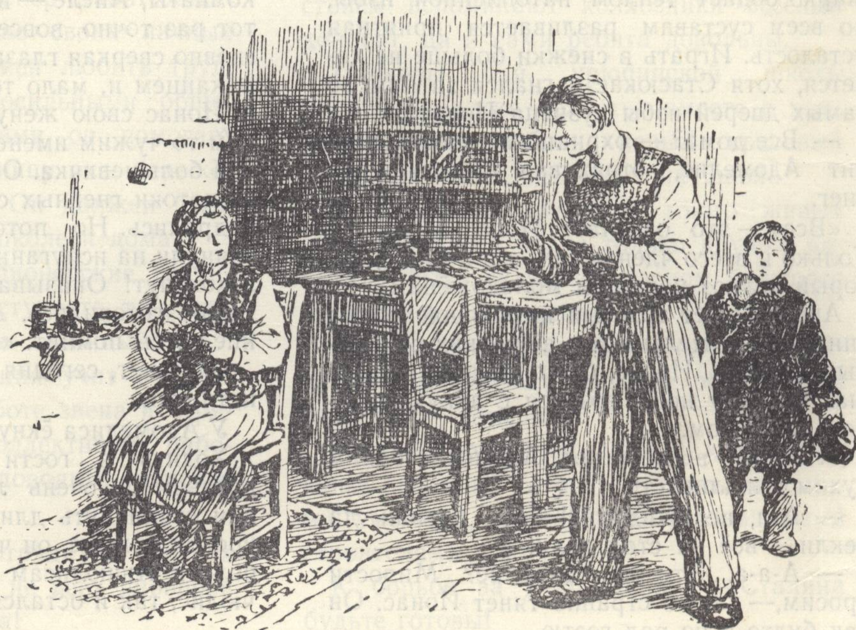
— Ничего, не унывай, будут коньки... Анеле наша на днях в город едет. Она такие коньки тебе купит, что все завидовать станут...

Вот остолбенеют ребята! Адомелис выбежит на Дотнувеле, и широкие лезвия так и засверкают молниями. Не то, что теперь: сейчас он ещё еле двигается на своей деревяшке.

Однако Анеле очень удивляет Адомелиса.

— Никуда я не поеду! — отрезает она.— Слышишь? Сказала, кажется!

Ионас краснеет и резко поворачивается к ней. Однако голос его попрежнему звучит миролюбиво:

Адомелис впервые видит, как ссорятся Ионас и Анеле.

— Да пойми ты, Анеле, наконец! Ведь учиться нам всем надо... До сих пор ты была передовиком. А сможешь ли дальше без учёбы впереди идти?

Анеле даже и слушать не хочет.

— Не хочу... не могу... Всё бросить — и в школу на год! Не успели ещё жизнь наладить, ничего ещё своего не приобрели...

Адомелис растерянно смотрит то на одного, то на другого.

— Подумала бы ты хорошенько, на какой мы севооборот переходим! — убеждает её Ионас.— А механизация какая! С твоими четырьмя классами тебе только в огороде копаться, а не бригадой руководить... Агротехника — это наука, её освоить надо... Если бы меня правление послало, поехал бы сегодня же! Скажи, разве раньше мы могли так учиться?

— О, ты поехал бы! — вся вспыхнула Анеле.— Кто любит, тот не уезжает... Да, да, не любишь ты меня!.. Иначе и слова этакие не слетели бы с языка!

Ионас молчит, покусывая губы.

Адомелис впервые видит, как ссорятся Ионас и Анеле. Он стоит подавленный, уставясь на ножку стола. Что это вдруг за несчастье стряслось!

— Не надо мне... У меня есть коньки...— бормочет он.

Анеле бросает чулок — клубок шерсти закатывается в самый дальний угол — и обнимает Адомелиса. Гладит его волосы, заглядывает ему в глаза и шепчет:

— А ты меня, Адомелис, из дома не прогнал бы, правда? А коньки я тебе и без этих курсов куплю! Увидишь, куплю!

Побледневшее, бесконечно родное лицо Анеле так близко, что её горячее дыхание обжигает мальчику веки.

Слыханное ли дело: Анеле, его большой, хороший друг, уважаемый всеми бригадир, просит у него защиты?

И кто её обидел? Тоже его большой, справедливый друг Ионас!

А кузнец меряет комнату большими, тяжёлыми шагами. Каждый шаг больно отдаётся в груди Адомелиса. Остановившись вначале у одного окна, потом у другого, Ионас хватается за карманы. Неужто он ищет папиросы? В канун свадьбы Ионас бросил курить и с тех пор на папиросы даже не смотрит.

Адомелис осторожно высвобождается из рук Анеле и отступает к дверям.

Никто сегодня его не удерживает, не так, как обычно, когда его силою тащат из сеней и даже из калитки обратно в дом.

Анеле вздыхает, поднимает клубок и возвращается к столу.

— Ну, не забывай нас...— говорит Ионас, провожая Адомелиса.— Заходи, когда будет время. Может, и мы тогда веселее будем...

Адомелис, ни слова не говоря, прыгает с высокого крыльца в снег.

Темноголубое небо полно ярких звёзд. Заливая землю ровным голубым светом, величественно плывёт полная луна. Под высоким-высоким сводом без конца и края расстелились пушистые поля. Дальше, за Дотнувеле, словно сказочные башни, высятся огромные стога сена. Матово сверкают обледенелые стволы неподвижных лип. По наезженной дороге скрипит обоз с лесом; причудливо ломаясь на сугробах, по полю скользят тени лошадей и саней.

Так вольно, вольно и красиво... До грусти красиво, до печали!..

Адомелис чувствует себя затерянным в этих искрящихся бесконечных снежных полях...

* * *

В доме Анчюлисов по вечерам попрежнему издали светилась большая лампа с протёртым до блеска стеклом. Не то, что у матери Адомелиса или у Андронене: те всё керосин жалеют! Стены из тёсаных брёвен, как и в былые дни, пахли смолою. Блестел начисто вымытый пол, проглядывавший между узорчатых половиков, вытканных самою Анеле. Из вышитого полотняного мешочка, повешенного на гвозде между окнами, выпирали газеты. Но не было уже в доме Анчюлисов того веселья и уюта, что так манили Адомелиса.

После ссоры своих друзей Адомелис ещё ни разу не лёг и не проснулся без мысли: что бы такое придумать, чтобы в доме Анчюлисов стало всё по-старому?

О семейном разладе Анчюлисов знал не один Адомелис.

Мать и соседка Андронене в один голос обвиняли Ионаса.

— Это он всю кашу заварил...— слышал не раз Адомелис.— Не успел жениться, а уже жену из дому гонит... Зачем ей теперь околачиваться на всяких курсах?.. Разве мало в колхозе незамужних девушек? Кто же теперь его обошьёт, кто постирает, кто за коровой присмотрит?

Почему незамужние девушки могут ехать на курсы, а замужняя Анеле не может, Адомелису так и не понять.

Как-то по дороге из школы Адомелис завёл об этом разговор с Микасом. Но

и Микас не мог ничего толком объяснить.

— А ты сам поехал бы? — не отступал от него Адомелис.

— Я? Ещё спрашиваешь!..— вырвалось у Микаса, но и он тут же приуныл.

— Мачеха-то, сам знаешь, не пустит... Она...

— Эх ты, паря!

Если бы его, Адомелиса, послали в город, он не поехал бы, а полетел. В городе высокие-высокие дома, куда нарядней и выше поцюнеляйского костёла. Люди там пешком не ходят, на лошадях не ездят, а в машинах катаются, на автомобилях, самолётах, кораблях. В городе, говорят, и ночи нет. Как засветят электричество повсюду — а каждая лампа тебе, что вилок капусты! — так даже звёзды блекнут. Не выучил, скажем, днём урок — мяч гонял или на санках разъезжал,— можешь вечером, ночью... А коньков, коньков-то сколько в городе! На каждой площади, на каждом перекрёстке горы сверкающих, новеньких коньков. Кто только из колхоза ни приедет, каждому всё дают. Трактористам и председателям — тракторы, комбайны; ещё не совсем взрослым, ну, ребятам,— коньки.

Адомелис ясно представляет: он сидит в набитых сеном санях дяди Повиласа. Вороной конь фыркает, пуская облака мёрзлого пара. За калитку ухватилась заплаканная мать, тут же с невесёлым видом стоят его милые друзья Ионас и Анеле. Они машут ему на прощанье руками, а он с дядей Повиласом знай себе катит по дороге, вздымая вихри снега.

— Так почему ты сам не укатишь? Ведь у тебя мать настоящая, не мачеха...— в свою очередь, сказал уязвлённый Микас.

— А вот и поеду!

— Ну так поезжай!

Грудь Адомелиса вдруг сжимает какая-то до сих пор не испытанная боль. Острая, жгучая боль... Он чувствует, что ему было бы очень трудно сидеть в санях и смотреть на остающихся дома.

«Ага! Вот оно в чём дело! — обрадовался Адомелис.— Это просто Анеле не хочет оставлять Ионаса одного!» — Он решил немедленно же переговорить об этом с самой Анеле.

Однако и Анеле не объяснила своему маленькому другу, почему она не в ладах с Ионасом.

— Ты ещё недорос, Адомелис... Не поймёшь до поры, до времени...— грустно улыбалась она.— И не допытывайся лучше!

Вот тебе раз! Небось, когда Адомелис помогал свёклу копать, тогда он был большой. «Будь мужчиной!» — сказала сама Анеле. Что ж это она, слов своих не помнит, что ли? То он уже большой был, а теперь опять стал маленьким.

Вероятно, один только председатель Гуджюнас может сказать Адомелису правду. Он коммунист, а Ионас и Анеле — только комсомольцы, только помощники его. Конечно, с Гуджюнасом Адомелис не в такой дружбе, как с Ионасом и Анеле.

Но кто же, скажите, может запретить колхознику обратиться по важному делу к председателю?

Адомелис не сразу вошёл в дом правления. Дело в том, что председатель страсть как любит задавать ребятам загадки. Он их, может, тысячу знает, а ты ломай голову, отгадывай. Мальчик сперва заглянул в замочную скважину, потрогал медную, заиндевелую ручку и откашлялся — для храбрости — точь-в-точь, как дядя Повилас.

Дверь он приоткрыл тихо-тихо, чтобы не завизжали ржавые петли. В комнате, синеватой от дыма, сидели председатель Гуджюнас и заведующая свинофермой Вале. Они были заняты важным разговором и на его «здравствуйте» даже не ответили.

Разговор шёл об... Анеле. Размахивая своей единственной рукой, председатель сердито объяснял:

— Разве я не понимаю, что Анеле не хочет с Ионасом разлучаться? Но какой, скажи, она пример для бригады, если отказывается учиться? На днях говорит мне: «Одна подушка всего-навсего у нас, перо драть надо, шерсть прясть. Не поеду!». Видишь, какое дело?

Адомелис напряжённо слушал, и в нём подымалась злоба. Как это председатель может так плохо отзываться об Анеле! Разве Анеле не бригадир, разве она не комсомолка? Чья бригада первой закончила обмолот, первой рассчиталась с государством? Правда, с картофелем произошла небольшая заминка. Но это даже можно и не считать: дожди тогда помешали. И вдруг, нате вам, теперь она уже хуже других!.. Все, все точно сговорились против неё!

Анеле прижала к себе Адомелиса и поцеловала его.

Будто угадав мысли Адомелиса, Вале рьяно вступилась за Анеле. Однако председатель тут же остановил её взмахом руки:

— Не будь адвокатом! Политкружок — и тот уже не посещает. Скажи, хорошо разве так поступать? Какой она подаёт пример?

Вале замолчала...

Адомелис затаил дыхание.

Заметив у дверей мальчика, председатель повёл рукой в его сторону.

— Да ты, Вале, ребёнка любого спроси, и тот скажет, что бригадиру нужно учиться. Так, парнишка?

Застыдившись, Адомелис незаметно выскользнул за дверь.

Да, верно, сама же Анеле раньше твердила, что надо учиться, надо быть примером для всех, а теперь не хочет ехать на курсы. В их колхозе учатся не только ребята, но даже взрослые. У председателя Гуджюнаса работы ведь по уши, но и он где-то учится. Школа у него, говорят, заочная. Адомелис никак не может представить себе, как выглядит заочная школа, но если её посещает сам председатель, то школа эта, безусловно, существует. Кроме того кто учится, тот защищает мир. Так сказала учительница. Неужели Анеле не хочет защищать мир? Наконец, Анеле не в простую школу едет, а на курсы! Там, наверное, речь идёт только о комбайнах и о всяких других машинах!

Адомелису кажется, что на всех курсах изучают только машины.

* * *

Наконец-то Анеле собралась в дорогу! Этим ранним утром всё выглядит не так, как вчера или позавчера. Морозно и радостно! Над трубами, даже не шелохнувшись, столбами торчат сизые дымки. Один, два, три... Вдали Адомелис насчитывает ещё пять. Ему кажется, что настоящий огромный лес дымовых столбов прорастает в поднебесье, где всё более теряет восковой румянец застывший, холодный месяц. Адомелис знает, почему так побледнел месяц. Это он солнца боится. Дневное светило ещё не выглянуло, но край неба уже вспыхнул красным полымем. Но вот заря охватила весь восток,

снег порозовел и заискрился — даже в глазах зарябило.

...На поле сухая, плотная корка наста с громким хрустом раскалывалась, как сахар. А когда они свернули на проезжую дорогу, под ногами тоненько и шаловливо заскрипела осевшая поутру снежная пыль.

Адомелису так хорошо, так весело идти, что он шёл бы и шёл без устали... Кажется ему, что они идут не в правление, где ждут сани, а туда, где покраснело небо, где просыпаются освещённые солнцем большие города. Дома там выше поцюнеляйской колокольни, а люди не ходят пешком и на лошадях не ездят — все в машинах раскатывают.

Но всего того, что так заворожило Адомелиса, не замечали его друзья.

Анеле шагала, опустив голову, твёрдо сжав губы, отвернувшись от Ионаса. Она никуда не смотрела — на одну только дорогу, на вчерашние следы от полозьев. Ионас, подняв воротник чёрной шинели, тоже глядел только прямо перед собой: на дома, на деревья, глядел унылый и озабоченный.

«Экий я дурень!.. Они ведь ничуть не помирились!» — понял Адомелис. И снег, и солнце, и столбы дыма над трубами показались ему уже не такими красивыми. Не радовали и думы о далёком городе.

Чтобы хоть как-нибудь развеселить Анеле, Адомелис затопал твёрдыми, обшитыми кожей валенками. Ухватившись за её руку, он заскользил по обледенелой дороге — то обгонит, то отстанет. Застывшими, непослушными губами улыбался ей. Анеле крепко сжала его закоченевшие от холода пальцы — и только. Хоть бы одно словечко молвила!

...Так и укатила Анеле, усевшись в широкие сани, запряжённые пегой лошадкой дяди Повиласа. Ионасу Анеле едва руку подала. Одного только Адомелиса порывисто прижала к себе и поцеловала в посиневший нос.

— Жди, пришлю коньки!.. — крикнула она, когда сани уже тронулись.

— Не надо, — задыхаясь, отказывался Адомелис. — На что они мне?

Дядя Повилас пустил лошадь рысью. Сани всё удалялись и удалялись, пока совсем не исчезли в сверкающей огненной дали.

* * *

Ой, как скучно без Анеле — прямо жизнь не в жизнь!

Куда бы ни шёл Адомелис — в школу ли, из школы ли домой или с ребятами в лес, — в мыслях всё Анеле. Даже охотиться на зайцев с дядей Повиласом отказался! Окна дома Анчюлисов уже не мигают издали приветливыми огоньками. Ионас в кузнице, словно взаперти. До позднего вечера гремит наковальня, горстями сыплются из трубы искры. Ионас так ожесточённо куёт железо, что Адомелису порой кажется, что от ударов большого молота наковальня возьмёт да уйдёт в конце концов в землю.

И всё же у Ионаса работа не очень спорится.

Целую неделю он ремонтировал сеялку. Адомелис сам видел, как председатель Гуджюнас, осмотрев машину со всех сторон, недовольно поморщился.

Хотя председатель не сказал кузнецу ни слова, Адомелис возмутился: и как может Ионас хорошо работать, если нет Анеле, если она с Ионасом в ссоре?..

А люди, которые приходят в кузницу то попросту у огня погреться, то перекинуться словцом — другим, будто сговорившись, все справляются:

— Ну, как твоя в науках преуспевает? Отстаёт, небось? Наука, что и говорить, простому человеку не пироги...

Кузнец точно и не слышит их, занятый своим делом. А когда к нему слишком назойливо пристают, он сердито отрезает:

— Почему она обязательно должна отставать? Как все люди, так и она!

Адомелис знает, что Ионас ждёт, не дождётся письма. Но Анеле так и не шлёт ему весточки. Всё обиду не забывает! Ионас даже собирается, выбрав свободный денёк, съездить в город. К ней, не к ней — это видно будет. Поэтому-то Адомелис втихомолку и ворчит на любопытных колхозников.

Возвращаясь из школы, Адомелис каждый раз заглядывает на поцюнеляйскую почту.

— Кузнецу Ионасу нет письма? — спрашивает он, когда у окошечка толпится поменьше народу.

— Кузнецов много, а Ионасов и того больше... — отвечает ему молодой курчавый заведующий. — Какой же это Ионас?

— Ну... Анчюлис... — смущается Адомелис.

— А-а-а... знаю такого, знаю... — говорит заведующий, просматривая письма. — Нет, нету ему ничего...

Адомелис возвращается домой не солоно хлебавши.

Он так часто заходит на почту, что заведующий охотно заводит с ним беседу.

— Кто же Ионасу должен написать, если это не тайна? — спрашивает он.

— Анеле...— помявшись, отвечает Адомелис.

— Анеле на белом свете тоже очень много...— всё тем же наставительным тоном начинает заведующий, но Адомелис прерывает его:

— Как это много? Наша Анеле единственная! Она бригадир! В городе учится!

Когда Адомелис, простудившись на реке, болел, на почту захаживал Микас.

Ещё Микас снег с валенок и воротника сбивает в сенях, а Адомелис уже кричит сиплым голосом:

— Есть?

Микас печально качает головой, и Адомелис каждый раз решает, что Микас не умеет справиться как следует на почте.

И как будто это Микас виноват, что Анеле не пишет, Адомелис говорит сердито:

— Встану — сразу письмо будет...

Однажды заведующий сам подозвал Адомелиса.

— Письмо! — обрадовался мальчик.

Он пулей бросился к окошечку, выхватил из рук заведующего голубоватый конверт и помчался в колхоз.

— Заказное! Расписаться надо! — кричал заведующий, но Адомелиса и след простыл. Не догонишь! Куда уж!..

Адомелис бежал что есть сил. Вместе с ним бежала занесённая снегом дорога, мимо пролетали белые, недавно поставленные телеграфные столбы. Сердце билось так часто, что казалось, не выдержит — разорвётся в груди.

Чем ближе доносился грохот кузницы, тем больше уставал Адомелис. Каждые два — три шага он проваливался в сугробы. Варежки намокли, в валенки набился снег.

Эх, если бы сейчас стояло лето и можно было бы обходиться без этих тяжёлых, больших валенок!.. Не успел бы молот Ионаса стукнуть о наковальню, Адомелис был бы тут как тут, стоял бы посреди кузницы с письмом в руке!

Вот и кузница, закоптелая, с летящими из трубы искрами. Ионас раздувает меха.

— Ионас, Ионас! — переваливаясь через порог, хрипло кричит Адомелис.

Ещё раз пробежав письмо, Ионас засмеялся.

Он видит, как задрожали большие чёрные руки кузнеца. Они дрожали мелкой дрожью до тех пор, пока, разорвав конверт, кузнец не пробежал глазами первые строки.

Полной грудью вдохнув воздух, Ионас привлёк к себе Адомелиса — лицом к лицу. На лбу Ионаса залегла глубокая морщинка, и в неё уже въелась угольная пыль. Раньше этой морщинки не было. Когда же она появилась? Адомелис невольно провёл по ней пальцами.

— Не сотрёшь!..— улыбнулся Ионас, сжимая ладонь Адомелиса.

Адомелис и сам понимал, что никак не стереть морщинку с лица кузнеца.

Ещё раз пробежав письмо, Ионас тихо-тихо засмеялся. В руках у него письмо Анеле! Это означает, что Анеле опять станет их доброй Анеле, славной колхозницей Анеле. Она будет такой, какой была раньше. Нет, даже не такой, а много-много лучше!

Перевели с литовского
Р. Рябинин и З. Шишова.

ВЕЧЕРОМ.

Фотоэтюд С. Карасёва.

О ТВОЁМ БОЛЬШОМ ДРУГЕ

Вместе с мамой

Сначала мы жили в Вильнюсе. Там после войны было много развалин. На углу нашей улицы один дом был совсем разрушен, от него остались только камни. Мама и другие жёны военных решили убрать все камни и на месте этого разрушенного дома сделать сквер. Мы с Владиком, моим старшим братом, были тогда ещё маленькие, мама нас с собой не брала. Но мы, когда гуляли, потихоньку забирались в развалины и собирали камни в кучки, чтобы потом их было легче убрать. Это Владик придумал. Он хотел помочь маме. Но мама, когда узнала, сказала, чтобы мы больше этого не делали: камни тяжёлые, можно надорваться.

— Вы лучше разбейте садик во дворе,— посоветовала мама.— Вот это будет хорошо.

Мы с Владиком принялись делать садик. Двор был весь залит асфальтом. Мы нашли подходящее местечко, устроили там клумбу и посадили анютины глазки. Клумба зацвела, а в это время как раз нам пришлось уезжать. Папу перевели в другой город. Мы очень расстроились: кто будет ухаживать за клумбой?

— Поручите её кому-нибудь,— сказала мама.— Мы сквер тоже ещё не сделали, но знаем, что его окончат другие. Так и у вас будет.

И мы поручили свою клумбу девочке Тане из нашего двора.

Мы переехали жить в Ригу. Город был нам совсем незнакомый. Мы с Владиком никого не знали. Но потом мы пошли в школу и познакомились с ребятами.

Мама стала помогать нашей школе. Она часто дежурила в школе. Один раз мама пошла на собрание, и там её выбрали в родительский комитет 7-го класса «А». В этом классе учился Владик. Мы обрадовались, что нашу маму выбрали, но потом я и мой брат Толя немного расстроились. Мы подумали, что мама теперь будет только в 7-м «А». Но мама сказала, что ничего, про нас она не позабудет. И правда,— и у нас в классе и у Толи мама помогала делать ёлочные игрушки и костюмы к празднику, вместе с нами ходила она в кино и театр. Однажды кто-то даже сказал маме:

— У вас своих трое, а вы ещё с чужими возитесь...

— Ну что ж, если так надо,— ответила мама.

Когда я была маленькая, то ещё не очень понимала, почему, куда мы ни приедем, все любят нашу маму и советуются с ней. А потом я всё поняла.

Мы с Владиком подружились с дворником дядей Петей. Как-то мы вышли погулять. Дядя Петя поливал двор. А у стены стояла большая метла.

— Дядя Петя, можно я подмету двор? — сказал Владик.

— Мети,— согласился дядя Петя.

С тех пор у нас так и повелось: дядя Петя поливает двор, а мы подметаем. Мама увидела, как мы помогаем дяде Пете, и похвалила нас.

— Это хорошо, что вы помогаете,— сказала она,— и я и папа больше всего любим людей, которые не ждут, что их попросят, а если видят, что нужно что-то сделать, сами делают...

Я эти слова запомнила и, когда ложилась спать, подумала: «Вот наша мама такая. Её никто не заставляет, а она всюду сама находит, что нужно делать: и сквер устраивала и в школе всем помогает».

По-моему, Владик немного похож на маму. И я тоже хочу быть такой, как мама.

Люба Ампилова,
город Рига, 81-я школа, 4-й класс «А».

Как мы поссорились

У меня есть друг Валерий Трифонов. Мы с ним живём по соседству и в одной школе учимся, только я в шестом классе, а Валерка в седьмом. Дружба у нас ещё с детских лет. Но однажды получилось так, что мы чуть не рассорились на всю жизнь.

Договорились мы как-то с Валеркой пойти на речку испытывать самоходный катер, который вместе построили. Захожу я к нему в условленное время, а его дома нет. Я спрашиваю валеркину маму:

— Александра Михайловна, а где Валерка?

— Воду для стирки носит.

Подождал я немного. Пришёл Валерка с вёдрами. Я ему говорю:

— Пойдём катер испытывать.

— Не могу сегодня,— отвечает,— маме надо помочь.

Я разозлился и ушёл. Так мы в тот день и не испытывали наш катер. И на следующий день тоже, потому что я к Валерке не пошёл, обиделся. Потом всё-таки решил зайти к нему. Прихожу, а он полы моет. Я ему ничего не сказал. Подождал, пока он кончит, и мы вместе пошли на речку.

По дороге я его спрашиваю:

— Ты всегда сам полы моешь?

— Не всегда,— отвечает Валерка,— но частенько. А как же по-другому? Мама работает. Что же, она ещё и дома должна всё делать? Ты разве не помогаешь по хозяйству?

Я промолчал. Мне стало совестно, и я перевёл разговор на наш катер.

С тех пор я всегда сам убираю в комнате, и воду ношу, и в магазин бегаю, и ещё много чего делаю дома. А с Валеркой мы после этого случая ещё больше подружились.

Валерий Савельев,

город Владимир, школа № 5, 6-й класс «В».

Разговор по душам

Однажды к нам в школу пришла мама Вали Лысяковой. Сразу было видно, что она чем-то расстроена.

— Что такое случилось? — спросила её Зинаида Васильевна, наш классный руководитель.

— У нас неприятность,— сказала валина мама,— из дневника отметка пропала.

Оказывается, когда она подписывала дневник за неделю, то заметила, что в одном месте страница протёрта чуть не до дырки. Валя созналась, что получила двойку по истории и стёрла её. «Я,— говорит,— потому это сделала, что тебя же, мамочка, пожалела. Не хотелось, чтобы ты огорчалась».

Зинаида Васильевна долго говорила о чём-то с Валей и её мамой. Вале было очень стыдно.

А потом Зинаида Васильевна предложила:

— Давайте соберёмся все вместе и поговорим о том, как мы относимся к своим мамам.

Разговор у нас получился очень хороший.

Юра Кургузов рассказывал, как любил и уважал свою мать Владимир Ильич Ленин, как дружили со своими матерями Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская.

Потом мы стали говорить о своей жизни. Коля Петров спросил:

— Ребята, а мы сами всегда правильно поступаем?

— Нет, не всегда,— ответил Юра. И стал рассказывать о себе. Нас это удивило. Ведь Юра — хороший помощник в семье. Он заботится о младшем братишке, умеет хозяйничать и как-то даже спорил с нами, девочками, что сможет лучше нас состряпать обед.

Но Юра сказал, что бывали и у него случаи, когда не очень-то хотелось ему заниматься домашними делами. Один раз позвали его товарищи гулять, а мама в этот момент попросила сходить в магазин. Он начал отнекиваться, ворчать, губы надул: «Все гуляют, а мне в магазин...»

— Ну, ладно, погуляй,— разрешила мама.

В тот вечер мама долго сидела, проверяя тетради своих учеников. Ведь в магазин-то пришлось идти ей самой, а времени свободного у неё мало. И Юре стало очень стыдно.

Женя Алмазов тоже вспомнил, как однажды летом, не спросясь у мамы, он уехал с ребятами на Волгу. Мама очень беспокоилась, бегала по соседям, искала, не знала, куда он делся. А он гулял целый день без забо-

ты! Только когда он явился домой и увидел заплаканные мамины глаза, понял, что виноват.

— А помните, ребята, как вёл себя Боря, когда его мама лежала в больнице? — сказала Тамара Орехова.

Борис покраснел, и было от чего. Ведь во время маминой болезни он пропускал уроки. Не потому, что был занят чем-нибудь, а, наоборот, был слишком свободен: некому было за ним следить.

Многим из нас пришлось покраснеть в тот день.

Конечно, все мы любим своих мам. Только иногда мы поступаем необдуманно и огорчаем их. А вот этот разговор заставил нас задуматься.

Валя Лопатина, Лариса Юдина,
Валя Жигалова,
город Куйбышев, средняя школа № 85, 6-й класс «Б».

Наша семья

Я очень люблю рисовать. Сегодня выходной день, мама хозяйничает, а я сажусь за свою любимую работу. Я уже нарубил дров, принёс воды. Ведь я сейчас старший в доме. Младший брат, Вася, учится в третьем классе, а старший брат работает в Киеве на станкозаводе фрезеровщиком.

Нас у мамы трое. Отец погиб на фронте в годы Отечественной войны. Я был тогда совсем маленьким. Мама работает в колхозе. Я очень люблю свою маму. Она такая ласковая, спокойная, никогда не обижает нас, и я привык быть с нею откровенным.

Помню, однажды я разбил комнатный цветок и решил скрыть это от мамы, чтобы не огорчать её. Но мне было очень неприятно молчать, и я рассказал всё маме. Она только посмеялась над моей нерешительностью.

У нас маленькая, но дружная семья. Мама приучила нас к труду, потому что любит трудиться, хоть она здоровьем слабая. Летом я часто работаю в колхозе и стараюсь всё делать хорошо, чтобы маме не было стыдно. Среди трудодней, заработанных нашей семьёй, есть и мои трудодни.

С тех пор как мама болеет, я больше помогаю ей. И учиться стараюсь как можно лучше, а то мама очень огорчилась бы. Когда я выучусь, я стану художником и нарисую большой портрет моей мамы.

Павел Медведь,
село Шпытьки, Киевской области,
средняя школа, 6-й класс «Б».

Моя вторая мама

Когда мне было три года, умерла моя мама. Я не помню её, и я часто вспоминаю, как в первый раз увидела свою вторую маму... Мы шли умываться на ночь. Когда мы проходили мимо комнаты мальчиков, оттуда вышла маленькая женщина с немного растрёпанными волосами. Она поправила полотенце, которое сползло у меня с плеча и волочилось по полу, и так, держа руку на моём плече, дошла с нами до умывальной. «Кто это?» — спросила я. И одна из старших девочек сказала: «Наверное, комиссия». Я знала, что всякого взрослого человека называют по имени и отчеству, и подумала: «Комиссия, а как же дальше?» Я приняла слово «комиссия» за имя этой женщины.

На следующий день мы узнали, что незнакомая женщина — наша новая воспитательница Нина Александровна Заневская.

С тех пор прошло много лет, но удивительно: до сих пор суховатое слово «комиссия» связано для меня с чем-то очень милым и тёплым...

Сейчас я уже взрослая. Мне девятнадцать лет. Я сама теперь воспитательница. Мы с Ниной Александровной вместе обсуждаем на педагогических советах разные дела. Дело в том, что я работаю в том самом детском доме, в котором выросла. Глядя на своих воспитанников, я вспоминаю собственное детство. Разные картины встают предо мной, и всегда в них присутствует Нина Александровна.

Летишь, бывало, из школы и представляешь, какое лицо будет у Нины Александровны, когда увидит она твою пятёрку. Или еле бредёшь, когда в дневнике плохая отметка, и с тоской думаешь, как покажешь её Нине Александровне. И знаешь, ругать она не будет, только посмотрит на тебя и скажет: «Ну что ж, спасибо». Это её «спасибо» было для нас горше всего.

...Вот я больна. У меня сильно болит бок, кажется, начинается плеврит. Я лежу в постели и слышу, что делается вокруг. По коридору тащат что-то тяжёлое, наверно, декорации: сегодня в детском доме вечер. В зале кто-то играет на пианино, слышен топот — там уже танцуют. И мне так жалко себя: все про меня забыли, никому до меня нет дела, а я такая больная и слабая, мне даже дышать больно! Я слышу, как отворяется дверь. Это Нина Александровна. Я зажмуриваюсь. Всё равно она сейчас уйдёт, станет она тут сидеть, мало ли у неё других дел. Вот если бы у меня была мама... Нина Александровна трогает мой лоб, подвигает стул, садится. Всё равно уйдёт, растравляю я себя. Тихонько скрипит дверь. Ну вот, это за ней! «Пусть начинают без меня»,— шёпотом говорит кому-то Нина Александровна. Ну, не сейчас, так позже, упрямо думаю я, не будет же она сидеть тут всю ночь... Ночь длинная, тяжёлая, душная. Я засыпаю, просыпаюсь в ужасе: она ушла? Но в полумраке я вижу Нину Александровну, она суёт мне под одеяло что-то тёплое. Грелка, догадываюсь я, и снова засыпаю. К утру мне становится легче. Нина Александровна всё ещё сидит у моей постели.

...Лето. Лагерь. Наш отряд собирается в трёхдневный поход. «Только смотрите,— говорит Нина Александровна,— что бы там с нами ни приключилось,— не хныкать. А случиться может всякое. Тигров и леопардов, правда, не обещаю, но вот дождь — вещь вполне реальная». «Подумаешь, дождь,— говорим мы,— пусть!» «Он может зарядить на все три дня». «Пусть!» «Но дождь ещё не всё, может быть и гроза с громом, молнией, с отчаянным ливнем». «Пусть!!!» — кричим мы. Мы жаждем грозы, ливня, самума, смерча, шторма, мы хотим доказать Нине Александровне, что нам всё нипочём.

И вот она в белой панаме, в простых мальчишечьих ботинках, с рюкзаком за плечами шагает с отрядом. Она останавливает нас у лесного озера, и мы слушаем рассказ об обитателях воды. Мы смотрим в ночное небо, и Нина Александровна рассказывает нам о планетах и звёздах. Мы останавливаемся у памятника воинам-героям, и наша воспитательница рисует перед нами картину боёв, которые происходили тут, боёв за нашу жизнь, за наше счастье... И мне кажется, нет такого камня, такой травинки, такого исторического события, которые были бы незнакомы нашей Нине Александровне.

По правде сказать, я и сейчас продолжаю так думать. Недавно я как-то сказала об этом Нине Александровне. «Ох, Зина,— ответила она мне,— как можно так заблуждаться! Я знаю очень мало по сравнению с тем, что я должна знать, чтобы быть настоящей воспитательницей. Может быть, меня извиняет только то, что я стараюсь узнавать».

Я окончила седьмой класс, поступила в педагогическое училище и осталась жить в детдоме. Придёшь, бывало, с занятий и ищешь по всему дому Нину Александровну. Она в классной комнате занимается с ребятами. Обернётся сердито: что ещё там такое? Поднимешь руку с растопыренными пальцами: пятёрка, мол. Она вся просияет. А вечером обязательно разыщет тебя, расспросит обо всём и сунет в руку конфету или яблоко.

«Ну ладно, ладно, знаю, что ты уже взрослая, студентка, а всё-таки съешь...»

У Нины Александровны сейчас новые воспитанники: тридцать мальчиков и девочек, которых она учит быть честными, добрыми, трудолюбивыми, как учила когда-то нас. Если бы собрать всех воспитанников Нины Александровны, то, пожалуй, тесным оказался бы наш просторный детский дом.

Всё, что есть в моём детстве и юности светлого и прекрасного, связано с чудесным человеком — моей второй матерью Ниной Александровной Заневской.

З. Головачёва,
воспитательница детского дома № 21,
город Москва.

Мама — это первое слово, которое ты произнёс. И первое лицо, которое ты начал узнавать, которому стал улыбаться,— это лицо твоей мамы. И первый в своей жизни шаг ты сделал, держась за руку своей матери... Даже если у тебя очень много друзей, наверно, никто из них не обрадуется твоему успеху больше, чем мать, и никто больше неё не опечалится, если с тобой стрясётся какая-нибудь беда. И как бы много она о тебе ни заботилась, как бы ни была преданна тебе, она не требует награды за это: она мать и не может поступать иначе. Если случалось тебе с ней надолго расставаться, ты, вероятно, чувствовал, как тебе её не хватает и как хорошо, когда она рядом с тобой. Но когда вы вместе, всегда ли ты ценишь это?

Мы напечатали здесь пять писем. В этих письмах наши читатели рассказывают о том, как любят и ценят они своих матерей. Но вот ещё одно письмо, шестое. Его написала московская девочка, имя и фамилия которой нам неизвестны. Мы знаем только, что она учится в 605-й школе.

«Я очень люблю каток,— пишет неизвестная девочка.—Никакая сила не может удержать меня дома в воскресенье. Один раз мама не позволила мне идти на каток (для этого была важная причина), но мне ужасно не хотелось сидеть дома, и в конце концов мама отняла у меня коньки. «Ах, так! — сказала я.— Тогда уж я ни за что не останусь!» И я ушла и весь вечер прокаталась на чужих коньках... До сих пор не могу забыть, какое было лицо у мамы, когда она мне открыла дверь. Это — самое плохое воспоминание во всей моей жизни».

Мы верим девочке. Такое воспоминание может долго мучить человека. Пройдёт много времени прежде, чем оно изгладится из её памяти. А может быть, воспоминание это всегда будет жить в её душе, и, даже став взрослой, она будет с болью и стыдом вспоминать, как когда-то в детстве обидела свою мать.

От всего сердца желаем тебе никогда не испытывать таких минут. Пусть ни сейчас, ни после, когда ты вырастешь, ты не сможешь упрекнуть себя ни в одном дурном, неуважительном поступке по отношению к твоему лучшему другу — матери. Пусть никогда никакая горечь не примешивается к твоим мыслям о её доброте и заботливости, о её всегда открытом для тебя сердце. И если до сих пор случалось тебе хоть изредка, хоть невзначай быть невнимательным к своей матери, скажи себе: этого больше не будет.

Твоя мама — большая труженица. Но занимается ли она домашним хозяйством, работает ли счетоводом или врачом, дояркой или учительницей, кондуктором или агрономом, она всегда помнит о тебе, заботится о тебе. Она сидит возле твоей кровати, когда ты болен, она хлопочет о том, чтобы в январе у тебя была ёлка и чтобы летом ты хорошо отдохнул. Она не забывает отдать в починку твои башмаки и сшить для тебя тёплые рукавицы. Её любовь всегда деятельна. И если ты бежишь усталой маме навстречу и помогаешь ей снять пальто, если ты не даёшь ей пойти на кухню и сам разогреваешь обед, если ты помогаешь в домашних делах и делаешь всё, чтобы доставить маме радость и покой,— не считай это своей заслугой: это твой долг.

КАЗАЛОСЬ МНЕ...

Рашид Рашидов

Рисунки А. Ливанова.

Однажды в сакле шапку я
Подкинул так умело,
Что шапка новая моя
До потолка взлетела.

И в этот день,
клянусь, друзья,
Казалось мне бесспорным,
Что самый сильный
это я
В ауле нашем горном.

Мои товарищи кругом
Меня превозносили.
Они, как я,
под стол пешком
Ещё в тот год ходили...

* * *

Когда по горной крутизне
Я в тихий час заката
Скакал впервые на коне,
Держась за спину брата,

То мне казалось,
что уже
Я стал джигитом смелым
И мчусь с отвагою в душе
Вперёд, к вершинам белым.

Вы понимаете меня,
И ясно вам, ребята,
Что я свалился бы с коня,
Не будь со мною брата.

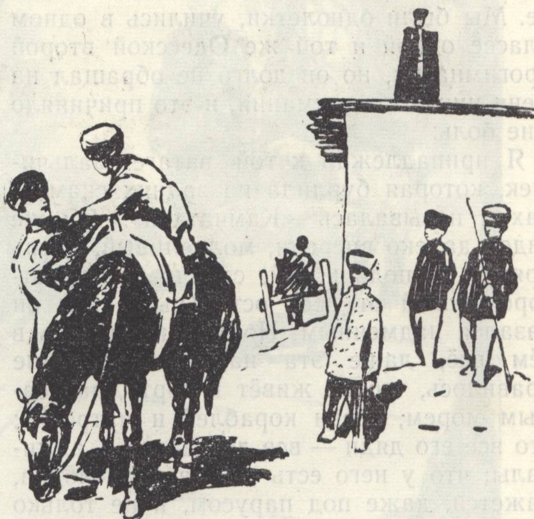
* * *

Когда впервые переплыл
Я речку с видом важным,
То про себя, друзья,
решил,
Что стал пловцом отважным.

Потом смотрел я в синеву,
С товарищем поспоря,
Что без труда переплыву
Теперь любое море.

Но в этот час сама река
Смеялась надо мною.
Была она не широка:
Два метра шириною.

* * *

Когда за партою, друзья,
В тетради, на листочке,
Впервые в жизни
вывел я
Две стихотворных строчки,

То показалось в классе мне,
Что стал я вдруг поэтом,
Известным каждому в стране
По книгам и газетам.

Но те стихи не вышли в свет:
Ведь было мне двенадцать лет...

Стихи ли пишешь в тишине,
Форсируешь ли речку,
Иль скачешь в горы на коне,
Держа в руке уздечку,

О славе вправе ты мечтать,
Но,
добиваясь цели,
Учись,
товарищам подстать,
Быть скромным в каждом деле.

Перевёл с даргинского
Я. Козловский.

Детство Бориса Житкова

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Корней Чуковский

Рисунки Ф. Лемкуля.

I

С Борисом Житковым я познакомился в детстве, то есть ещё в девятнадцатом веке. Мы были однолетки, учились в одном классе одной и той же Одесской второй прогимназии, но он долго не обращал на меня никакого внимания, и это причиняло мне боль.

Я принадлежал к той ватаге мальчишек, которая бурлила на задних скамейках и называлась «Камчаткой». Он же сидел далеко впереди, молчаливый, очень прямой, неподвижный, словно стеной отгороженный от всех остальных. Нам он казался надменным. Но мне нравилось в нём всё, даже эта надменность. Мне нравилось, что он живёт в порту, над самым морем, среди кораблей и матросов; что все его дяди — все до одного — адмиралы; что у него есть собственная лодка, кажется, даже под парусом, и не только лодка, но и телескоп на трёх ножках, и скрипка, и чугунные шары для гимнастики, и дрессированный пёс.

Обо всём этом я знал от счастливцев, которым удалось побывать у Житкова, а дрессированного, очень лохматого пса я видел своими глазами: пёс часто провожал его до ворот нашей школы, неся за ним в зубах его скрипку.

Бывало, придя спозаранку, я долго простаивал у этих ворот, чтобы только поглядеть, как Житков — с неподвижным и очень серьёзным лицом — наклонится над учёной собакой, возьмёт у неё свою скрипку, скажет ей (будто по секрету!) какое-то негромкое слово, и она тотчас же помчится без оглядки по Пушкинской,— очевидно, в гавань, к кораблям и матросам.

Может быть, оттого, что у меня не было ни дядей адмиралов, ни лодки, ни телескопа, ни учёного пса, Житков казался мне самым замечательным существом на всём свете, и меня тянуло к нему, как магнитом. Мне импонировали его важность, молчаливость и сдержанность, ибо сам я был очень вертляв и болтлив, и во мне не было ни тени солидности. Случалось, что в течение целого дня он не произносил ни единого слова, и я помню, как мучительно я завидовал тем, кого он изредка удостаивал своим разговором. Таких было немного: обруселый итальянец Брамбилла, да Миша Кобецкий, да Ильюша Мечников, племянник учёного, да ещё двое — трое, не больше. Мне совестно вспомнить, сколько я делал мальчишески неумелых попыток проникнуть в этот замкнутый круг, привлечь внимание Бориса Житкова какой-нибудь отчаянной выходкой. Но он даже не глядел в мою сторону.

Так шло дело месяца два или три, а пожалуй, и больше. Житков упорно уклонялся от всякого общения со мною. Но тут произошёл один случай, неожиданно сблизивший нас. Случай был мелкий, и я позабыл бы о нём, если бы он не был связан с Житковым.

Началось с того, что наш директор Андрей Васильевич Юнгмейстер, преподававший нам русский язык, повёл как-то речь о различных устарелых словах и упомянул, между прочим, словечко «отнюдь», которое, по его утверждению, уже отживало свой век и в ближайшие же годы должно было неминуемо сгинуть. Я от всей души пожалел умиравшее слово и решил принять самые энергичные меры, чтобы предотвратить его смерть и влить в него, так сказать, новую жизнь: упросил всю «Камчатку» — около десятка товарищей — возможно чаще употреблять его в своих разговорах, тетрадках и на уроках у классной доски. Поэтому когда Юнгмейстер спрашивал у нас, например, знаем ли мы единственное число слова «ножницы», мы хором отвечали:

— Отнюдь!

— А склоняются ли такие слова, как «пальто» или «кофе»?

— Отнюдь!

Здесь не было озорства или дерзости. Просто нам хотелось по мере возможности спасти безвинно погибавшее русское слово. Но Юнгмейстер увидел здесь злокозненный заговор и, так как я кричал громче всех, вызвал меня к себе в кабинет и спросил: намерен ли я прекратить

Пёс часто провожал его до ворот школы, неся за ним в зубах его скрипку.

этот «бессмысленный бунт»? Когда же я по инерции ответил: «Отнюдь»,— он разъярился и, угрожая мне невероятными карами, приказал остаться на два часа без обеда.

Отсидев эти два часа на подоконнике класса, я, голодный и сердитый, брёл домой, к себе, на Новорыбную улицу, заранее страдая от тех неприятностей, которые эта история может причинить моей матери.

Отойдя довольно далеко от гимназии, где-то в районе Базарной, я с удивлением увидел, что рядом со мною — Житков. В руке у него была скрипка. «Задержался, должно быть, с учителем музыки»,— подумал я, бесконечно счастливый. Житков был сдержан и молчалив, как всегда, но в самом его молчании я чувствовал дружественность. Должно быть, в том бестолковом эпизоде, о котором я сейчас рассказал, что-то полюбилось ему. Ни

единым словом не выразил он мне одобрения, но уже то, что он шёл со мной рядом, я ощутил как выражение сочувствия.

На углу Канатной он внезапно спросил:

— Грести умеешь?

— Отнюдь... То есть нет, не умею...

— А править рулём?

— Не умею.

— А гербарий собираешь?

Я даже не знал, что такое гербарий.

— А какой сейчас дует ветер? Норд? Или вест? Или ост?

Этого я тоже не знал. Я не знал ничего ни о чём. И был уверен, что едва он увидит, какой я невежда, он отвернётся от меня и сейчас же уйдёт. Но он только свистнул негромко и продолжал молча шагать со мной рядом. Был он невысокого роста, узкоплечий, но, как я впоследствии мог убедиться, очень сильный, с железными мускулами. Шагал он по-военному — грудью вперёд. И вообще во всей его выправке было что-то военное. Он молча довёл меня до Новорыбной, до самого дома, и на следующий день, в воскресенье, явился ко мне поутру с истрёпанным французским астрономическим атласом и стал показывать на его чёрных, как сажа, страницах всевозможные созвездия, звёзды, туманности. Он так заинтересовал ими меня и мою сестру, что мы стали с нетерпением ждать темноты, чтобы увидеть в небе те самые звёзды, какие он показывал нам на бумаге, словно прежде ни разу не видели их.

С тех пор и началась моя странная дружба с Житковым, которая, я думаю, объясняется тем, что мы оба были до такой степени разные. Характер у Житкова был инициативный и властный, и, так как его, третьеклассника, уже тогда буквально распирало от множества знаний, умений и сведений, которые наполняли его до краёв, он, педагог по природе, жаждал учить, наставлять, объяснять, растолковывать. Именно потому, что я ничего не умел и не знал, я оказался в ту пору драгоценным объектом для приложения его педагогических талантов, тем более что я сразу же смиренно и кротко признал его неограниченное право распоряжаться моей умственной жизнью.

Он учил меня всему: гальванопластике, французскому языку (который знал превосходно), завязыванию узлов по-морскому, распознаванию насекомых и птиц, предсказанию погоды, плаванию, ловле тарантулов... Под его ближайшим руководством я читал Тимирязева, Фламмариона и Дарвина. У него я научился отковыривать от биндюгов [1] при помощи молотка и стамески старые оловянные бляхи и плавить их в чугунном котелке на костре.

Моя мама, послушав наши разговоры о звёздах, была с первого же дня очарована им. Другие изредка приходившие ко мне гимназисты были в её глазах драчуны, сквернословы, хвастунишки, курильщики, и она требовала, чтобы я сторонился их. Житков же, такой подтянутый, серьёзный, внушительный, толкующий мне о небесной механике, сразу завоевал её сердце, и вскоре у них завелись свои особые дела и разговоры. Она очень любила цветы, и Житков стал помогать ей в цветоводстве, пересаживал вместе с нею её лимоны и фикусы, добывал для неё у знакомого немца-садовника тонко просеянную чёрную жирную землю, которую и приносил ей на спине из Александровского парка в самодельном рюкзаке. Помню также (но, кажется, это было значительно позже), что он приносил ей какие-то выкройки и даже помогал ей кроить ситцевые блузки для моей старшей сестры — по изобретённому им новому методу.

Вообще со взрослыми он сходился охотнее, чем с детьми, может быть, оттого, что ему самому была свойственна степенная «взрослость» речей и поступков. Его взрослые приятели в огромном своём большинстве принадлежали к так называемым социальным «низам»: кочегары, переплётчики, биндюжники, отставные солдаты, фабричные и даже какой-то хромой пиротехник, изготовлявший фейерверки для «народных гуляний» [2]. С каждым из них у Житкова был, как сказали бы нынче, деловой контакт, для меня непонятный: одному он приносил какую-то замысловатую гайку, другому сообщал чей-то адрес, у третьего брал паклю и смолу для шпаклевания лодки, с четвёртым ходил для чего-то в ломбард. Все они относились к нему уважительно и звали его, тринадцатилетнего, Борисом Степанычем; каждого он посещал ненадолго, с каждым разго-

---

[1] Биндюги — телеги для перевозки тяжёлых грузов.

[2] В то время ни одно гулянье на Ланжероне и на Малом Фонтане не обходилось без фейерверков. Изготовляла их фирма «Курц и К°». В мастерской этой фирмы и работал хромой пиротехник.

варивал малословно, деловито и веско, глухим, еле слышным голосом.

Вообще он был скуп на слова. У него было великолепное умение молчать. Среди малознакомых людей он садился обычно в стороне, на отлёте, и даже както демонстративно молчал, всматриваясь во всех окружающих спокойными, слегка прищуренными, зеленоватыми, внимательными глазами.

II

Никогда не забуду, как ранней весной он стал учить меня гребле — не в порту, а на Ланжероне, у пустынного берега, взяв для этого шаланду у знакомого грека. Вёсла были занозистые, тяжёлые, длинные, шаланда неуклюжая и в то же время предательски вёрткая, руки у меня закоченели от лютого ветра (я уже знал, что этот ветер называется норд), боковые волны с каждой минутой становились всё злее, но я испытывал жгучий восторг оттого, что на корме сидит Житков и отрывисто командует мне:

— Левое табань, правое загребай! Закидывай подальше — нет, ещё дальше, вот так! И сразу же дёргай, сразу,— понимаешь ли, сразу? Вот так! Раз, два! Раз два!

Требовательность его не имела границ. Когда у меня срывалось весло, он смотрел на меня с такой безмерной гадливостью, что я чувствовал себя негодяем. Он требовал бесперебойной, квалифицированной, отчётливой гребли, я же в первое время так сумбурно и немощно орудовал тяжёлыми вёслами, что он то и дело с возмущением кричал:

— Перед берегом стыдно!

И хотя на берегу в такой холод не было ни одного человека, мне казалось, что всё побережье от гавани до Малого Фонтана усеяно сотнями зрителей, которые затем и пришли, чтобы поиздеваться над моей неумелостью. Лишь благодаря педагогическому таланту Житкова, его неотступной настойчивости я уже через месяц стал более или менее сносным гребцом, и он счёл возможным взять меня к себе в «свою» гавань и совершить со мною торжественный рейс в новом, щеголеватом, свежелакированном боте до маяка и обратно. Сам он грёб артистически, как профессиональный моряк, забрасывая вёсла далеко назад и подчиняя каждое своё движение строжайшему ритму. Бот был чужой, но его владелец уехал куда-то и предоставил его на время Житкову; от кого-то другого (я забыл, от кого) Житкову достались две пары замечательных вёсел из пальмового дерева, со свинцом в рукоятках, гибких, тонкой работы. Эти вёсла хранились на дне очень высокой баржи, пришвартованной к пристани, и за ними Житков обыкновенно посылал меня. Так как во всех наших морских предприятиях сразу же установилось, что я юнга, а он капитан, я не смел ослушаться его приказаний, хотя на эту баржу нужно было взбегать по узкой, шаткой и длинной доске, чего я смертельно боялся. Особенно страшно было идти по ней вниз с двумя парами вёсел. Узнав о моей боязни, Житков сказал мне, что и сам он когда-то испытывал «страх высоты», но преодолел этот страх тренировкой, и в доказательство с такой быстротой взбежал по доске, что она заходила под ним ходуном, и я закрыл глаза от испуга.

Вскоре я настолько освоился с греблей, что Житков счёл возможным выйти со мною из гавани в открытое море, где на крохотное наше судёнышко сразу накинулись буйные, очень весёлые волны.

До знакомства с Житковым я и не подозревал, что на свете существует такое веселье. Едва только в лицо нам ударило свежим ветром черноморского простора, я не мог не прокричать во весь голос широких, размашистых строк, словно созданных для этой минуты:

Зыбь ты великая! Зыбь ты морская!
Чей это праздник так празднуешь ты?

Житков тотчас же продолжил цитату. Он знал и любил стихи, особенно те, в которых изображалась природа. Помню, как он восхищался стихами Пушкина о морской глади, которую

Измял сналёту вихорь шумный.

— Подумай только! — говорил он.— Сказать о воде, что она и з м я т а ураганом, как бумага, как тряпка! И это чудесное слово: «сналёту»!..

...На горизонте появился пароход. Греческий? Французский? Итальянский? Житков сразу узнал его по очертаниям корпуса и задолго до приближения парохода безошибочно назвал его имя.

В море Житков становился благодушен, разговорчив, общителен и совершенно сбрасывал с себя свою «взрослость» и замкнутость. Нам случалось бывать в мо-

...Он швырнул мне конец верёвки.

ре по семи, по восьми часов, порой и больше; мы приставали к Большому Фонтану, разводили на гальке костёр, варили в жестянке уху, состязались в бросании камней рикошетом, причём Житкову удавалось добиться того, что камень раз десять появлялся над поверхностью моря, прежде чем упасть на дно. К концу лета мы загорели, как негры. Моя мать, до той поры никогда не решавшаяся отпускать меня к морю, теперь уже не возражала против моих долгих экскурсий, так магически действовало на неё имя: Житков.

Только раз за всё лето с нами случилась авария, о которой мы часто вспоминали потом, несколько десятилетий спустя. Как-то перед вечером, когда мы возвращались домой, вдруг сорвался сильный

ветер и погнал нас прямиком на волнорез, а разгулявшиеся буйные волны словно задались специальною целью швыркнуть нас со всего размаха о гранит волнореза и разнести наше судёнышко в щепки. Мы гребли из последних сил: всё своё спасение мы видели в том, чтобы добраться до гавани, прежде чем нас ударит о камни. Это оказалось невозможным, и вот нас подняло так высоко, что мы на мгновение увидели море по ту сторону мола, потом бросило вниз, как с пятиэтажного дома, потом обдало огромным водопадом, потом с бешеной силой стало бить нашу лодку о мол то кормой, то носом, то бортом. Я пробовал было отпихнуться от волнореза веслом, но оно тотчас сломалось. Я одеревенел от отчаяния и вдруг заметил или, вернее, почувствовал, что Житкова уже нет у меня за спиной. Была такая секунда, когда я был уверен, что он утонул. Но тут я услыхал его голос. Оказалось, что в тот миг, когда нас подняло вверх, Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол — на его покатую, мокрую, скользкую стену — и вскарабкался на самый её гребень. Оттуда он закричал мне:

— Конец!

Конец — по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему конец той верёвки, что лежала свёрнутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был ещё очень нетвёрд, я понял слово «конец» в его общем значении и завопил от предсмертной тоски.

К счастью, сторож маяка увидал катастрофу и поспешил мне на помощь. Со страшными ругательствами, которых не могло заглушить даже завывание бури, с искажённым от злобы лицом он швырнул мне конец верёвки и вместе с Житковым втащил меня, дрожащего, но невыразимо обрадованного, на мокрые камни мола и тотчас же занялся нашей лодкой: зацепил её длинным багром и велел подручному ввести её в гавань, после чего с новым ассортиментом ругательств накинулся на меня и Житкова, требуя, чтобы мы следовали за ним на маяк. Я ожидал необыкновенных свирепостей, но он, не переставая браниться, дал нам по рюмке перцовки, приказал скинуть промокшее платье и бегать нагишом по волнорезу, чтобы скорее согреться. Потом уложил нас на койку в своей конуре, прикрыл одеялом и, усевшись на опрокинутый ящик, взял перо, чтобы составить протокол о случившемся, но когда после первых же вопросов узнал, что один из нас Житков, «сын Степана Василича», отложил перо, отодвинул бумагу и опять угостил нас перцовкой.

Чтобы выпрыгнуть из лодки во время бури и вспрыгнуть на мол, нужна была ловкость спортсмена, не говоря уже об отчаянной смелости. Здесь, в эту четверть часа, предо мной раскрылся весь Житков: великий «умелец», герой, верный и надёжный товарищ.

III

Лишь впоследствии, около четверти века спустя, я узнал от Житкова, что многие из тех взрослых, бородатых людей, с которыми он в детстве водился, в том числе хромой пиротехник, работали в революционном подполье и что он, тринадцатилетний Житков, уже в те ранние годы оказывал им посильную помощь. Например, пиротехнику, жившему далеко от города, по дороге на Малый Фонтан, он регулярно приносил в гимназическом ранце какую-то тестообразную розовато-лиловую пахучую и липкую массу, якобы нужную для изготовления фейерверков. На самом деле, как я позднее узнал, то был гектограф для размножения нелегальных листовок, изготовленный Житковым по рецепту его сестры. Пиротехник печатал листовки, и одним из их распространителей на территории порта был, как потом обнаружилось, тот же Житков, словно созданный для такой конспиративной работы. Этой конспирации немало способствовала его мнимая, чисто внешняя барственность. Ярый демократ, с детских лет постоянно якшавшийся с грузчиками, босяками, матросами, он долго не вызывал никаких подозрений у кишевших в порту полицейских именно благодаря своему щегольскому костюму (который он сам же своими руками и чистил, и утюжил, и штопал) и своей наигранной надменности.

В то время он часто жаловался, что ему не хватает воску для ловли тарантулов. Как я соображаю теперь, воск был нужен ему главным образом для изготовления гектографов; чтобы пополнить его скудные восковые запасы, мы оба без особого труда похищали огарки во всех окрестных церквах и часовнях, главным образом в афонском Ильинском подворье, тут же,

на Пушкинской улице. Гектографы у него выходили отличные, и спрос на них был очень велик.

К тому времени я стал бывать у него в доме и познакомился со всей его семьёй.

Радушие семьи изумляло меня. Оно выражалось не в каких-нибудь слащавых приветствиях, а в щедром и неистощимом хлебосольстве. Приходили к Степану Васильевичу какие-то обтёрханные, молчаливые, пропахшие махоркой, явно голодные люди, и их без всяких расспросов усаживали вместе с семьёю за длинный, покрытый клеёнкой стол и кормили тем же, что ела семья (а пища у неё была простая, без гурманских причуд: каша, жареная скумбрия, варёная говядина), и долго поили чаем, к которому и гости и хозяева питали великую склонность. Обычно обедали молча и даже как будто насупленно, но за чаепитием становились общительнее, и тогда возникали у них бурные споры о какой-нибудь статье Михайловского, о Льве Толстом, о народничестве.

Кроме литературы, в семье Житковых любили математику, астрономию, физику. Смутно вспоминаю какие-то электроприборы в кабинете у Степана Васильевича. Помню составленные им учебники по математике; они кипой лежали у него в кабинете,— очевидно, авторские экземпляры, присланные ему петербургским издателем.

Очень удивляли меня отношения, существовавшие между Степаном Васильевичем и его сыном Борисом: то были отношения двух взрослых, равноправных людей. Борису была предоставлена полная воля, он делал что вздумается,— так велико было убеждение родителей, что он не употребит их доверия во зло. И действительно, он сам говорил мне, что не солгал им ни разу ни в чём. Раньше я никогда не видел подобной семьи и лишь потом, через несколько лет, убедился, что, в сущности, то была очень типичная русская интеллигентская трудовая семья того времени, каких было немало в столицах и больших городах: в Саратове, в Киеве, в Нижнем, в Казани,— щепетильно честная, чуждая какой бы то ни было фальши, строгая ко всякой неправде. В ней не было ни тени того, что тогда называлось «мещанством», и этим она была непохожа на все прочие семьи, которые довелось мне в ту пору узнать. Живо помню, с каким восхищением я, тринадцатилетний мальчишка, впитывал в себя её атмосферу.

Что раньше всего поразило меня в житковской квартире,— это множество книг и журналов — на этажерках, на полках, на подоконниках, на табуретах и стульях — и прекрасная готовность хозяев поделиться прочитанной книгой с другими, чтобы книга не осталась ни одного дня без читателей. При первом же моём посещении Житковых, едва только я случайно признался, что мне никогда не доводилось читать полное издание «Дон Кихота», Житков-отец ушёл в другую комнату, вынес оттуда Сервантеса — толстый том с рисунками Гюстава Доре,— и не то что предложил её мне, а потребовал, сердито потребовал, чтобы я взял её с собой домой и прочитал, «да не как-нибудь, а серьёзно и вдумчиво!..»

У него, как и у его сына Бориса, было в характере что-то суровое. Он занимал в порту сравнительно мелкую должность, но пользовался, как я вскоре заметил, большой популярностью среди моряков, особенно низшего ранга. Его терпеть не могли капитаны и владельцы судов, но матросы, кочегары и вообще все «труженики моря» относились к нему с величайшим доверием. Его нравственный авторитет в их глазах был огромен. При всяком конфликте с начальством они шли к Степану Васильевичу, либо в контору, где он работал, либо чаще всего — к нему на квартиру, и он терпеливо выслушивал их и после долгого молчания выносил приговор, всегда клонившийся к защите пострадавших. Борис был очень похож на него — не наружностью, а психическим складом. Наружность же у Степана Васильевича была очень внушительная, хотя росту он был невысокого: борода в стиле семидесятых годов, длинные волосы, строгие глаза без улыбки — таким я представлял себе по портретам Салтыкова-Щедрина.

Служба, видимо, не удовлетворяла его; часто он возвращался с работы раздражённый и хмурый и мрачно шагал по своему кабинету, и тогда все говорили: «Он не в духе» — и не смели заговаривать с ним.

Мать Житкова была пианистка — маленькая худощавая женщина, преданная музыке до страсти. Почти всегда, подходя к тому дому, где жили Житковы, я ещё издали слышал очень громкие звуки её экзерсисов, наполнявшие собой весь дом.

...Весною 1897 года, когда мне и Борису исполнилось пятнадцать лет, он пришёл

Пиротехнику Житков регулярно приносил в гимназическом ранце какую-то тестообразную массу, якобы нужную для изготовления фейерверков.

ко мне и своим заговорщическим шёпотом предложил собираться в Киев.

— В Киев?!

— Да. Пешком. Вот по такому маршруту.— И он показал мне карту, которую достал у Степана Васильевича.

У меня было три рубля, у него — рублей семь или восемь. Мы достали две бутылки для воды (была фляга, но она протекала), купили в пекарне Бонифаци два больших калача, моя мама дала нам наволочку с сухарями и варёными яйцами, мать Житкова снабдила нас пирожками и брынзой (солёным овечьим сыром), и на следующий день на рассвете мы двинулись в путь.

Предварительно была составлена бумага, в которой определялись наши взаимные отношения во время всего путешествия. Мы должны были не расходиться в дороге ни при каких обстоятельствах, делить всю еду пополам, и т. д., и т. д., и т. д. И был ещё один пункт, который вскоре оказался для меня роковым: во всех затруднительных случаях я должен беспрекословно подчиняться Житкову, как своему командиру. Если во время пути настоящее правило будет нарушено дважды, наша дружба кончена на веки веков.

Я охотно подписал эту бумагу, не предвидя, какими она чревата последствиями.

И вот под утренними звёздами мы бодро шагаем по пыльным предместьям Одессы и к восходу солнца выходим на Николаевский шлях. Солнце печёт нещадно. На спине у каждого из нас по мешку, у пояса по бутылке с водою, в руке суковатая палка. На первом же привале, время которого строго соответствовало расписанию Бориса, я съел за завтраком всю свою порцию брынзы, мне мучительно хочется пить, но я боюсь попросить у Житкова разрешения хлебнуть из бутылки, ибо и для этого у него есть расписание. Бутылка прилажена плохо, она бьёт меня по бедру и мешает идти, но я не смею остановиться, чтобы привязать её как-нибудь иначе.

Вдоль всей дороги, до самого горизонта, железные столбы телеграфа, уже с утра раскалённые солнцем. Земля от жары вся в трещинах. Единственные живые существа, попадающиеся нам по пути,— навозные жуки, с необыкновенным усердием катящие у нас под ногами свои великолепные шары геометрически правильной формы. Житков шагает чётко, по-военному, и я, чувствуя, что он никогда не простит мне, если я обнаружу хоть малейшую дряблость души, стараюсь не отставать от него ни на шаг. В самый зной — опять-таки по расписанию Житкова — мы отыскали неподалёку от дороги глубокую балку, где и прилегли отдохнуть. Но не прошло и часа, как мы были разбужены одной из тех страшных гроз, какие бывают лишь на юге в степи.

Молнии сверкали одна за другой беспрерывно, гром гремел в тысячу раз громче обычного, а ливень превратил всю дорогу в сплошную реку. Укрыться от дождя было негде. Житков скомандовал: «Разуйся и ступай босиком!». Я снял ботинки и, следуя примеру Житкова, нацепил их на палку и пошёл по жидкому чернозёму босыми ногами чуть не по колено в грязи. Не прошло и часу, как тучи ушли к горизонту и жаркое солнце так покоробило мокрую обувь, что её было невозможно надеть. Она, как выражались на юге, «скоцюрбилась».

Рано утром в испачканной, мятой одежде, которая ещё накануне была вполне опрятной гимназической формой, голодный, босой, измождённый, с уродливыми грязными ботинками, болтавшимися у меня за спиной, я вместе с Борисом приблизился к Бугу и увидел лавчонку, где светился огонь. Я бросился к ней купить хлеба, но Житков не позволил и вместо хлеба купил, к моему изумлению, мыла, чтобы выстирать в реке наши брюки, сплошь облепленные чёрной грязью. Покупка хлеба, согласно расписанию Житкова, должна была произойти гораздо позже.

Обуздывая мои порывы, Борис, как он сам говорил, учил меня «закалять свою волю». В то время «закалка воли» чрезвычайно увлекала его. Он говорил, что человек, который не умеет подавлять в себе несвоевременные желания и прихоти, недостоин звания человека.

Мы долго стирали наши грязные брюки, стоя по пояс в воде, и, разложив их на берегу, долго ждали, пока они хоть немного обсохнут, но над рекой был туман, и мы надели их мокрыми.

Когда мы вошли в Николаев и зашагали по его идиллическим улицам, у нас (особенно у меня) был такой подозрительный вид, что прохожие неприязненно сторонились нас, очевидно, принимая за жуликов.

Неизвестно, что случилось бы с нами, если бы не выручило чудо. Когда мы, стараясь держаться подальше от центра, подошли к большому старинному кладбищу, у кладбищенских ворот на завалинке сидела рябая Маланья, когда-то проживавшая в нашем дворе — на квартире майора Стаценко, у которого она была стряпухой. Около года назад майора перевели в Николаев, и его жена взяла с собою рябую Маланью. Теперь Маланья сидела на завалинке вместе с кладбищенским сторожем и, увидев нас, изумлённо воскликнула:

— Ой, это же с нашего двора паничи!

Сторож возразил ей с украинской иронией:

— Ото такі паничи?

Но она заахала, засуетилась и бросилась к нам с такой радостью, словно мы

— Ой, это же с нашего двора паничи!— изумлённо воскликнула Маланья.

были её ближайшие родственники. Житков попробовал было уклониться от её слишком порывистых приветствий, но не прошло и минуты, как мы уже предстали перед майоршей, которая жила в двух шагах, возле самого кладбища.

Майоршу звали Ольга Ивановна, и я всегда буду вспоминать с величайшей признательностью её украинский борщ, кофе со сливками и ту мягкую, широкую постель, которую она велела постлать нам в прохладной беседке, где мы с Житковым проспали тринадцать часов, а потом встали, поужинали, побродили по городу и снова завалились на всю ночь. Бывают же на свете такие добрые люди! Покуда мы спали, рябая Маланья вычистила, выгладила всю нашу одежду, а Ольга Ивановна написала моей маме и матери Житкова пространные письма, чтобы они не беспокоились о своих сыновьях. Она была бездетная и томилась от скуки. Весь день она

только и хлопотала о том, чем бы ещё угостить нас, чем обрадовать, чем одарить. Она предлагала нам какие-то шёлковые подпояски с кистями, какой-то перламутровый ножик и даже сапоги своего майора. Я хотел было принять её дары, но Житков, «закаляя волю», наотрез отказался от них; по его примеру отказался и я. И рябая Маланья и Ольга Ивановна уговаривали нас остаться у них, но Житков отвечал на все просьбы:

— Нам нужно поскорее в Херсон, мы и так нарушили своё расписание.

IV

И вот мы снова на пыльной дороге, в степи, шагаем мимо телеграфных столбов. Обувь снова у нас на ногах, она сделалась очень просторной, так как Житков сразу же, чуть мы пришли к гостеприимной майорше, добыл у Маланьи сухого гороху, набил им доверху наши ботинки и залил его холодной водой. Горох разбух, и кожа распрямилась. Ботинки стали как раз по ноге. Мешки у нас снова наполнены снедью: в них и коржики, и сухая тарань, и варёные яйца, которыми наделила нас рябая Маланья. Кроме того мы с Житковым прихватили по привычке с собой из кладбищенской церкви около десятка огарков.

Мы прошли уже вёрст тридцать или больше. Последний привал был у нас совсем недавно — около часу назад. Но жарища стояла страшная, и мне смертельно захотелось присесть отдохнуть. Зной был такой, что перед нами то и дело возникали миражи, о каких я до той поры читал только в «Географии» Янчина,— тенистые зелёные рощи, отражающиеся в прозрачной воде,— и казалось, что через час, через два мы будем в этих райских местах непременно, но проходила минута — и видение исчезало, как дым... По расписанию Житкова следующий отдых предстоял нам ещё очень нескоро. Увидя, что я, вопреки расписанию, улёгся в придорожной канаве, Житков убийственно спокойным и вежливым голосом предложил мне продолжать путешествие. В противном случае, говорил он, ему придётся применить ко мне тот параграф подписанного мною договора, согласно которому наша дружба должна прекратиться.

Как проклинал я впоследствии своё малодушие! Это было именно малодушие, так как стоило лишь взять себя в руки, и я мог бы преодолеть свою немощь. Но на меня нашло нелепое упрямство, и я с преувеличенным выражением усталости продолжал лежать в той же позе и, словно для того, чтобы окончательно оттолкнуть от себя моего строгого друга, неторопливо развязал свой мешок и стал с демонстративным аппетитом жевать сухари, запивая их мутной водой из бутылки. Это было вторым нарушением нашего договора с Житковым, так как для еды и питья тоже было — по расписанию — назначено более позднее время.

Житков постоял надо мной, потом повернулся на каблуках по-военному и, не сказав ни слова, зашагал по дороге. Я с тоской смотрел ему вслед, я сознавал, что глубоко виноват перед ним, что мне нужно вскочить и догнать его и покаяться в своём диком поступке. Для этого у меня хватило бы физических сил, так как, хотя меня и разморило от зноя, я, повторяю, не испытывал какой-нибудь чрезмерной усталости. Но минуты проходили за минутами, а я продолжал, словно оцепенелый, лежать у столба и с отвращением пить тёплую, не утоляющую жажды, грязноватую воду. Пролежав таким образом около часу, я вдруг сорвался с места и, чуть не плача от горя, ринулся вдогонку за Борисом. Но он ушёл далеко, и его не было видно, так как дорога сделала крутой поворот. Вдруг я заметил бумажку, белевшую на одном из столбов; я бросился к ней и увидел, что она приклеена свечкой,— одной из тех, которые он достал в Николаеве. На бумажке было написано крупными, чёткими печатными буквами:

«Больше мы с вами незнакомы».

И ниже, обычною скорописью, Житков сообщил мне адрес сестры, проживавшей в Херсоне, ныне здравствующей Веры Степановны Арнольд.

Чувствуя себя глубоко несчастным, я пошёл по опостылевшей дороге. Смутно, как во сне, вспоминаю, что вёрст через десять у меня оказались попутчицы — несколько босоногих деревенских «дивчат», которые тоже «мандрували» в Херсон. У какой-то балки они свернули с проезжего шляха и пошли напрямик через степь сокращённой дорогой. Я пошёл за ними и потому очутился в Херсоне значительно раньше Житкова, разыскал Веру Степановну где-то неподалёку от Потёмкинской улицы, обрадовал её сообщением, что вскоре придёт её брат, и тотчас же после краткого умы-

вания был посажен за стол к самовару. Когда я рассказывал ей и её мужу наши путевые приключения, в дверях появился усталый, весь запылённый Борис. Он заговорил со мной как ни в чём не бывало, очень дружелюбно, без тени обиды, и вскоре мы оба были отправлены спать. Но едва мы очутились наедине и я вздумал продолжать разговор, как вдруг, к своему ужасу, услыхал от Бориса:

— Я разговариваю с вами только там, за столом, так как не хочу унижать вас перед Верой Степановной, но вообще — я уже заявил вам об этом — мы больше незнакомы друг с другом.

...Через день или два на каком-то дрянном пароходишке я, исхудалый и грустный, воротился в родительский дом.

Так закончилась моя детская дружба с Борисом Житковым. Конечно, я был кругом виноват, и всё же кара, наложенная им на меня, была, как мне кажется, слишком суровой.

Но такой уж был у Житкова характер: это был принципиальный, волевой человек, не знающий никаких компромиссов, требовательный и к себе и к другим. Я понимал его гнев: ведь он отдал мне так много души, руководил моими мыслями, моим поведением, а я, как плохой ученик, провалился на первом же экзамене, где он подверг испытаниям мою дисциплину, мою волю к преодолению препятствий.

V

Не то чтобы наши отношения совсем прекратились. Но из неразлучных и закадычных товарищей мы на долгое время стали просто знакомыми. Изредка он приходил к моей маме, приносил ей какие-то свёртки, которые она прятала в погребе, под флигелем, где мы тогда жили. Прямо под нашей квартирой был погреб, и там в 1903—1904 году Житков, как он сообщил мне потом, прятал агитационные листки и воззвания, отпечатанные им на тех же гектографах. Понемногу мы начали снова сближаться. Помню морскую прогулку на яхте вместе с ним и Сергеем Уточкиным, будущим лётчиком, легендарно бесстрашным, которого мы оба любили. Помню бежавшего из Сибири украинца-подпольщика, которого Житков на две ночи приютил у меня. Помню наши встречи в книжной лавчонке общего нашего приятеля Моника Фельдмана (на Троицкой улице), который щедро снабжал нас нелегальными книжками, начиная с «Колокола» Герцена.

Наша детская ссора понемногу забылась, но дороги наши вскоре разошлись: я уехал в Лондон, потом в Ленинград, стал литератором, обзавёлся семьёй и был очень обрадован, когда ко мне на Кирочную в 1923 году, то есть почти через тридцать лет после нашей размолвки, вдруг пришёл он сам, кумир моего детства, Житков. Но какой был у него измождённый вид! Впалые щёки, истрёпанная одежда, и в глазах безмерная усталость. Теперь, через столько лет, я уже не в силах отчётливо вспомнить, что́ произошло с ним в то время. Кажется, его обокрали и в числе прочих вещей похитили те документы, какие были необходимы ему для поступления на службу. Кроме того он был изнурительно болен и, кажется, пролежал чуть ли не месяц в больнице. Во всяком случае, нужда у него была крайняя: по его словам, даже трамвайный билет стал для него почти недоступной роскошью.

Он пробыл у меня целый день. К вечеру его мрачность мало-помалу рассеялась, он разговорился с моими детьми и, усевшись среди них на диване, стал рассказывать им о разных морских приключениях. Они слушали его, очарованные, и когда он заканчивал один свой рассказ, деспотически кричали: «Ещё!» Я слушал его рассказы урывками: приходили какие-то люди, постоянно звонил телефон. Но я видел, как увлечены его рассказами дети, и, когда он собрался уходить, я сказал:

— Слушай, Борис, а почему бы тебе не стать литератором? Попробуй, опиши приключения, о которых ты сейчас говорил, и, право, выйдет неплохая книжка!

Он отозвался как-то вяло, словно стараясь замять разговор, но я продолжал настаивать и при этом сказал:

— Ты напиши, что напишется, а я прочту и поправлю.

Через несколько дней, гораздо раньше, чем я ожидал, он принёс мне две—три тетрадки, куда убористым почерком были вписаны морские новеллы — те самые, какие он рассказывал детям. Каждая страница была сложена вдвое. Текст занимал лишь одну половину, другая оставалась свободной именно для того, чтобы я как «профессиональный писатель» имел наибольший простор для внесения нужных поправок в рукопись литературного «новичка», «дилетанта».

Я присел к столу, взял карандаш и приготовился редактировать лежавшие передо мною тетрадки, но вскоре с удивлением убедился, что редакторскому карандашу здесь решительно нечего делать, что тот, кого я считал дилетантом,— опытный литератор, законченный мастер с изощрённой манерой письма, с безошибочным чувством стиля, с огромными языковыми ресурсами. Не было никакого сомнения, что он, этот «начинающий» автор, не напечатавший ещё ни единой строки, прошёл долгую и очень серьёзную литературную школу. Радость моя была безгранична: молодая советская литература для детей и подростков, за процветание которой в то время мы так страстно боролись, приобрела в лице этого сорокалетнего морехода, кораблестроителя, математика, физика свежую, надёжную силу [1].

Прочтя эти рассказы, я отнес их в издательство «Время», которым заведовал Георгий Петрович Блок (ныне маститый историк, работающий в Академии наук в Ленинграде). Книжка Житкова была вскоре напечатана им под заглавием «Злое море».

Конечно, своей радостью — ещё до выхода книжки — я не мог не поделиться с С. Я. Маршаком, который встретил Житкова, как долгожданного друга. Именно такого человека, «умельца», влюблённого в путешествия, в механику, в технику и сочетавшего эту любовь с талантом большого художника, не хватало тогда детской литературе.

Не прошло и года, как имя Житкова стало привычным для всей детской читательской массы, и уже нельзя было сомневаться, что именно литературное творчество есть его кровная, природная, основная профессия...

Но здесь начинается тот период его биографии, который памятен не мне одному. Об этом периоде гораздо подробнее скажут другие. Я же считал своим долгом рассказать главным образом про детские годы писателя, годы, которые мало кто помнит, так как из нас, его сверстников, почти никого не осталось. А между тем, не зная его детства, невозможно понять, почему его книги сохраняют своё обаяние для каждого нового поколения советских детей. Главная причина заключается, я думаю, в том, что по всему своему душевному складу Житков уже тогда, в то далёкое время, больше полувека назад, обладал чертами типичного советского ребёнка. Теперь таких ребят миллионы, а тогда он был редкостью, невиданным чудом. С десятилетнего возраста он испытывал, например, непреодолимое влечение к механике, технике, в то время как тогдашние дети были в огромном своём большинстве страшно далеки от них. Да и какой же техникой могли бы мы соблазниться тогда? Ещё не было ни автомобилей, ни телефонов, ни трамваев, ни самолётов, ни радио. Выйдешь на пыльную, пустынную булыжную улицу и видишь медлительных, усталых волов, которые, еле перебирая ногами, тащат за собой биндюги. Это был наш главный транспорт: неповоротливые длинные телеги да ещё конка, запряжённая клячами. А Житков именно в такое время и в такой обстановке сделал технику центром своих интересов, и уже этим одним его детство перекликается с детством современных ребят.

Физкультуры, без которой нынче прямо-таки немыслимо детство, тоже не было тогда и в зародыше. Даже слова такого не знали. Пристраститься в то время к спорту, к гребле, к плаванию, к дальним походам значило опередить свою эпоху. И любовь Бориса Житкова к самодисциплине, к «закалке воли», к героической мужественности тоже сделала его далёким предтечей советских детей. Потому-то он, пожилой человек, оказался в такой гармонии с новой эпохой строительства, технических дерзаний и опытов. Я уже не говорю о том, что его революционное прошлое не могло не породнить его с советским ребёнком. Всё его детство, словно нарочно, было налажено так, чтобы полвека спустя он сделался близким товарищем, другом и сверстником нынешних советских детей.

---

[1] В письме к Игорю Арнольду, своему племяннику, Житков писал через несколько месяцев: «Опытные люди говорят, что я уж больно скоро в ход пошёл! Но этому способствовал К. Чуковский, мой детский приятель, к которому у меня сохранилось чувство, несмотря на многие годы и непогоды...» (Ред.).

К СЫНУ.

С картины Г. Семакова.
Выставка произведений художников РСФСР 1953 года.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

С картины Д. Свешникова.
Выставка произведений художников РСФСР 1953 года.

НА СЕВЕРЕ

Здесь вы видите картины художников Д. Свешникова и Г. Семакова. Эти художники хорошо знают жизнь ненцев — народа, который живёт за Полярным кругом, на севере нашей страны.

Ненцы — мужественный и трудолюбивый народ. Ненецкие колхозы владеют огромными стадами оленей в сотни тысяч голов. В поисках корма эти стада переходят с места на место, а вслед за ними кочуют по просторам тундры и оленеводы.

Когда-то, до революции, жизнь ненецкого народа была тяжёлой и безрадостной.

Печалью проникнуты слова северной сказительницы, вспоминающей дореволюционное прошлое:

«Холодна страна наша северная,
отдалённый был да отсталый край.
В нём забыты были люди и заброшены,
ссылкой сделана была наша родина,
и ничем она тогда не славилась»...

Шаманы, кулаки и купцы грабили и разоряли народ. Болезни и голод были частыми гостями в ненецких кочевьях. Ненцы и другие народы севера были обречены на вымирание. От гибели их спасла революция.

Советская власть совершенно изменила жизнь северных народов.

О новой, счастливой жизни на севере и рассказывают картины, которые помещены здесь.

Взгляните на картину «Скорая помощь». Перед вами — жилище оленевода. Такие лёгкие складные жилища — чумы — ненцы возят с собой на нартах.

В чуме — врач. Видите, он держит руку больного и сосредоточенно считает пульс. Тут же стоит лётчик. Это он доставил сюда доктора. Самолёты санитарной авиации предоставлены в распоряжение врачей севера. При первой необходимости врач может вылететь в самое отдалённое становище. Санитарные самолёты на севере — всё равно, как автомобили «Скорой помощи» в городах.

Изменилось и само жилище оленевода. Чумы стали просторнее, удобнее, теплее: ведь теперь здесь настилается пол. Вместо дымного очага — в чуме разборная лёгкая печь. Закопчённый дедовский котёл сменился кастрюлями и чайником. В чумах есть и радиоприёмники и книги.

Прежде среди ненцев не было ни одного грамотного человека, у них не существовало даже своего алфавита, своей письменности. А теперь все ненцы умеют читать и писать. Самолёты регулярно доставляют в стойбища газеты и журналы. Для того, чтобы дети оленеводов могли учиться, для них устроены школы-интернаты. Число населённых пунктов в тундре растёт с каждым годом. И с каждым годом ненецкие посёлки становятся всё более многолюдными, всё более благоустроенными. В столице национального округа, городе Нарьян-Маре, и во многих посёлках есть и электричество и радио, есть кино, клубы, библиотеки, школы.

Сценку из жизни северной школы показывает картина художника Г. Семакова «К сыну». Родители приехали из далёкого становища в интернат навестить сына. У этого мальчика впереди большая, интересная жизнь. Окончив школу, он сможет учиться дальше, станет врачом или учителем, агрономом или инженером — тем, кем он захочет стать.

Вот как много рассказывают две картины. В них отразились изменившаяся жизнь и судьба народа, огромная забота партии и правительства обо всех народах нашего Союза.

В. Степаненко

Артисты К. И. Шинкина и И. Г. Козлов, участники спектакля «На улице Счастливой», в гостях у ребят.

КОМСОМОЛЬЦЫ С УЛИЦЫ СЧАСТЛИВОЙ

Ю. Новикова

Эта уличка лежала на самой окраине Петербурга. Трудно сказать, кому вздумалось назвать её «Счастливой», скорее всего так её назвали просто в насмешку. Жалкие домишки тонули в грязи, воздух кругом был пропитан болотной сыростью и дымом заводских труб. Здесь, на окраине города, славного своей архитектурой, стояли свайные постройки, и в них жили рабочие с Путиловского завода и с фабрики Торнтона.

В цехах у Торнтона в пятидесятиградусной жаре работали одиннадцати — двенадцатилетние ребятишки. Однажды кто-то полюбопытствовал, что за люди выходят из этих несчастных детей.

— А кто их знает,— равнодушно ответили ему.— Мы их вроде и не видим потом... Высыхают они, что ли...

И правда, они нередко «высыхали» от чахотки и других болезней. Но зато из тех, кто выжил, выросли люди с сердцами горячими и гневными. Эти парнишки и девчата не боялись ни заводского начальства, ни полиции, ни самого царя. Не раз приносили они в цехи листки со смелыми, страстными призывами к свободе. Многие из этих ребят учились в той самой вечерней школе, где преподавала Надежда Константиновна Крупская. Иные не раз бывали на собраниях кружка, который вёл за Невской заставой «Николай Петрович» — Владимир Ильич Ленин. Из этих ребят вышла та молодёжь, которая в семнадцатом году вместе с отцами и старшими братьями шла на штурм Зимнего.

После Октября название «Счастливая улица» зазвучало по-другому. Не то, чтобы сама улица изменилась — в те дни было не до стройки,— но люди, живущие на этой улице, стали счастливее.

В девятнадцатом году город оборонялся от Юденича, и на Счастливой стояли орудия. Оказалось, что несколько домов мешают нашим артиллеристам бить прямой наводкой по врагу. Тогда рабочие сами разрушили свои жилища.

Рассказ об этом случае вспомнился молодому драматургу Ю. Я. Принцеву, когда он обдумывал свою пьесу о первых комсомольцах.

«На улице Счастливой» — так назвал Принцев свою пьесу. Но в ней он рассказывает не только о комсомольцах одной петроградской улицы: он задумал тему гораздо шире. Писателю хотелось рассказать о первом поколении комсомольцев, о тех, кто в разных концах нашей страны боролся за народное счастье в грозные годы революции.

Принцев — молодой драматург, и сам он, конечно, не помнил того времени, о котором хотел написать. Он прочитал множество книг, старых газет и журналов, поговорил со многими людьми.

И вот перед ним во всей их яркости и своеобразии встали годы, когда рабочий класс нашей страны захватил в свои руки власть.

Тысяча девятьсот семнадцатый, восемнадцатый, девятнадцатый годы... Советская страна ещё очень молода, а на неё со всех сторон надвигаются враги: иностранные интервенты, белогвардейцы... Казалось, все тёмные силы мира ополчились на молодую республику. Враги не только на фронте: они на каждом шагу. Шпионы стараются пролезть всюду, втереться в доверие, а потом устраивают диверсии, убивают ни в чём не повинных людей. Всё в стране напряжено, всё кипит...

В те дни у народа, у партии была одна мысль, одна задача — отстоять свободу, завоёванную в Октябре. Вместе с партией шла лучшая часть рабочей и крестьянской молодёжи. Горячая смелая революционная молодёжь стала объединяться в союзы — тогда они назывались «Союзы социалистической молодёжи». Эти союзы создавались в различных городах и сёлах, но они были мало связаны между собой, а работать врозь было трудно. Необходимо было соединиться, создать одну, общую молодёжную организацию. В восемнадцатом году по предложению петроградцев, москвичей и уральцев было создано организационное бюро. Оно выпустило обращение к молодёжи.

«Революционный энтузиазм, охвативший всю молодёжь с начала революции, помог ей найти своих друзей в борьбе за социализм,— говорилось в этом обращении.— Мы не пошли с теми, кто проповедовал смирение и соглашательство. Мы — борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один, единственный курс на социализм...»

И вот 4 ноября 1918 года в Москве собрался съезд молодёжи, на котором и был создан комсомол — Российский Коммунистический Союз Молодёжи. Первым, основным положением его было: «Союз солидарен с Российской Коммунистической Партией (большевиков). Союз ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодёжи в активное строительство Советской России».

Так родилось «крылатое племя» комсомольцев, людей, не боявшихся ни житейских трудностей, ни врагов, ни смерти... Племя тех, кто до последнего вздоха служил народу, партии, революции. Таким был Николай Островский. Такими были семнадцать героев-подпольщиков, замученных в Одессе. Таким был «сынок пушечной мастерской» — молодой рабочий Путиловского завода Вася Алексеев.

Вот как вспоминают о Васе и его товарищах их современники.

В маленьких, тесных комнатах райкома по вечерам сходилась комсомольская братва. Здесь делили друг с другом осьмушку сухого хлеба и последнюю воблу. Но настроение у всех было бодрое, говорили и спорили, спорили в полный голос до тех пор, пока всех не прерывал крик: «Тише вы! Вася Алексеев пишет статью!»

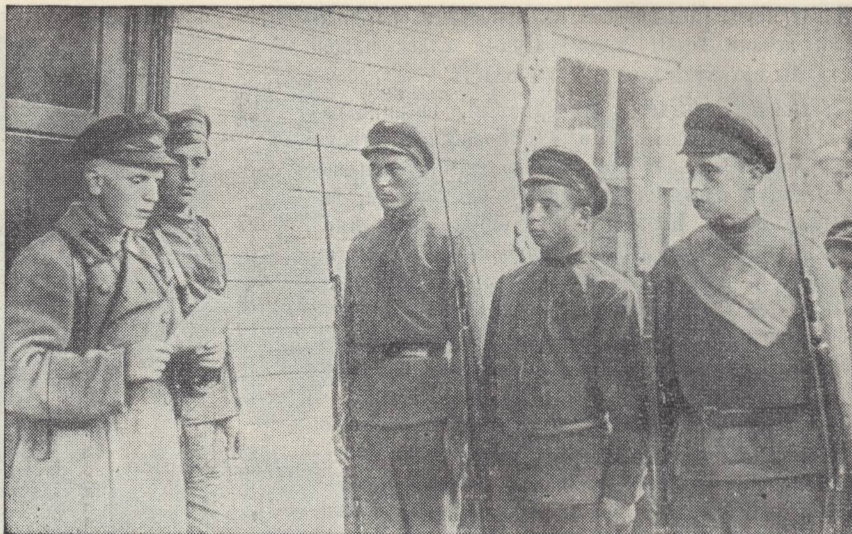

Вася Алексеев, один из организаторов петроградского комсомола.

Такое объявление в годы гражданской войны нередко можно было увидеть на дверях райкомов комсомола.

А он писал тут же, на клочках серой бумаги. Этот сухощавый паренёк, токарь, поэт, комсомолец, был редактором первой молодёжной газеты. Его карманы всегда были набиты газетами и книгами: он читал на ходу, в трамваях, во всякую свободную минуту. Васе Алексееву было двадцать лет, когда на общегородской конференции Союза молодёжи он разгромил всех тех, кто пытался убедить молодых рабочих, что есть какие-то «средние пути», кто хотел отвлечь молодёжь от революции, от партии, правоту которой он, Вася, понял с первых лет своей сознательной жизни.

Это первые комсомольцы Петрограда. Во время наступления белого генерала Юденича они добровольно пошли на фронт, чтобы отстоять свой родной город.

Бывший подпольщик, парень с окраинной улицы, во многом похожей на Счастливую, он умел находить слова, понятные и доходчивые. Вася Алексеев, наверное, стал бы настоящим, большим партийным руководителем. Но он умер совсем молодым, сгорел от непосильного труда, от постоянного напряжения, от недоедания, оттого, что не хотел и не умел щадить себя и своих сил.

О Васе Алексееве думал драматург Принцев, создавая образ Алёши Колыванова, одного из главных героев своей пьесы. Смелый фронтовик, прекрасный организатор и вместе с тем весёлый, добродушный парень — таким показывает Алёшу артист Козлов в спектакле, который идёт сейчас в Москве, в Драматическом театре имени Станиславского.

В трудную минуту возвращается Алёша с фронта в родной город. Юденич подходит к самому Петрограду; в городе голод; враги и иностранные шпионы орудуют всюду, они пробрались даже в Петроградский совет... Невесело на Счастливой улице, где прошло алёшино детство. Работа в Союзе молодёжи заглохла. Голодные, без работы слоняются молодые парнишки: весёлый Степан Барабаш, Саня Чижик, девушка Глаша... Молодёжь Счастливой улицы не знает, куда ей приложить свои силы. Алёша собирает ребят, отыскивает помещение для клуба, страстно, горячо разоблачает тех, кто уводит молодёжь от революции.

Одна за другой проходят перед нами сцены спектакля, рисующие характер организатора молодёжи Колыванова.

Старый барский дом на наших глазах превращается в молодёжный клуб: комсомольцы вносят сюда скамейки, развешивают лозунги. Степан Барабаш пишет свой первый плакат. С волнением подбирает он необычные, торжественные слова лозунга, не беда, что строчки получились немного кривыми... Комсомольцы волнуются... Каждый старается что-то сделать, чем-то украсить свой новый клуб. Некоторые из ребят, может быть, впервые пришли на такое собрание. Мало кто знает, как надо вести собрание, как пишут протокол. Вместо звонка у председателя Алёши Колыванова чайник, по которому он стучит, когда ребята чересчур расшумятся... Неказисто, бедно одеты девушки и парни, и это становится особенно заметным, когда на собрание врываются нарядные гимназистки и гимназисты с их главарём, бывшим студентом Стрельцовым. Алёша Колыванов в первую секунду колеблется: может быть, просто выгнать их? Но по совету коммуниста Зайченко он принимает вызов. Начинается горячий спор. На одной стороне — Алёша, Барабаш, Глаша, на другой — Стрельцов. Стрельцов говорит витиевато, «красивыми» словами. Речь Алёши сурова, но в ней правда. И Алёша выходит победителем...

Вот другая сцена из спектакля: Алёша обучает комсомольцев военному делу — ведь скоро они должны встать на защиту родного города. Нескладные, но старательные, маршируют ребята по набережной; где-то внизу плещется серая Нева... Степану Барабашу надоела маршировка, всё это кажется ему ненужным и скучным:

— Понадобится, я врага голыми руками задушу!

— А ну, попробуй,— предлагает Колыванов.

Барабаш бросается на него и тут же под общий смех летит на землю.

Голыми руками ничего не сделаешь, надо учиться... И снова упорно, терпеливо маршируют комсомольцы, а им вслед с завистью смотрит гимназист Женя Горовский.

Нелегко пришлось Жене Горовскому. На собственном опыте убедился он, что нет и не может быть «средних» путей, что нельзя быть «нейтральным», нельзя в такие дни оставаться в стороне от борьбы. И если не хочешь стать предателем, ты должен идти вместе с народом. Другого пути нет... Не сразу всё это Женя понял. Ведь он вырос в интеллигентской семье, жившей совсем в других условиях, чем семья Алёши или Степана Барабаша,— далеко от Счастливой улицы, от заводских стачек, от борьбы с полицией... Долго верил Женя словам Стрельцова о «красоте и добре», но сама жизнь убедила его, что Стрельцов — предатель.

Так приходила в комсомол молодёжь из интеллигенции.

Другим путём, но так же не сразу, как и Женя, находит своё место в борьбе деревенский паренёк Федя Рудый. Долгое время кажется Феде, что его мечта о земле, о хозяйстве не имеет ничего общего с политикой, с революцией. Он держится в стороне от комсомольцев, он «сам по себе». Но умный, чуткий Алёша Колыванов постепенно и незаметно втягивает его в работу комсомольцев. И, наконец, сама жизнь убеждает Федю: не может быть мирного труда, о котором он мечтает, пока не будут уничтожены враги, а враги у него и у комсомольцев общие... Так осторожный и медлительный «хозяйственный мужичок» Федя Рудый приходит в комсомол. И вот он вместе со всеми ребятами едет на фронт.

Товарный состав идёт к фронту... Кружится снег, свистит ветер. Но внезапно стенка теплушки становится прозрачной, и мы видим пассажиров, сидящих там, внутри.

Они все здесь — Алексей, Глаша, Степан, Женя Горовский, Федя Рудый... Женя читает вслух стихи Пушкина. И, вдохновлённые красотой стихов, снежной ночью, ходом поезда, эти ребята, едущие на фронт и, может быть, на смерть, начинают мечтать о будущем.

Алёша Колыванов рисует картину встречи, которая состоится когда-нибудь. Соберутся они в красивом доме, весёлые, нарядные: вот наипервейший токарь Степан Барабаш, прославленный агроном Федя Рудый, знаменитый учёный Глаша, поэт Женя Горовский... Сойдутся и вспомнят...

— А нас? А нас вспомнит кто-нибудь? — перебивает Колыванова Глаша.

— Вспомнят, Глаха! Должны вспомнить! Соберутся когда-нибудь комсомольцы. А будет их много... Вспомнят революцию, гражданскую войну... И кто-нибудь скажет про нас: а ведь они были первыми, ребята!..

* * *

Недавно пьесу «На улице Счастливой» посмотрел отряд 7-го класса «А» 204-й московской школы.

Спектакль понравился ребятам не только тем, что познакомил их с обстановкой первых лет революции. И Алёша, и Федя, и Степан стали для ребят близкими людьми, точно они лично с ними знакомы. В классе только и разговоров было, что о героях пьесы, о том, сбылись ли их заветные мечты...

Потом в школу по просьбе ребят приехали артисты из Драматического театра имени Станиславского. Они рассказали о своей работе над образами героев:

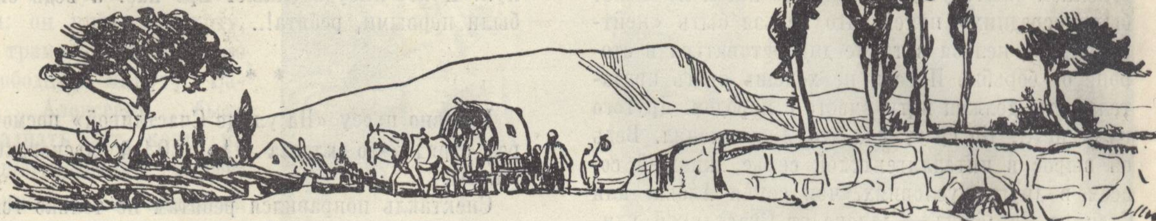
— Показывая характеры Колыванова, Феди Рудого, Глахи, мы хотели не только быть верными истории: мы внесли в эти образы какие-то чёрточки современности, пытаясь показать лучшие свойства теперешних молодых рабочих и колхозников, нашей молодёжи. Энтузиазм, отвага, преданность Родине отличали и всегда будут отличать комсомольцев всех поколений. Эти качества должен воспитывать в себе каждый, кто хочет стать настоящим комсомольцем...

Ребята внимательно слушали артистов. Среди семиклассников было много таких, кто недавно вступил или только ещё подал заявление в комсомол. И эти ребята тоже выступали. Они говорили о том, как им хочется стать похожими на смелых, верных своему долгу комсомольцев со Счастливой улицы.

— А есть сейчас эта улица? — спросил кто-то из ребят.

— Конечно! Но этого места сейчас и не узнать. Там теперь огромный, благоустроенный Сталинский район, многоэтажные каменные дома, клубы, школы. И улица, на которой жили герои нашей пьесы, теперь по праву называется Счастливой.

Маленькие бродяги

Джанни Родари

Перевод с итальянского
Г. Малахова и Ю. Новиковой

Рисунки А. Кокорина.

(Окончание)

ПОБЕГ

Как-то вечером Винченцо подсчитал мелочь, высыпанную Анной, и сразу нахмурил брови.

— Здесь только семьсот лир... Хотел бы я знать, что ты делала на улице?..

— Мне мало подают, я стала слишком большая.

Винченцо кивнул донне Терезе, чистившей овощи.

Толстуха вытерла руки о фартук и подошла к Анне, лениво раскачиваясь на ходу.

С обычным, сонным выражением лица она стала обыскивать Анну. Девочка побледнела. Доменико отбежал подальше, к цыганской палатке... Франческо затаил дыхание.

— Все хотят обмануть меня,— ворчал между тем Винченцо.— Стоит только заглядеться... Все, начиная с родного сына...

Тереза закончила обыск. Не произнеся ни слова, она медленно подняла руку, как будто хотела поправить волосы. И вдруг она ударила Анну по одной щеке, по другой, снова по правой и снова по левой с силой, какую трудно было ожидать от этой жирной, дряблой женщины... Анна даже не вскрикнула.

— И не плачет! — закричал Винченцо.— Вот вам доказательство! Если бы её обвиняли зря, она плакала бы и орала на чём свет стоит... Говори, маленькая стерва, куда ты запрятала деньги? Ты меня обкрадываешь! Я это давно понял! Но имей в виду: каждый вечер тебя будут ждать такие же пощёчины!

Возле цыганской палатки заливался слезами Доменико. До него долетали и крик и звук пощёчин, и ему казалось, будто это его самого бьют по щекам.

Но Анна так и не заплакала, так и не сказала ни слова. Позднее, когда все легли спать, она подошла к Франческо и тихо шепнула:

— Видел? Такие пощёчины, а я даже не почувствовала.

— Ну да, не почувствовала! Ты что, железная? Ты так не поступай, надо давать ему больше.

— Да ведь теперь уже недолго... Ещё два — три дня, и мы соберём на билеты.

На другой день дон Винченцо объявил им всем:

— Завтра вечером принесёте по тысяче двести лир. Поняли?

— Но как же мы?..

— Без разговоров! Принесёте столько, сколько я сказал.

Дело оборачивалось скверно. В довершение всего Франческо отозвал в сторону Альбинос:

— Есть дело. Завтра пойдёшь со мной...

Франческо промолчал.

На другой день ребята бежали. Отойдя от фургона, они подсчитали свои сбережения и выяснили, что денег на билеты хватит.

Франческо хотел было сходить за вещами. Но Анна запротестовала:

— Ты что же, думаешь, они разрешат тебе взять мешок и пожелают счастливого пути?

— Но там все мои вещи... Мои и ваши. Там букварь...

— Ничего не поделаешь... Придётся оставить.

Анна придумала ещё одну хитрость:

— Где они станут нас искать?.. Конечно, на дороге в Рим. А мы поедем в Болонью... Там мы сделаем пересадку на феррарский поезд... Поедем к синьоре, она поможет нам добраться до дома.

И они направились к вокзалу.

Франческо, однако, никак не мог забыть про свой букварь. Эта старая, истрёпанная книжка была для него дороже всех сокровищ...

ПО ПУТИ К ФЕРРАРЕ

Поезд мчал трёх маленьких беглецов по Паданской равнине. Лил дождь... И не просто лил, а хлестал неудержимыми потоками. Доменико, прижав нос к стеклу, не мог отвести глаз от этого грозного зрелища. Ливень, струясь, застилал деревья, дома, поля... Казалось, поезд стремглав летит в серую, страшную бездну, захлёстываемый водою со всех сторон.

Анна и Франческо испуганно молчали, сидя на деревянной скамейке.

Люди в вагоне говорили только о погоде. Предполагалось, что где-то наводнение, но где, никто толком не знал.

Пассажиры, садившиеся на станциях, сообщали страшные новости. Вода в реках угрожающе поднимается... Похоже, что не успеют укрепить плотины.

— Куда вы едете? — спросил ребят толстый торговец, занявший все багажные сетки своими вещами.

Анна неопределённо показала рукой по ходу поезда... Торговец открыл чемодан, туго набитый всякой снедью.

— В поезде у меня всегда хороший аппетит,— объявил он.— Дорога способствует пищеварению.

Он стал угощать соседей мягкими, белыми, душистыми булками. Но все отказывались. Тогда, посмотрев на Анну, он сунул ей прямо в руки пышную булку, намазанную мармеладом.

— Не вздумай говорить, что не голодна! — сказал он сердито.— Ешь!

Анна даже не вскрикнула.

Анна разделила булку на три части, ребята стали жевать.

Пришёл контролёр. Анна протянула ему билеты.

— Одни едете?

Анна кивнула головой.

— До Феррары,— пробормотал про себя контролёр, рассматривая билеты.— В Болонье вам нужно сделать пересадку. Знаете?

— Вы едете в Феррару? — воскликнул торговец.— Да ведь как раз оттуда идёт наводнение!

Когда контролёр ушёл, Анна и Франческо, переглянувшись, облегчённо вздохнули.

В Болонье ребята вышли из вагона.

— Вон феррарский поезд,— сказал им один из пассажиров.— Но не знаю, отправится ли он сегодня.

Ребята вошли в вагон с надписью: «Болонья—Феррара».

Вагон был почти пуст. Немногочисленные пассажиры с перепуганными лицами то вскакивали, то вновь усаживались, взволнованно переговариваясь:

— Говорят, что поезд не пойдёт... Вода размыла путь.

Анна, Франческо и Доменико ещё теснее прижались друг к другу. Дождь бараба-

нил по крыше вагона с таким остервенением, что, казалось, будто это не дождь, а град.

Наконец поезд тронулся. Он медленно отошёл от станции и пополз по долине, истерзанной дождём. В вагоне, кроме ребят, осталась только одна пассажирка.

— Вы едете в Феррару? — спросила она.— Поезд туда не дойдёт. Он остановится в двадцати километрах. В Ферраре наводнение.

Ребята молчали. Они чувствовали, что на них, как чёрная туча, надвигается страх.

На одной из станций женщина сошла. Перрон был забит людьми, в руках у них были узлы...

На следующей станции в вагон вошёл железнодорожник и предупредил ребят, что состав дальше не пойдёт. Они вышли на перрон. Железнодорожник окликнул их. Но ребята, охваченные страхом, побежали от него по дороге, извивавшейся среди полей.

Железнодорожник с удивлением посмотрел им вслед.

* * *

Дождь словно решил немножко передохнуть и пошёл тише. Навстречу ребятам попалась повозка, в ней сидели люди с перепуганными лицами. Следом по дороге брели другие беженцы с узлами и бедной домашней утварью.

— Куда вы? — спросил один из них.— Назад, ребята! Там наводнение!

Но Анна, Франческо и Доменико, подстёгиваемые страхом, без передышки бежали вперёд. Куда, они не знали. Куда угодно, лишь бы подальше от дона Винченцо, от Альбиноса, от всех несчастий!

— Вернитесь назад! Вернитесь назад!..— кричали им вслед.

Но они ничего не слышали.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

— Бежим туда! — крикнул Франческо, указывая на сеновал в стороне от дороги.

Ребята бросились к сеновалу.

Они прижались к закрытой двери, но навес над нею был слишком узок и не мог укрыть от дождя, хлынувшего снова со страшной силой.

У стены сеновала стояла лестница-стремянка. Вверху было окошко, внутри виднелось просторное помещение, горы мягкого сена.

— Залезем туда,— предложил Франческо.

Анна посмотрела на Доменико, он весь дрожал.

Девочка выскочила под дождь и с трудом передвинула лестницу вдоль стены...

С помощью Анны Доменико взобрался на сеновал. Все они разлеглись на нежном и тёплом сене. Анна засыпала Доменико сеном до самого подбородка. Теперь из сена выглядывало только его бледное личико с большими, лихорадочно горящими глазами. Эти глаза, казалось, говорили: «Мне плохо! Мне очень плохо».

— Спи,— шепнула Анна, гладя его по мокрым, слипшимся волосам.— Спи... Ты уже согрелся?

Доменико закрыл глаза. Анна гладила малыша по голове до тех пор, пока дыхание его не стало глубоким и ровным...

Франческо лежал на сене, уткнувшись подбородком в ладони, и смотрел из окна на улицу.

Сквозь густую серую сеть дождя видно было, как проходят беженцы. Время от времени ветер доносил громкие голоса, детский плач, цокот копыт...

— Видишь? — спросил Франческо. — Куда они идут?

— Наверно, вода залила их дома. Они убегают...

— А я бы не убежал... Я бы забрался на крышу. Как ты думаешь, вода может добраться до крыши?

Он посмотрел вниз.

— До нас вода не доберётся. Мы не уйдём отсюда, пока дождь не кончится...

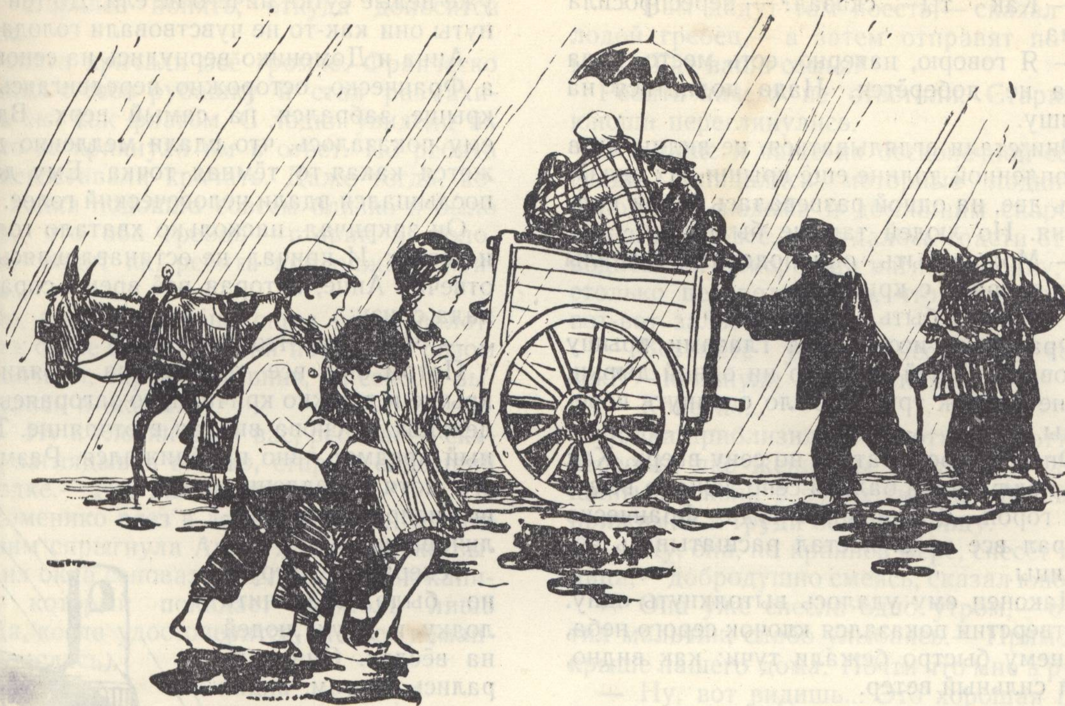
— Но ведь у нас есть нечего!

...Темнело. Фигуры беженцев на дороге становились всё более смутными. Постепенно темнота обступила ребят со всех сторон.

Анна и Франческо долго смотрели в темноту. Тепло и сладкий запах сена вселяли в них спокойствие и уверенность. Шум дождя начал постепенно казаться приятным, он убаюкивал, как музыка. Незаметно глаза у ребят закрылись, и они погрузились в крепкий, глубокий сон.

Первым проснулся Доменико. Лихорадка, вызванная усталостью, прошла, оставив лишь некоторую слабость. Он сел, удивлённо осматриваясь вокруг: как это он попал сюда?.. Франческо и Анна спали, зарывшись в сено. Доменико приподнялся и выглянул в окно.

Небо было серое, мглистое; тёмные тучи мчались по направлению к югу... Но дож-

Навстречу ребятам попалась повозка, в ней сидели люди с перепуганными лицами.

дя больше не было. Вокруг царила странная тишина, такая глубокая, что шорох сена под ногами казался удивительно громким.

Доменико посмотрел вниз и сначала ничего не понял: что-то непонятное — серое, ровное — со всех сторон окружало сеновал. Вдруг страшная догадка кольнула его в сердце.

Он отшатнулся от окна и прикрыл рот рукой, чтобы не закричать. Потом схватил Анну за руку и стал трясти изо всех сил:

— Анна! Анна!

— Проснулся? Как ты себя чувствуешь? Вчера вечером ты был совсем болен...

— Анна! Анна! Вода!.. Вода добралась до нас!..

Так оно и было... Пока ребята спали в своём душистом убежище, вода прибывала сантиметр за сантиметром. Она унесла лестницу, она лизала цоколь верхнего оконца...

Взглянув в окно, Анна увидела своё испуганное лицо и растрёпанные волосы, отражавшиеся в серой, неподвижной воде.

— Что ж мы теперь будем делать? — в страхе прошептала она.

СПАСЕНИЕ

Доменико спрятал лицо на плече Франческо, ища защиты. Франческо проснулся. С нежностью погладил он всклокоченную голову братишки и стал осторожно вытаскивать соломинки, запутавшиеся у него в волосах... Потом он приподнялся и только тогда понял, что случилось.

— Не бойся,— сказал он Доменико,— так или иначе мы выберемся...

Анна в страхе смотрела на воду — серую, грозную, бескрайнюю...

— По-моему, она всё ещё поднимается.

— Нет, не поднимается! — решительно отрезал Франческо, даже не взглянув на воду.

Ясно, что сейчас ему нужно быть стойким и выдержанным, не то Анна и Доменико совсем падут духом. Однако он и сам прекрасно понимал, что положение отчаянное. Они одни, совсем одни на крохотном островке... Правда, дождь пока перестал... Но что если он опять начнётся? Что если вода и в самом деле всё ещё поднимается?

— Нужно влезть на крышу,— решил он, размышляя вслух.

— Как ты сказал? — переспросила Анна.

— Я говорю, наверно, есть место, куда вода не доберётся. Надо подняться на крышу.

Они стали вглядываться, не видны ли в затопленной долине ещё крыши. Их оказалось две, на одной развевалась белая простыня. Но людей там не было...

— Может быть, они подавали сигналы и их забрали с крыши?

— Может быть...

Франческо исследовал глазами крышу сеновала. В ней не было ни одной дырки, но не так уж трудно было сдвинуть черепицы.

Он стал пробираться по сену вверх. Как раз под главной балкой сено лежало высокой горой. Добравшись туда, Франческо собрал все силы и стал расшатывать черепицы.

Наконец ему удалось вытолкнуть одну. В отверстии показался клочок серого неба, по нему быстро бежали тучи: как видно, был сильный ветер.

Франческо вытолкнул ещё несколько черепиц. Ему казалось, что он пленник, который вот-вот вырвется на свободу. Ухватившись за края черепицы, он подтянулся на руках и вылез наконец на крышу. По спине у него пробежали мурашки: кругом была вода, только вода...

— Что ты там видишь? — крикнула снизу Анна. — Я тоже хочу посмотреть... И Доменико...

Через некоторое время все трое стояли на крыше, испуганно прижавшись друг к другу. Вокруг никаких признаков жизни Тишина... Безлюдие... Безмолвие...

— Мне холодно, — жалобно прошептал Доменико.

— Слезай вниз. Слезай и ты, Анна... Я постою пока один. Будем сменяться. Когда нас найдут, надо быть наготове...

— Найдут!.. — с горечью повторила Анна. — Находят тех, кого ищут. А нас никто не ищет. Пока спадёт вода, мы умрём с голоду...

Слово «голод» напомнило им, что они уже целые сутки ничего не ели. До той минуты они как-то не чувствовали голода.

Анна и Доменико вернулись на сеновал, а Франческо, осторожно передвигаясь по крыше, забрался на самый верх. Вдруг ему показалось, что вдали медленно движется какая-то тёмная точка. Ему даже послышался вдали человеческий голос.

Он закричал, насколько хватало голоса и лёгких. И кричал, не останавливаясь, не отвечая Анне, которая всё время спрашивала снизу:

— Что там? Что там такое?

Потом они все трое снова стояли на крыше и дружно кричали, то загораясь надеждой, то снова впадая в отчаяние. Тёмный предмет явно приближался. Размеры его хотя и медленно, но непрерывно увеличивались.

Теперь уже нетрудно было различить лодку и двух людей на вёслах. Они озирались кругом, види-

Всё чаще и чаще на бесконечной серой глади попадались моторные лодки и шлюпки с людьми и домашним скарбом.

мо, стараясь понять, откуда доносится крик.

Ребята кричали всё громче. Франческо стащил с себя рубашку и стал размахивать ею, как флагом. С лодки увидели их и что-то крикнули им в ответ. Но ребята не переставали кричать. Даже тогда, когда лодка подошла совсем близко и было ясно, что оба гребца — старик и молодой — видят их, ребята продолжали кричать...

Но, когда лодка подошла почти вплотную к стене сеновала, они почему-то разом замолчали, спрыгнули вниз, на сено, и высунулись в окошко.

— Ну и глотки же у вас, ребята! — сказал, заглядывая в окно, старик, сидевший в лодке.— Ну, выходите!..

Доменико влез в лодку первым. Следом за ним спрыгнула Анна. А Франческо вылез из окна сеновала последним, как капитан, который покидает корабль лишь тогда, когда удостоверится, что вся команда спаслась.

ПЛОТИНА

— Как вы попали сюда? — спросил старик.

Ребята взглянули друг на друга и промолчали.

— Ну, у вас ещё будет время рассказать вашу историю... Хорошо, что мы вас услышали...

— Сколько времени вы здесь? — спросил молодой гребец, парень лет двадцати.

— Сутки... Сначала мы ничего не заметили. Проснулись, а кругом вода.

— Ну, вам повезло...

В нескольких словах гребцы рассказали всё, что случилось. Река По, раздувшись от ливней, прорвала плотину в нескольких местах и хлынула на поля. Целые деревни залиты. Сотни людей пропали без вести, иные, должно быть, погибли, а иные вот так же залезли на крыши или же сгрудились на плотинах и ждут спасения...

Они сами крестьяне-добровольцы, одни из тех, кто по собственному желанию пришёл на помощь затопленному району...

Лодка медленно рассекала серую воду, осторожно пробираясь между плывущими по течению деревьями, вырванными с корнем, и обломками домов.

— Куда вы везёте нас? — спросила Анна.

— А куда вас везти?.. На сухое место, конечно.

— Вам дадут там поесть,— сказал молодой гребец,— а затем отправят по домам... Где ваша семья?

Ребята ничего не ответили. Старик и юноша переглянулись.

Всё чаще и чаще на бесконечной серой глади попадались моторные лодки и шлюпки с людьми и домашним скарбом. Люди везли всё, что удалось спасти от наводнения... Вскоре они нагнали лодку, настолько переполненную, что казалось, её вот-вот зальёт водой.

— Возьмёте у нас несколько человек? — крикнули с этой лодки.

— Конечно...

Лодка приблизилась вплотную, и оттуда пересели две женщины и мальчик. Женщины держали в руках тюфяки. Мальчик прижимал к груди белую курицу.

— Ну, она, по крайней мере, снесёт тебе яйца,— добродушно смеясь, сказал юноша.

— Она уже снесла одно утром,— ответил мальчик, слабо улыбаясь.— Прямо на крыше нашего дома. Почти что мне в руки.

— Ну, вот видишь... Это хорошая примета.

Мальчик погладил курицу. Женщины никого не замечали, ничего не слышали и не видели. Не отрываясь, смотрели они на воду. Казалось, они никак не могли поверить тому, что эта вода — сейчас такая спокойная — унесла всё их достояние: их дом, вещи, животных, выращенных с любовью и надеждами...

Как бы угадывая их мысли, старик сказал:

— Вода уйдёт, и жизнь снова начнётся. То же было и при наших отцах...

— Почему же плотины не выдержали? — сказала одна из женщин, точно разговаривая сама с собой.— Почему их не сделали покрепче?.. Почему они не выдержали?..

— А кому это нужно заботиться о плотинах да о нас? — проворчал старик.

Невдалеке показалась узкая чёрная полоса земли.

— Плотина,— сказал молодой гребец.

— Плотина на реке По? — спросил Франческо.

— Э, нет! Та плотина подальше. Это защитная плотина. Вода прорвала её в нескольких местах. Но до суши всё же по ней можно добраться... Здесь мы вас и высадим.

Ребята снова переглянулись. А что будет дальше?..

Юноша внимательно наблюдал за ними.

— Вы не знаете, куда идти?..

— Я...— сказала Анна, набравшись смелости.— Я знаю одну синьору в Ферраре...

— Феррара недалеко, но теперь туда не добраться. Нужно сделать большой круг.

— Мы доберёмся...

— Нет, раньше вам надо отдохнуть, обсохнуть, поесть, выспаться...

Они уже были в нескольких метрах от насыпи. Люди, молчаливые, мрачные, стояли вдоль по всей плотине; многие всматривались в затопленную равнину, должно быть, отыскивая глазами крыши своих домов. Женщины сидели, прижав к себе детишек. Кое-где горели костры.

Молодой гребец подвёл ребят к одному из костров, и все четверо улеглись на земле у огня. Какая-то женщина угостила их супом.

— Слушайте, ребята,— сказал юноша.— Сдаётся, что вы в затруднительном положении. Не хотите ли пока что пойти к нам? Мы живём недалеко, в нескольких километрах отсюда. Я провожу вас. Хорошо?..

В эту минуту вдали послышался глухой далёкий шум, нарастающий рокот, и тут же раздались душераздирающие крики:

— Спасайтесь! Вода! Вода снова поднимается!

ДОРОГА СТРАХА

Узкая тропинка была залита мутной, илистой водой. Крича и плача, бежали по этой тропе, охваченные паникой люди. Анна, Франческо и Доменико, держась друг за друга, с трудом переводя дыхание, тоже мчались вперёд. Они не чувствовали ни усталости, ни холода, ни голода; страх подстёгивал их и гнал всё дальше и дальше...

Из толпы неслись истерические крики женщин, потерявших детей, стоны, брань...

— Успокойтесь! Ничего не случилось. Нет никакой опасности! — пытался кто-то образумить толпу.

Но этих слов никто не слышал. Ужасные испытания, перенесённые во время наводнения, нарушили душевное равновесие людей...

У ребят не было ни узлов, ни чемоданов, и потому они одними из первых добежали до того места, где плотина делала поворот. Впереди, в каких-нибудь ста метрах, виднелась земля. Земля! Спасение!

Но за поворотом их ожидало страшное разочарование: вода опять пересекала им путь...

На краю разрушенной плотины в ужасе теснились люди. Задние напирали на передних...

Анна, Франческо и Доменико, усиленно работая локтями, с трудом отступили назад, подальше от обрыва... Плотина казалась длинным, узким, низким островком. Лодки, баржи, наскоро сколоченные плоты непрерывно сновали взад и вперёд по воде, перевозя беженцев на ту сторону...

Когда баржа приближалась к плотине, давка становилась угрожающей. Люди оступались, падали в воду, их с трудом вытаскивали...

Страшные часы пережили ребята, прежде чем их взяли на плот. И когда наконец под ногами у них оказалась земля, они, несмотря на страшную усталость, зашагали вперёд, не разбирая дороги, как слепые.

— Пойдём полем,— предложила Анна.

Франческо и Доменико молча согласились.

Они зашагали по полю, проваливаясь по колено в грязь. Крестьянские дома, попадавшиеся им на пути, казались вымершими. Окна были наглухо заколочены.

К вечеру они дошли до небольшого посёлка. Жители толпились возле домов, печально и сочувственно глядя на бесконечную вереницу беженцев. Анна подошла к дому, на пороге которого стояла женщина с ребёнком на руках.

— Мы есть хотим,— произнесла она еле слышно.

— Входите, входите, бедные ребятки!

Женщина впустила их в комнату, погладив Доменико по мокрым волосам.

— Вымокли, промёрзли все... Садитесь к огню, обогрейтесь!

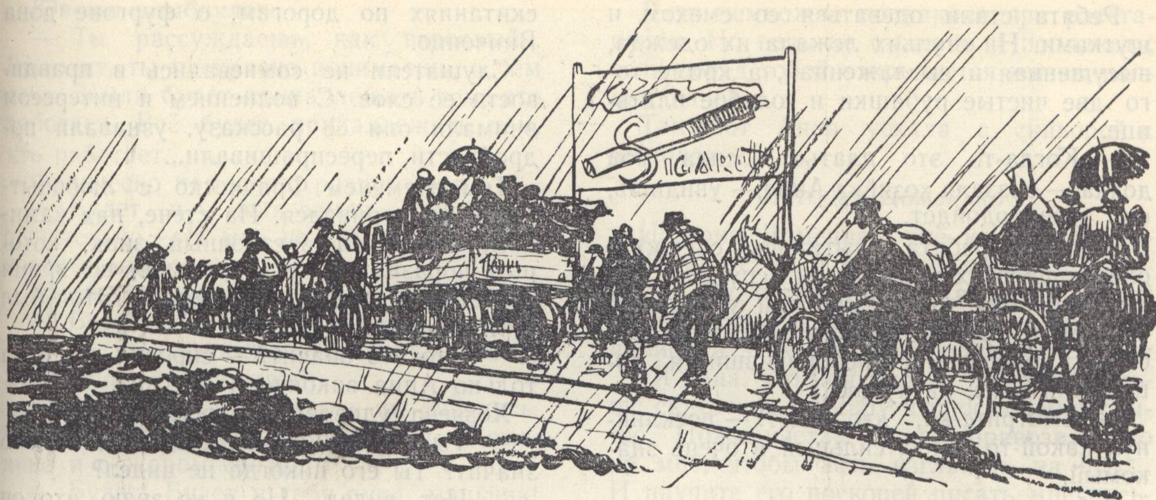
В большом камине пылал огонь. Девочка подбрасывала в него солому. Женщина передала ей на руки ребёнка, достала из буфета хлеб и другую снедь и разложила всё это на столе.

— Кушайте! И выпейте немного вина... Вам станет лучше.

Девочка принесла фляжку и стаканы...

Анна, Франческо и Доменико принялись есть, жадно и молчаливо. Первые куски они жевали медленно, с трудом: губы не слушались, челюсти болели... Но постепенно тепло камина, деревенское вино и чувство сытости сделали чудеса... Доменико посмотрел на Анну и вдруг впервые за эти дни улыбнулся. Все рассмеялись, даже хозяйка и девочка.

— Теперь вам лучше? — с нежностью спросила хозяйка.

Плотина казалась длинным, узким, низким островком.

Франческо кивнул головой и, не переставая жевать, осмотрелся кругом. Только сейчас он заметил, что они в большой кухне, тёмной и закопчённой. Мебель в ней скромная: буфет, сыроварка, стол, стулья. «Должно быть, в доме живёт очень большая семья, только все разбрелись куда-то...» — подумал он.

Как бы угадав его мысли, хозяйка сказала:

— Наши ушли оказывать помощь. Вот уже два дня, как их нет. Вечером, должно быть, вернутся...

Когда ребята доели всё, хозяйка проводила их наверх.

— Теперь ложитесь спать. Видите, сколько здесь кроватей, и все пустые. Если наши вернутся, не беда, мы как-нибудь устроимся.

Анна легла на маленькую кроватку. Франческо и Доменико забрались на двуспальную кровать, удивительно большую и мягкую. Натянув одеяло до подбородка, они рассмеялись от счастья. Сколько времени они не спали в постели! А в таких кроватях им и вообще-то никогда не доводилось спать. Им вспомнился дом, ложе из тряпок и соломы, серое одеяло отца...

— Папа! — прошептал Доменико. — Папа!

Он уже спал, продолжая что-то бормотать во сне. Улыбка бродила по смуглому лицу.

Через минуту все трое спали крепким сном. Хозяйка погасила огонь, собрала их мокрую одежонку, отнесла на кухню и развесила перед огнём.

ЗНАК НА СТЕНЕ

Первым проснулся Франческо. Он открыл глаза и сразу же закрыл их, ослеплённый яркими солнечными лучами, заливавшими просторную комнату. Затем он услышал ровное, спокойное дыхание Доменико. Тот крепко спал, сунув руку под подушку.

Перед Франческо, как в кино, прошли события последних дней: туманные и страшные картины наводнения, сеновал, плотина... Последним возникло лицо женщины, простое и доброе. Она чем-то напоминала мать, только не такая грустная...

Почти в ту же минуту женщина заглянула в дверь:

— Проснулся наконец? А знаешь, который сейчас час?

Франческо отрицательно покачал головой.

— Уже два. Вы проспали почти двадцать часов. А твой брат и сестрёнка всё ещё спят.

— Доменико, верно,— мой брат,— сказал Франческо,— а Анна с нами, потому что у неё нет никого...

— Может быть, разбудить их? Нужно ведь, наконец, и покушать... Или вы решили проспать всю жизнь? Внизу вся наша семья. Все ждут вас.

Голоса разбудили Анну и Доменико. Они проснулись и сразу засмеялись. Такими весёлыми их ещё никто никогда не видел.

— Ну, вставайте! У вас что? Аппетита нет? — шутила хозяйка.

Ребята стали одеваться со смехом и шутками. На стульях лежала их одежда, высушенная и выглаженная, а кроме того две чистые рубашки и голубое платьице.

— Когда-то это платье носила моя дочка,— сказала хозяйка Анне,— увидишь, оно тебе подойдёт.

Вначале ребята пытались сдержать охватившую их весёлость и испуганно подавляли смех. Но вскоре они убедились, что им не грозит никакая опасность. Весёлые, совершенно преобразившиеся, сошли они вниз, на кухню.

— Смотрите-ка, кто идет! — воскликнул какой-то голос, сильный и очень знакомый.

Ребята сразу узнали юношу — одного из своих спасителей.

— Хотели убежать, а попали прямо в пасть к волку!

Вся семья с интересом слушала рассказ юноши, пока ребята с жадностью поглощали горячие макароны.

— Сидят, понимаете, на самой верхушке крыши, как три воробья... А как только мы довезли их до земли, они и улетели...

За столом сидели мужчины, молодые и старые, женщины с детьми на руках... Повидимому, все они ждали, что беглецы поведают им свою историю.

И Анна рассказала о себе, о своих друзьях по несчастью, о печальной жизни в деревнях Южной Италии, о скитаниях по дорогам, о фургоне дона Винченцо.

Слушатели не сомневались в правдивости её слов. С волнением и интересом внимали они её рассказу, узнавали подробности, переспрашивали...

Тем временем Франческо с любопытством осматривался. На стене, над камином, он увидел загадочный знак, который поразил его ещё раньше, во время скитаний с доном Винченцо. Это был серп и молот.

— Что это значит? — спросил он, едва только Анна закончила рассказ.

Хозяева удивлённо переглянулись:

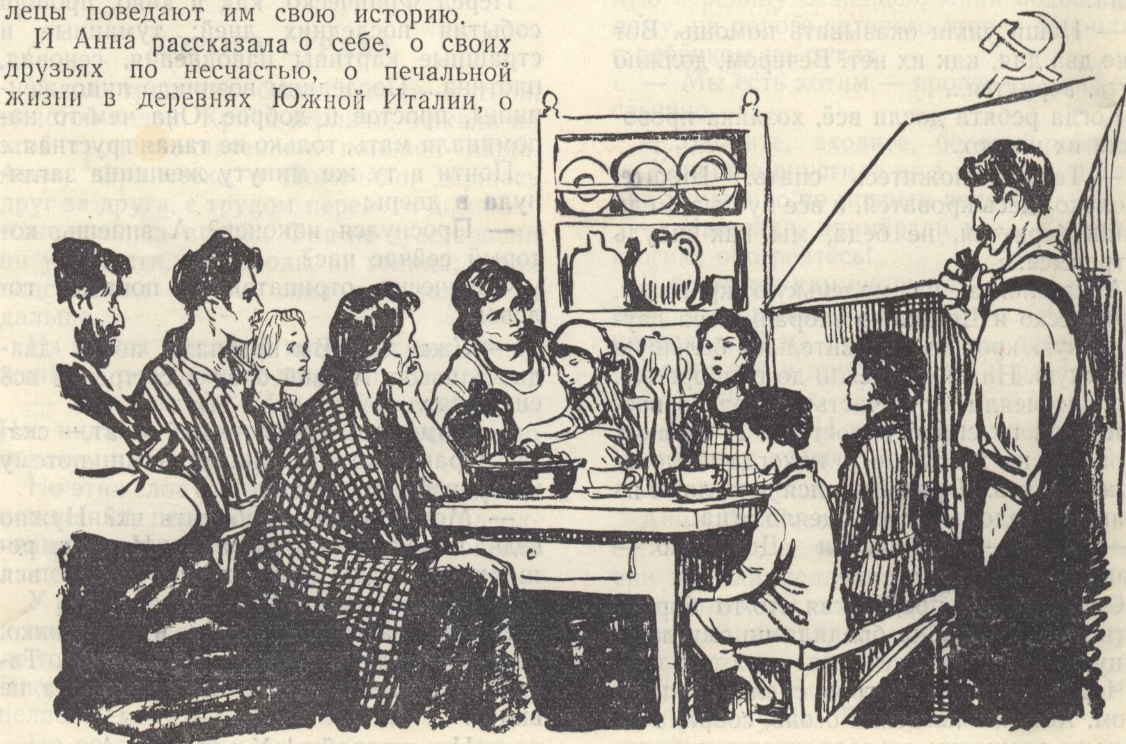
— Ты в самом деле не знаешь, что это значит? Ты его никогда не видел?

— Нет, видел... Но я не знаю, что он означает.

— Это эмблема труда,— объяснил юноша.— В один прекрасный день все трудящиеся объединятся и станут сами управлять страной. Тогда не будет больше бедных и нищих...

Франческо вспомнил о крестьянах, которые с флагами шли захватывать пустующие земли.

— И у всех крестьян будет земля? — спросил он.

Все ждали, что беглецы поведают им свою историю.

Юноша улыбнулся:

— Ты рассуждаешь, как взрослый... Выходит, ты прекрасно понимаешь, о чём речь. Земля будет принадлежать тем, кто работает. Всё будет принадлежать тем, кто работает...

Франческо помолчал, раздумывая.

— Будет и у меня земля,— сказал он решительно.— И мне не придётся больше просить милостыню.

Юноша хлопнул его по плечу:

— Верно! Получишь и ты свою землю!

— А я? — спросил Доменико.— А у меня будет новая рука?

Люди за столом больше не смеялись. Хозяйка положила руку на плечо Доменико и с жаром сказала:

— Будет! Будет у тебя рука, мальчик!

ЭПИЛОГ

Я дописываю последнюю страницу нашей правдивой истории. Тягостные скитания Франческо, Доменико и Анны пришли к концу, и с этого момента их дороги разделились. А поэтому и история их тоже разделилась на три части: история Анны, история Доменико, история Франческо. Вот они вкратце, эти три истории.

История Анны

Едва прекратились ливни, причинившие столько бед и разрушений, перед крестьянским домиком, гостеприимно приютившим трёх маленьких бродяг, остановилась машина. Из машины вышла женщина. Анна первая узнала её. Она всё время думала только о ней, но, увидев её, решила, что это ей снится.

— Синьора из Феррары!..

Оказалось, что юноша, спасший ребят, разыскал синьору и рассказал ей, где они. И синьора Линда тотчас же поехала к своим маленьким друзьям.

В тот же вечер она отправилась назад. Но уже не одна. Вместе с ней уехала и Анна. Теперь её не пришлось долго уговаривать.

— Вы будете часто видеться,— сказала синьора, прощаясь с Франческо и Доменико.— Италия не такая уж большая страна. Вы сами это знаете, ведь вы исходили её вдоль и поперёк. Можете переписываться, встречаться. Вы навсегда останетесь друзьями!

Дети немножко поплакали при расставании. Но ведь не страшно и поплакать, если перед тобой открывается жизнь, полная надежд.

Так вот Анна уехала с синьорой в Феррару...

История Доменико

История Доменико ещё короче: он никуда не уехал и даже не собирался уезжать. Он остался жить в крестьянской семье, которая его приютила. Вот что написала этим добрым людям Бенедетта:

«Я рада, что мой малыш не будет больше скитаться по миру и просить милостыню. Пожалуйста, иногда привозите его ко мне, чтобы хоть взглянуть на него... И научите его поскорей писать мне письма...»

Доменико стал любимцем ребятишек всей деревни. Здесь никто не называет его «однoручка». Он часто рассказывает ребятам о своих странствованиях, о фургоне, о попугае, о собаке, вместе с которой спал. Старик Армандо — глава семьи — послал письмо в один из институтов, где делают протезы. Не за горами день, когда Доменико получит новую руку... И поэтому он тоже очень счастлив.

История Франческо

История Франческо пока ещё не окончена.

— Оставайся и ты у нас,— предложил ему Армандо.

Но Франческо подумал об одинокой матери и младших братишках, о бедном домике, о родной деревне. Да, он станет взрослым, сильным, храбрым и в один прекрасный день поведёт бедняков своей деревни захватывать землю... Он ясно видел этот день, видел, как впереди колонны развевается красное знамя, на котором золотом вышиты серп и молот. Это знамя принесёт счастье всем людям.

— Мое место там! — решил Франческо.

Теперь он чувствовал себя солдатом, который не имеет права покинуть пост во время боя. И он поехал в свою деревню. Но уже не жалким, забитым мальчиком, а мужественным человеком, который знает, чего добивается, для чего живёт.

Он солдат труда и уверен, что придёт день, когда победа будет за ним!

Реки голубого края

— Что бы вы могли рассказать нашим читателям о крае, изображённом на этой фотографии? — спросили меня в редакции.

Я внимательно присмотрелась. Горная, быстрая река... Но почему она так резко разделена на две части? Почему текут в ней, не сливаясь, два разных потока?

Прежде всего можно с уверенностью сказать, что этот широкий мутно-белый поток слева родился из ледника. Он несёт несметное количество мельчайших минеральных частичек.

С вершин гор, покрытых вечными снегами, медленно — всего на десять — двадцать сантиметров в сутки — сползают ледники. Солнце, ветер, вода изо дня в день расшатывают и разрушают горные породы. Время от времени с вершин на ледник скатываются с грохотом камни, оседает мельчайшая пыль от разрушения горных пород. Ниже, где воздух теплее, на поверхности льда возникает множество ручейков, увлекающих с собой всё, что им под силу. Сливаясь, эти ручейки дают начало горным рекам.

Случается так, что горный обвал запруживает речку, и образуется озеро. Течение здесь замедляется, и частички, принесённые с ледника, оседают на дно. Речки, вытекающие из таких озёр, чисты и прозрачны. Так же кристально чисты и горные потоки, рождающиеся из ключей или от таяния снежников, лежащих на склонах гор.

Именно такой поток виден справа. Посмотрите, как чиста его вода, как ясно видны подводные части скал у берега!

На фотографии мы видим слияние двух горных рек. Часто они текут, не смешиваясь, на протяжении нескольких сот метров.

В верхней части фотографии свешивается пушистая ветка какого-то хвойного дерева. Да это кедр! Теперь мне легко отгадать, что́ это за страна. Кедры растут на Урале и в Сибири. Но на Урале нет речек ледникового происхождения. Значит, это сибирская горная река. А в Сибири ледники есть только на Алтае.

Перед нами Катунь у впадения в неё Чемала. Эта быстрая, бурная река катит свои воды через весь Алтай, более чем на тысячу километров.

За изумрудно-бирюзовые озёра и реки, за дымчатые снежные хребты, за бескрайние просторы лесистых долин и альпийских лугов, за ковры колокольчиков и незабудок алтайский народ называет в своих сказках и легендах свой край голубым. И главная водная артерия этого чудесного края — Катунь. Со всех сторон, с больших и малых гор стекает в неё множество горных притоков. Рождается Катунь на высоте двух километров из ледника, который спускается с Белухи на юг. Казалось бы, туда, на юг, и следует ей течь. Но она избрала другой путь. Километров сто она течёт на запад вдоль высокого Катунского хребта, а потом делает огромную петлю и, обогнув хребет, устремляется на восток. Приняв свой самый большой и самый мутный приток — Чую, Катунь поворачивает на север и всё дальше и дальше уходит от высоких гор Алтая к городу Бийску.

Катунь то бурно прорывается сквозь тесные ущелья в горах, то широко разливается в долинах. Но и тут её течение остаётся быстрым. На ней множество порогов и водопадов. Путешествуя по её берегам, мы ни разу не встречали на ней лодок и даже плотов.

Катунь и её притоки богаты рыбой. Чаще всего попадаются хариусы. Это удивительно сильная и вёрткая рыба; во время нереста она поднимается в верховья бурных горных рек, преодолевая быстрое течение и даже небольшие водопады.

Верховье Катуни дико и безлюдно. Даже охотник — здесь редкий гость. Тропы, проложенные кочующими алтайцами, теперь, с переходом их к оседлой жизни, заросли буйной травой. Зато медведям здесь раздолье! Как-то в районе Белухи мы подняли двух мишек, они долго разглядывали нас и наконец, что-то сообразив, пустились наутёк.

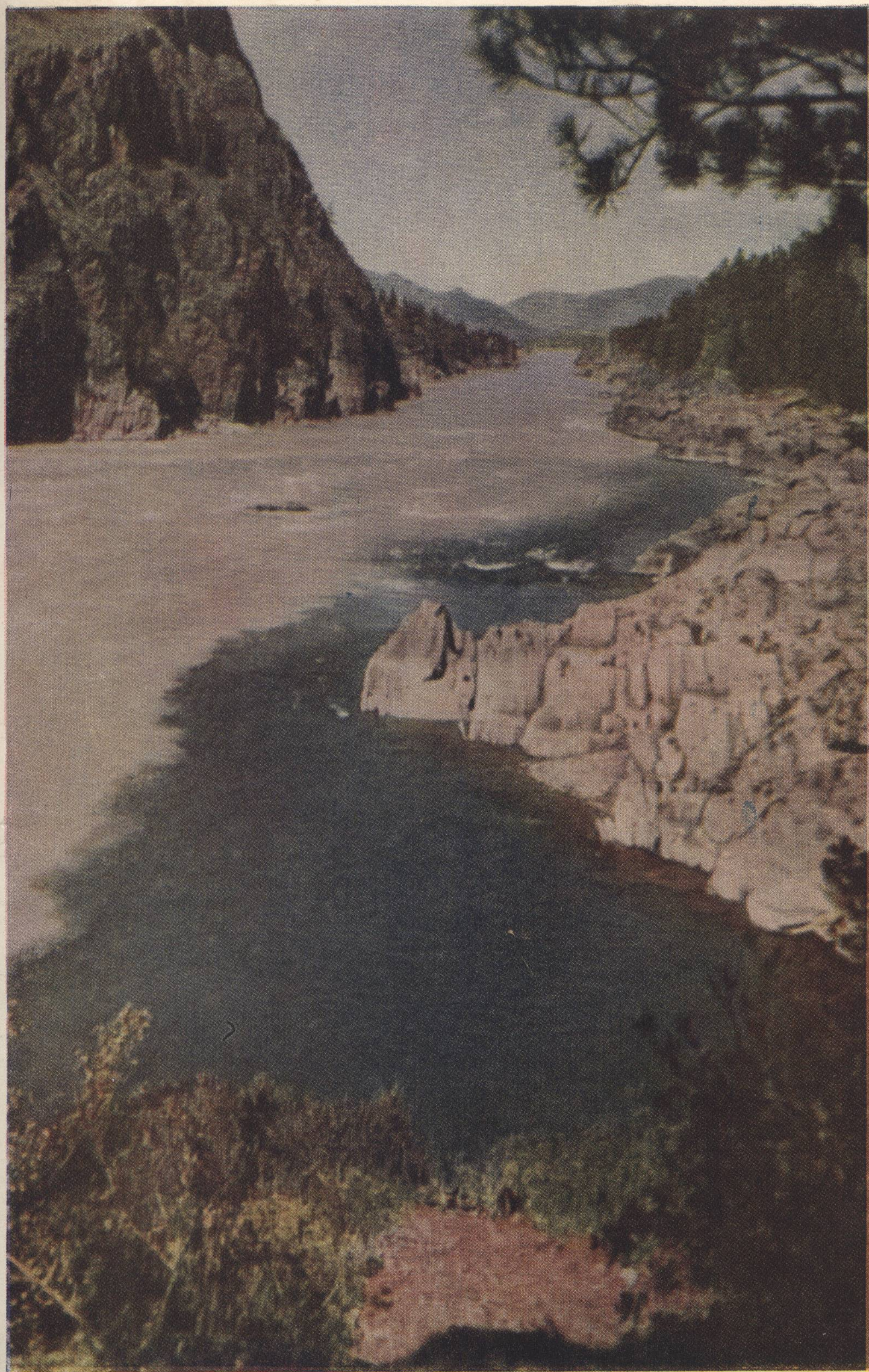
В верховьях притоков Катуни на пышные альпийские луга колхозы выгоняют стада коров и отары овец. Многочисленные табуны лошадей почти целое лето пасутся на горных пастбищах.

Километров на сто пятьдесят ниже истока долина Катуни резко расширяется. Это Уймонская степь. Она плодородна и удобна для земледелия. То тут, то там разбросаны селения и животноводческие фермы. Есть здесь совхозы, где разводят маралов. Из рогов этих горных оленей добывают ценнейшие медицинские препараты.

За Уймонской степью Катунь снова сжимают горы, к реке вплотную подступают густые леса.

Река уходит всё дальше на север, горы понижаются, ландшафт становится мягче, долины — шире. Наконец Катунь выходит на степные просторы и вскоре, сливая свои бурные воды с широкой, спокойной Бией, даёт начало великой сибирской реке — Оби.

Е. Казакова,
кандидат педагогических наук.

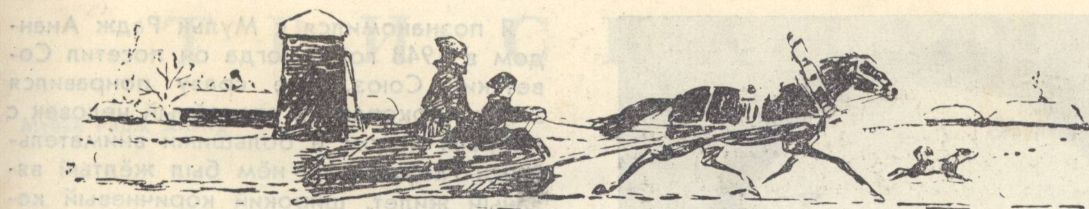
ГОРНЫЙ АЛТАЙ. МЕСТО СЛИЯНИЯ ПРОЗРАЧНОГО ЧЕМАЛА С МУТНО-БЕЛОЙ КАТУНЬЮ.

Цветная фотография Г. Санько.

НАД ГЛАВНЫМ ХРЕБТОМ КАВКАЗА ВОЗНЕС СВОЮ СНЕЖНУЮ ГОЛОВУ ЭЛЬБРУС, ВЕЛИЧАЙШАЯ ВЕРШИНА ЕВРОПЫ.

Цветная фотография М. Ануфрикова.

З И М О Й

Мих. Стельмах

Рисунки В. Константинова.

Утром вьюга прошумела,
Вся округа побелела,
И дорога, и прудок;
Занесло и наш каток.

Я в руках коньки сжимаю
И с досады сам не знаю,
Как же быть, куда идти,
Где мне время провести?

Я бы долго так слонялся,
Да навстречу брат попался.
Он в колхозе ездовым.
Я люблю кататься с ним.

Брат зовёт меня глазами:
— Поезжай, Михайлик, с нами.
Видишь, в поле снег какой,—
Это хлеб наш золотой!

Мы задержим снег щитами.
Поезжай, Михайлик, с нами!
Я не тратил много слов:
В сани сел я и готов!

Попросил у брата вожжи,
Я умею править тоже.
Примостился на щитах
И погнал коня на шлях.

Целый день я с братом рядом
Развозил щиты бригадам,
Расставлял их по местам,
Так что даже сам устал.

Но зато теперь умею
Путь отрезать снеговею,
И понятно стало мне,
Как живёт снежок в зерне.

Что такое трудодни

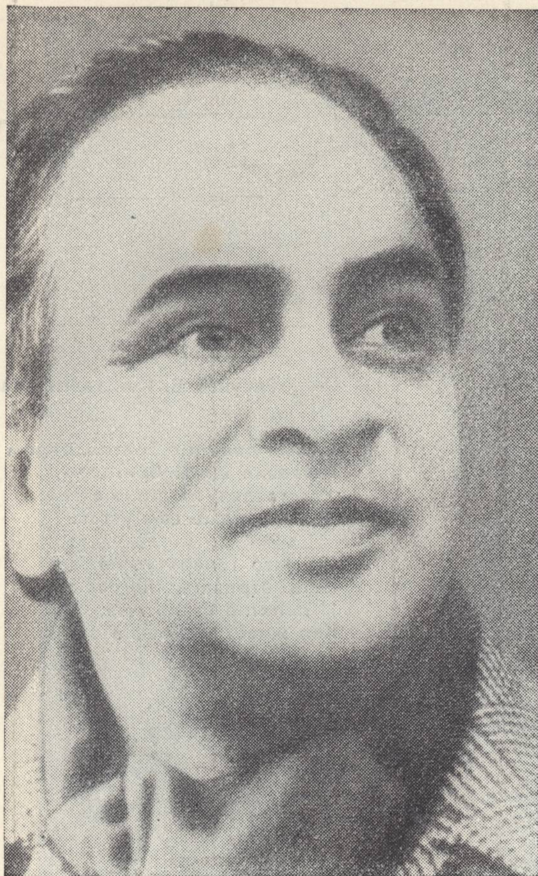
У тесовых у ворот
Стало несколько подвод,
А на них — мешки зерна,
Мёда кадочка полна,
И картошка, и стручки,
И капустные вилки.

Даже сена целый воз
Для коровы и для коз.

— Вот,— сказал отец,— взгляни,
Что такое трудодни.

Перевёл с украинского
Вл. Россельс.

МУЛЬК РАДЖ АНАНД

Мульк Радж Ананд — индийский писатель. Он родился в старом городе Пешаваре, где много глиняных домов, узких улиц и переулков, базаров, на которых вы увидите и горцев, пришедших из далёких ущелий, и ремесленников, делающих разные серебряные вещи, и купцов, продающих товары со всей Индии, и бедных людей, которых особенно много в стране.

Мульк Радж Ананд хорошо знает, как живётся в деревне крестьянину, как плохо живётся так называемому «неприкасаемому», которому дают только самую чёрную работу. Писатель писал книги об этих бедных людях, писал книги о жизни индийского народа, о жизни его владык — маленьких деспотов, князей, живущих в своих владениях, ничего не делая, выполняя свои капризы и прихоти.

Я познакомился с Мульк Радж Анандом в 1948 году, когда он посетил Советский Союз. Мне сразу понравился этот широкоплечий спокойный человек с добрым лицом и большими внимательными глазами. На нём был жёлтый вязаный жилет, широкий коричневый костюм, который шёл к его коричнево-смуглому лицу и чёрным, как смола, волосам.

Мульк Радж Ананд много видел в Советском Союзе и написал, что он выражает самые горячие чувства любви и дружбы к советскому народу: пусть вечно зеленеет наш сад.

Он рассказывал об Индии советским людям. Когда наша делегация приехала в Индию, мы встретились с Мульк Радж Анандом, как старые друзья. В день весны в Бомбее всех людей красят разными цветными порошками, прыская на щёки и на руки красящую жидкость. «Птицы весной весёлые и нарядные, пусть и люди будут тоже весёлые и нарядные», — говорят в Индии. Мульк Радж Ананд сидел с нами в доме, куда ворвалась весёлая компания, и мы быстро были раскрашены во все цвета радуги.

Он сказал нам:

— Вы приехали из страны, где радость присутствует в жизни каждый день, потому что у вас счастлив весь народ, занятый мирным трудом для того, чтобы всем жилось хорошо, а у нас в Индии мы веселимся в праздник, но жизнь народа не такая радостная, как хотелось бы видеть.

Мульк Радж Ананд борется за мир. Он выступает в защиту мира на конгрессах и конференциях. И на них он рассказывает о тех простых, честных, трудолюбивых людях, которые хотят мира для себя и своих детей, которые хотят дружбы между народами, а не войны.

За свои сочинения он получил Международную премию мира потому, что его книги служат делу мира, они, как и сам он, хорошие и добрые. У него есть большие романы и маленькие рассказы. Он умеет рассказывать и сказки. Те сказки, что вы сейчас прочтёте, ему рассказывала мать в его раннем детстве. Это народные сказки. Он их запомнил на всю жизнь, и они вам, несомненно, понравятся.

Николай Тихонов

ТРИ СКАЗКИ

Мульк Радж Ананд

Рисунки А. Брея.

БРАМИН, ТИГР и ШАКАЛ

Однажды, когда один брамин[1] отправился в паломничество, он встретил на своём пути железную клетку, в которой сидел тигр. Увидев бедное животное взаперти, он пожалел его. Но потом, вспомнив, какой опасностью для жизни людей были бы хищные звери, если бы их не заточали в клетки, он продолжал свой путь.

— О брамин, о добрый брамин,— позвал тигр, заметив в глазах пилигрима[2] сострадание,— сжалься надо мной! Выпусти меня из клетки прежде, чем уходить. Я умираю от жажды и хочу пойти выпить хсть каплю воды из ручья.

— Я не смею тебя выпустить,— сказал брамин, сделав всё же несколько шагов назад к клетке.— Нет, я не осмеливаюсь тебя выпустить. Не то ты съешь меня раньше, чем пойдёшь напиться из ручья. Нет, я боюсь...

[1] Брамин — духовное лицо.
[2] Пилигрим — путешественник-богомолец.

— О добрый мудрец, о преданный святой отец,— взвыл тигр со слезами на глазах,— сжалься надо мной! Пожалуйста, пожалуйста, будь милосерден! Я бы никогда не смог быть настолько неблагодарным, чтобы съесть тебя в награду за твою доброту. О, как ты мог это подумать?!

Брамин был тронут мольбой тигра. Отперев дверцу клетки, он выпустил его, затем поспешил снова в путь. И так из-за тигра он уже сильно задержался. Но, к великому его ужасу, тигр прыгнул навстречу ему и, загородив дорогу, зарычал:

— Стой, о учёный муж! Стой! Ты осмелился меня подозревать, ты боялся, что я могу тебя съесть, если ты выпустишь меня из клетки! Ну, так знай: ты подал мне мысль тебя съесть. Вот я и съем тебя и утолю свой голод раньше, чем жажду. Врачи говорят, что нехорошо пить на пустой желудок.

— О, но ведь ты обещал не трогать меня, если я выпущу тебя из клетки! — сказал брамин, дрожа от страха.

— Обещал или не обещал,— отвечал тигр с таинственным видом,— я голоден

и должен съесть тебя. И потом, я не могу пренебрегать советами врачей и пить на пустой желудок.

Бедный брамин стоял и дрожал, не смея даже слова вымолвить, пока тигр не прыгнул ещё ближе к нему. Тогда брамин решил попытаться вырвать у своего врага хотя бы ещё несколько минут жизни.

— Послушай, мой друг,— сказал он тигру вкрадчиво, но решительно.— Тебе было очень тяжело сидеть в клетке. И я тебя освободил, потому что ты обещал меня не трогать. А теперь ты хочешь меня съесть. Так давай же пойдём и спросим у пяти судей, справедливо ли ты поступаешь.

— Хорошо,— неохотно согласился тигр и пошёл вместе с брамином к стоявшему поблизости банановому дереву, мрачному и бородатому, как настоящий судья.

— О мудрое древнее банановое дерево, выслушай и рассуди нас! — взмолился брамин, сложив руки и бросаясь перед деревом на колени.

— Изложите ваше дело,— сказало банановое дерево с достоинством.

— Этот тигр,— сказал брамин,— был заперт в клетке. Он увидел, как я проходил мимо, и попросил выпустить его, так как его мучила жажда и он хотел пойти к ближайшему источнику и напиться. Но он поклялся, что даже не подумает тронуть меня. И я его выпустил. А теперь он хочет меня съесть. Скажи, о мудрое дерево, справедливо ли это?

— Паломники часто приходят по пути в святые места отдыхать в прохладной тени моих густых ветвей,— ответило дерево.— Но зимой, когда им уже не нужен мой покров, они срубают мои ветки и сжигают мои листья на своих кострах. Пусть тигр съест человека, потому что люди несправедливы и неблагодарны.

— О мудрый судья, ты совершенно прав! — воскликнул тигр и прыгнул к брамину.— Теперь, учёный муж, конец твой близок!

— Подожди, подожди, мой друг, нам ещё надо посоветоваться с четырьмя другими судьями,— сказал брамин.

И он обратился к голубю, ворковавшему в своём гнезде в роще:

— О благородный и нежный голубь, выслушай нас и рассуди.

— Изложите ваше дело,— сказал голубь приветливо.

Брамин рассказал всю историю, как тигр попросил его выпустить из клетки и обещал не трогать, а теперь хочет съесть своего освободителя.

— Люди любят цвет наших перьев,— сказал голубь,— и они заслушиваются нашим пением. Но часто они бросают в нас камнями и разоряют наши гнёзда, чтобы поймать нас. Тигры никогда не поступают так неблагородно; я на стороне благородства.

— Ну! — сказал тигр торжествующе.

— Пойдём, мы ещё спросим мнение вон у того быка,— предложил брамин, надеясь, что домашнее животное, может быть, решит спор в его пользу.

Тигр последовал за ним, упиваясь сознанием своего благородства, которым наградил его голубь.

— О священный бык, о священный супруг нашей священной коровы, выслушай нас и скажи своё справедливое слово,— начал брамин, приближаясь к быку.— Я был на пути в святые места, когда встретил вот этого тигра в клетке. Он упросил меня выпустить его из клетки, так как его мучила жажда, как он сказал. Я боялся, что он может съесть меня. Но он меня уверил, что ничего мне не будет, если я его выпущу. Вот я и открыл клетку. Но когда я снова отправился в путь, он вдруг под-

скочил ко мне и говорит, что должен меня съесть прежде, чем утолит жажду.

— Ты оказываешь мне честь, учёный муж, называя меня святым и священным, — ответил бык,— но ты говоришь так потому, что тебе это выгодно. Так делают все, тебе подобные. Когда я был молод и силён, я работал на твоего брата, брамина, и он кормил меня и заботился обо мне. Теперь я стар и дряхл. Поэтому он бросил меня в пустыне, предоставив самому себе. Я думаю, что если люди неблагодарны, звери могут платить им тем же.

— Я изголодался, о священный муж! Пора мне тебя съесть. Я очень изголодался! — зарычал тигр и бросился на брамина.

— Подожди, подожди, ведь у нас осталось ещё двое судей! — сказал брамин, тщетно надеясь на справедливость.— Вот дорога. Давай спросим её мнение.— И он тут же объяснил дороге своё дело.

— Дорогой мой господин,— сказала дорога.— Как ты можешь ожидать какой-нибудь справедливости? Взгляни на меня. Я нужна каждому, богатому и бедному, человеку, и зверю, и птице. Но все они топчут меня и не дают мне ничего, кроме пепла из их трубок или шелухи от зерна вместо еды.

Брамин был в отчаянии, и всё же он надеялся ещё, что шакал, подошедший к ним, решит дело в его пользу.

— О дядюшка шакал, выслушай меня и соверши правосудие.

— Ну, что ж, расскажи мне всю историю с начала до конца,— согласился шакал.

Брамин рассказал всё, как было.

— О, это очень глупо с моей стороны,— сказал шакал,— но я не уловил конец и начало твоего рассказа. Пожалуйста, расскажи мне всё снова.

Брамин опять рассказал всю историю.

— Это очень странно,— сказал шакал, кивая головой,— словно всё входит в одно ухо и выходит в другое. Дайте-ка мне представить себе точно, как всё произошло. Ты, мой дорогой брамин, насколько я понял, был в клетке, когда тигр проходил мимо...

— Нет, нет,— прервал тигр,— какой ты несообразительный! Это я был в клетке.

— Конечно!— вскричал шакал, притворяясь глупцом.— Да! Я был в клетке, нет, я не был... Боже! Боже! Что случилось с моей головой? Позвольте, позвольте, клетка была в тигре, а брамин шёл мимо — нет, нет, не то, то есть... Ну, ладно, мои дорогие друзья, лучше найдите себе другого судью, а то я, наверное, никогда не пойму!

— Нет, поймёшь! — ответил тигр, рассвирепев от глупости шакала.— Я заставлю тебя понять! Смотри сюда: я тигр!

— Да,— сказал шакал.

— А это брамин!

— Да,— согласился шакал.

— А это клетка. И в клетке был я, ты понимаешь?

— Да... нет... О, я бы хотел всё это сам видеть.

— Ты глупец! Совершенный глупец! — вскричал тигр.

— Да, может быть,— сказал шакал.— Но я бы хотел увидеть, как ты входишь в клетку.

— Как? Самым обыкновенным образом! — С этими словами тигр прыгнул в клетку и закричал: — Вот так! Теперь ты видишь?

— Великолепно! — подтвердил шакал. Затем быстрым движением он закрыл дверцу и запер тигра.

Брамин поблагодарил шакала за помощь и продолжал свой путь в святые места.

ВОЗДУШНЫЕ ЗА́МКИ

Жил однажды в Индии брамин. Он никогда не работал. Любимым его занятием было строить воздушные за̀мки. Но наконец это надоело его матери, и она стала укорять сына, что он понапрасну тратит время. И она убедила его заняться каким-нибудь делом. К счастью, безделье уже так опротивело брамину, что он решил принять совет матери.

Оставалось выбрать, за какое дело взяться.

Чтобы сделаться священником, брамину недоставало учёности. Он был слишком слаб телом, чтобы стать солдатом. А так как он принадлежал к касте браминов, он не мог пойти в услужение. В конце концов он решил, что будет торговцем.

— А чем бы ты хотел торговать?— спросила мать.

Она предлагала множество вещей: зерно, одежду, продукты. Но брамин отверг всё это и сказал, что желает торговать только блестящими стеклянными украшениями и раскрашенными глиняными горшками.

Мать дала ему денег, чтобы начать дело. Брамин купил целую корзину стеклянной посуды и сел на базаре в ожидании покупателей.

Лучи солнца падали на стеклянную посуду, и она сверкала всевозможными яркими красками. Отражённые лучи эти проникали в мысли брамина, и он воспарялся куда-то ввысь, под облака.

«Я продам эту посуду,— мечтал он,— с выручкой в десять процентов. На эти деньги я куплю подделку под жемчуг и продам его как настоящий. Выручу за него сто рупий, это наверняка! На эти деньги я куплю несколько коз. Каждые шесть месяцев они будут приносить маленьких козляток. И тогда скоро у меня будет целое стадо коз. За коз я могу получить несколько коров. Как только они отелятся, я продам телят и куплю вместо них буйволов. На то, что я выручу от продажи буйволов, я куплю кобыл. Кобылы дадут жеребят, и у меня будет много лошадей. Я их всех продам и получу кучу золота. На это золото я построю на самой вершине горы дворец, который будет со всех сторон окружён густыми садами. Раджа Гастинапуры узнает об этом и предложит мне руку своей дочери Козальи с большим приданым. Я женюсь на ней, и у нас будет сын. Когда он подрастёт так, что уже сможет танцевать на моём колене, я сяду во дворе моего дворца и поманю его к себе, чтобы он со мной поиграл. Потом мне наскучат его фокусы, я рассержусь и начну бранить его. Он заплачет, а я позову мою жену, чтобы она забрала его. Она замешкается по хозяйству, тогда я вскочу, чтобы дать ей такого пинка, что она долго потом не опомнится».

С такой страстью переживал брамин свой сон наяву, что мечты его обратились в действие, и — раз!—он дал свирепый пинок по корзине.

Удар был такой, что вся стеклянная и глиняная посуда, разбившись на мелкие куски, полетела на землю.

Так разлетелись воздушные за́мки нашего брамина.

Журавль и Краб

В самом центре прекрасной долины на севере Индостана есть озеро. Каменистые берега его кажутся сделанными из мрамора, а играющие волны похожи на сапфиры, сверкающие на солнце. В том озере живут рыбы, крабы и другие животные. Здесь их больше, чем в любом озере Индостана.

Однажды на это озеро из-за моря прилетел журавль — любитель приключений, много наслышавшийся о богатстве и красоте этого края. Когда он обнаружил, что на озере есть за чем поохотиться, он отправился к крокодилу — королю этих мест — и попросил у него разрешения поселиться на берегу и заняться небольшой торговлей пряными травами, которые росли там.

— Ку-у, ку-у, ку-у,— напевал он королю, лаская его слух похвалами.

Король любил лесть. Он был недалёким существом и плохим правителем. Всё своё время он тратил на удовольствия и развлечения. Приняв подарки от журавля, он дал ему разрешение торговать в своих владениях.

Но вскоре король умер, и трон унаследовал его сын. Новый монарх был фанатиком и тираном. Против него вспыхивали восстания. Некоторые из его приближённых объявили себя независимыми правителями различных частей озёрного королевства.

Журавль, усердно делавший вид, что он всё время занимается только торговлей, на самом деле наблюдал за жизнью миллионов рыб в озере, мечтая их съесть.

Беспорядки в королевстве предоставили ему счастливый случай.

И журавль стал сторонником одного из приближённых короля в его борьбе против другого, притворяясь в то же время другом обоих. На самом деле он только старался постигнуть все тонкости ведения войны в этих местах. Когда междоусобные войны ослабили противников, журавль объявил, что он хочет положить конец беспорядкам и восстановить мир и процветание в королевстве. И он обещал добиться этого, если его сделают императором хотя бы на то время, пока рыбы не научатся сами управлять собой.

Бедные рыбы поверили журавлю особенно потому, что он обещал не задевать их религиозных интересов. Но они не знали, что будущий император тайно истреблял многих из их собратьев и отправлял к себе домой огромные богатства их страны. Журавль продолжал уверять всех, что его больше всего интересует судьба жителей озера.

Прошло немного времени. Журавль становился всё более и более жадным, и наконец однажды он решил истребить всех рыб.

Он притворился печальным и удручённым. Его подчинённые пришли к нему и спросили, в чём дело.

— Скоро наступит голод, который продлится двенадцать лет,— ответил он.— Ни капли воды не останется в этих озёрах, и вы все погибнете. Но если вы хотите спастись, позвольте мне перенести вас из этого озера в другое, далеко отсюда!

Жители озера были очень тронуты такой заботой о них со стороны самого монарха. Они благодарили его величество за доброту и просили спасти их от грозящей беды. Тогда журавль стал хватать их клювом одного за другим и, делая вид, что переносит в другое озеро, пожирал их.

Когда он съел уже многих, очередь дошла до краба. Журавль и ему предложил перенести его.

— Но как вы меня возьмёте? — спросил краб.

— Так же, как я брал всех рыб,— клювом, конечно,— ответил журавль.

Но краб был очень осторожен. Он знал, что клюв журавля совсем недалеко от его желудка. «Если он действительно отнесёт меня в другое озеро,— решил краб,— это будет очень хорошо. А если нет, тогда что?»

И он сказал журавлю:

— Ваше величество, я сомневаюсь, чтобы вы смогли удержать меня в клюве. Но у нас, у крабов, есть замечательное свойство — мёртвая хватка. Если вы мне позволите ухватиться за вашу шею, я буду рад последовать за вами.

Журавль был недогадлив и не увидел в этом злого умысла. Он разрешил крабу ухватиться за его шею, и они отправились.

Не успели они немного отлететь, как

журавль попытался захватить краба в клюв.

— Что вы делаете? — спросил краб.

— Ничего,— ответил журавль,— моя шея устала от твоей тяжести, поэтому я хочу освободить её и держать тебя в клюве.

— Нет, нет,— возразил краб.— Я упаду и разобьюсь на куски, если вы нечаянно выпустите меня, пока будете перекладывать с вашей шеи в клюв.

— Что ж, если ты и упадёшь,— сказал журавль.— Меня это мало тревожит. Рано или поздно ты умрёшь. Если ты не упадёшь сейчас, то я всё равно скоро тебя съем. Видишь вон те кости? Это — всё, что осталось от твоих братьев и сестёр.

— Вы очень умны,— сказал краб,— но и я не так глуп. Я схватил вас за шею и перекушу её пополам, если только вы повернёте ко мне свой клюв.

Тут жестокий журавль понял, что его перехитрили, и зарыдал:

— О благородный краб, я только пошутил! Прошу тебя, не сердись на мои слова. Я не буду тебя есть.

— Очень хорошо,— сказал краб,— летите и отпустите меня снова в озеро, из которого вы меня взяли.

Журавль повернулся и понёс краба обратно к озеру. Однако, когда он опускал его в воду, он почувствовал острую боль: краб перекусил ему горло. Умирая, журавль услышал слова краба:

— Жестокий король получил по заслугам.

Перевела Н. Шерешевская.

Владимир Лифшиц

Друг

Мне не верится, ребята,
Что щенком был этот пёс,
Что домой его когда-то
Я за пазухой принёс.

Накрывал его тулупом,
Тыкал в блюдце с молоком...
Был он глупым, очень глупым,
Очень маленьким щенком.

Рос он, рос,
И как-то вдруг
Вырос пёс
По кличке «Друг»!

Как он ласково при встрече
Лапы мне кладёт на плечи!
Как он скачет по двору,
Вызывая на игру!

Как заливисто он лает!
Как смешно хвостом виляет!
Как бежит на кличку «Друг»!
Как он кость берёт из рук!

— Дай мне лапу! —
Он даёт.
— Дай мне шляпу! —
Он несёт.
— Жди! —
Он ждёт.
— Сиди! —
Сидит.
Разве что не говорит!

Мы идём из магазина,—
У него в зубах корзина.
Все живущие вокруг
Говорят: — Вот это друг!

Мы шагаем по дорожке,
А с деревьев, с высоты
Смотрят яростные кошки,
Смотрят гневные коты!..

Мне не верится, ребята,
Что щенком был этот пёс,
Что домой его когда-то
Я за пазухой принёс.

Венгерские пастухи у колодца.

ИСКУССТВО РЕЗЬБЫ

Представьте себе могучие леса, необозримые пастбища, безбрежные топкие болота, девственную буйную природу... Такими были многие области нашей Венгрии ещё в середине прошлого столетия.

Зимой и летом бродили там огромные стада, охраняемые пастухами. Этот кочующий скот, круглый год живший под открытым небом, называли в народе «диким». Поэтому и пастухи, охранявшие эти стада, назывались «дикими», или «суровыми».

Надо сказать, что им подходило это название. Тяжёлая доля сделала их характеры суровыми и сильными.

Зимой и летом, в мороз и жару, в ливень, в снегопад, в бурю они оставались вместе со стадами на пастбищах под открытым небом. Хищные звери нападали на стада, их подстерегали грабители... Но во всех опасностях пастух мог рассчитывать лишь на свою силу и находчивость да на своих верных помощников — сторожевых псов. В те времена для скота не заготовлялись заранее корма, и на пастухе лежала ещё одна трудная обязанность — разыскать в нужном количестве подножный корм.

Если же в стаде пропадал или умирал скот, хозяин никогда не прощал этого пастуху, ему грозили арест и тюрьма.

Но пастухи больше всего ценили свою свободу; они предпочитали тюрьме жизнь вне закона и создавали дружины из таких же угнетённых бедняков.

Народная память хранит предания об этих дружинах «вольных людей»: они были защитниками бедных, грозой для богачей и императорских жандармов. Вольный пастух стал излюбленным героем народного творчества. Поглядите, например, на рисунок на футляре (фотография его помещена на следующей странице). «Вольный человек» стоит гордо, спокойно, а перед ним на коленях ползает жандарм.

Этот рисунок вырезан на деревянном футляре для зеркала пастухом из Дунантула.

Резьба исстари, ещё со времени пастушьей вольницы,— любимое искусство пастухов Венгрии. Из материалов, которые у пастухов всегда были под рукой—из дерева, рога, кости,— они делали массу разнообразных предметов и в первую очередь те вещи, которые нужны были в повседневном обиходе: посохи, кнуты, топорики, деревянные футляры, табакерки, замысловатые костяные цепочки, кубки, ковши.

Резной деревянный футляр для зеркала.

Фляжка из тыквы.

Деревянный каток для белья и солонка из дерева и кости.

Длинными вечерами, когда стадо на отдыхе, и в те часы, когда оно спокойно пасётся, пастухи украшали свои изделия художественной резьбой, гравировкой, инкрустациями. Они изображали и то, что их окружало, — растения, животных, пастуха со стадом,— и сценки из жизни «вольных людей», и сложные, изящные орнаменты.

Вы не найдёте у пастухов вещей, сделанных на станке или с помощью каких-нибудь сложных механизмов. Основной их инструмент — самый обыкновенный нож. Ведь нож всегда есть у пастуха. Но, несмотря на всю примитивность инструмента, изделия пастухов очень сложны и разнообразны.

Некоторые вещи украшены рельефной, выпуклой резьбой, как на ковшиках и роге, которые вы видите на этой странице. На других вещах резьба совсем иная. Присмотритесь к катку для белья, фотография которого помещена на предыдущей странице. Рисунок дан углублёнными линиями, и это тоже получается красиво.

А на фляжке из тыквы вы видите ажурный рисунок из тонких чёрных линий. Этот узор резчик сперва выцарапал тонким остриём, а потом втёр в него чёрную краску.

Рисунки часто окрашиваются и в самые яркие, разнообразные тона — красный, синий, зелёный — с помощью цветного воска. Так расцвечивались, например, футляры для зеркал.

В северных пастушеских районах замечательно красивы инкрустации из металла. Резчики забивают в вырезанный узор тонкие пластины жёлтой и красной меди или же заливают его расплавленным оловом; так украшаются посохи, кнуты и топорики.

Глядя на все эти прекрасные вещи, на бесконечное разнообразие способов их отделки и украшения, трудно не удивляться неумирающей силе народного творчества, стремлению к красоте, которого не могли убить ни годы тяжёлого труда, ни бесправное существование. Это прекрасное искусство принесли народные художники и в новую, счастливую жизнь. Ему предстоит широкое развитие, яркий, радостный расцвет.

Дьердь Домановски

Будапешт.

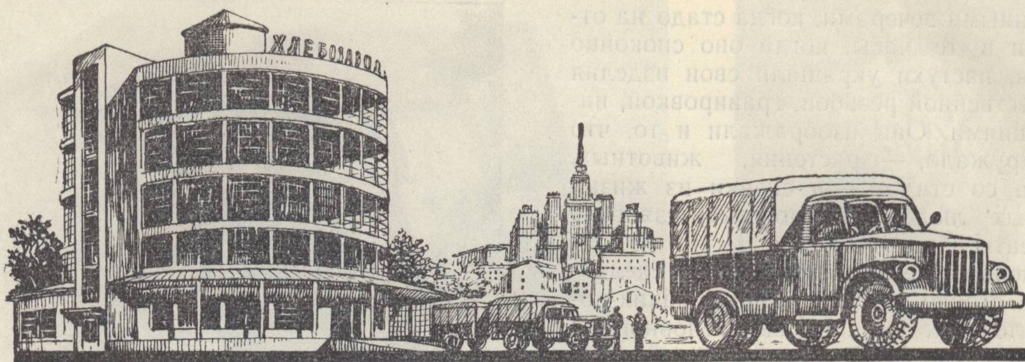
Деталь волынки пастуха.

Пастуший рог.

Два ковшика.

ЧУДЕСНЫЙ ПЕКАРЬ

А. Смирнягина

Фото В. Гребнева.
Рисунки В. Добровольского.

Как вкусен душистый, с хрустящей корочкой ломоть свежего, только что испечённого хлеба!

Без хлеба мы не можем обойтись и одного дня, мы едим его и за завтраком, и за обедом, и за ужином, и он никогда не надоедает, не приедается.

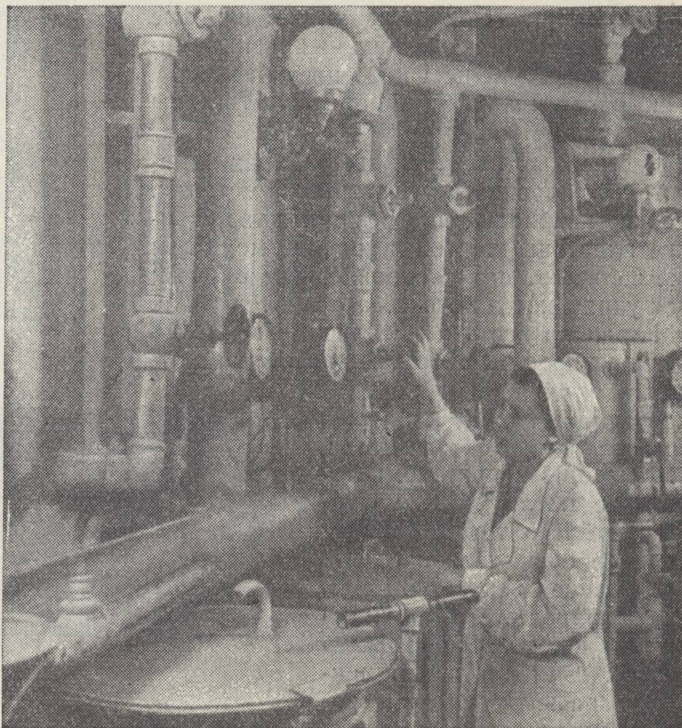
Почему же так необходим нам хлеб? Потому что в нём есть углеводы, белки, жиры, соли фосфора, железа, кальция, витамины B_1 и PP_1 — вещества, нужные для жизни человека.

Но для того, чтобы все эти ценные вещества были усвоены организмом, хлеб должен быть хорошо выпеченным. Чем вкуснее, чем аппетитнее хлеб, тем он питательнее.

А испечь хлеб совсем не просто. Недаром К. А. Тимирязев сказал: «Ломоть хорошо выпеченного хлеба составляет одно из величайших изобретений человеческого ума».

Люди не сразу научились печь такой хлеб, какой мы с вами едим. Пятнадцать тысячелетий назад начали люди сеять злаки. Вначале они пекли лепёшки из цельных зёрен и только спустя много времени научились дробить зёрна, размалывать их в муку. Грубые пресные лепёшки не раз находили археологи при раскопках древних свайных построек.

Прошло ещё немало времени, пока люди додумались заквашивать тесто и печь из него лепёшки, похожие на наш хлеб. Кто знает, может быть, какая-нибудь хозяйка, жившая в давнопрошедшие времена, нечаянно смешала старое тесто-закваску с мукой и водой. Тесто стало расти, подниматься, и хлеб из него получился рыхлым, пористым и вкусным.

Какая здесь чистота! Всё блестит и сияет. Но это не кабинет врача и не лаборатория. Это—дозировочное отделение хлебозавода. Повернёт работница кран—и порция воды с дрожжами, сахаром и витаминами польётся в дежу, что находится этажом ниже.

Это открытие и было тем величайшим изобретением, о котором говорит К. А. Тимирязев.

И теперь ржаной хлеб пекут на закваске, а пшеничный — на дрожжах. Дрожжи — это микроскопические, одноклеточные грибки. В тёплом и влажном тесте дрожжи очень быстро размножаются, перерабатывают крахмал муки в сахар, а сахар — в спирт и углекислоту. Пузырьки углекислого газа стремятся вырваться наружу, они разрыхляют тесто, делают его пористым.

Этим крошечным грибкам обязаны мы тем, что едим вкусный, полезный и нескоро черствеющий хлеб.

* * *

Давайте, ребята, отправимся туда, где пекут хлеб, и посмотрим, как это делается.

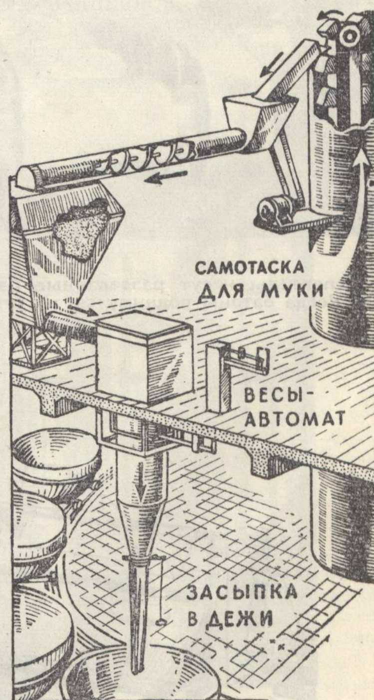
Вот перед нами шестиэтажное, с большими окнами здание, похожее на огромную башню.

То и дело подходят к этому зданию вагоны, гружённые мешками с мукой. Войдём в просторный круглый зал подвального этажа. Сюда поступает мука разных сортов. Но мы не увидим её, здесь даже пыль мучная не летает в воздухе. Словно по мановению волшебной палочки мука двигается в закрытых конвейерах, смешивается, очищается и попадает в ковши бесконечной ленты-самотаски, которые поднимают её по закрытым желобам на самый верхний, шестой этаж.

Поднимемся и мы туда. На шестом этаже светлый, просторный зал. Все залы в этом здании светлые, с огромными, от пола до потолка окнами, все они круглые, и хлеб в них движется по круговым конвейерам. Этим и объясняется необычная форма здания. Во всех залах образцовая чистота, все приборы работают точно, как в аптеке.

По кольцевому конвейеру на шестом этаже движутся огромные чаши-дежи, в которых приготовляются дрожжи. Мука из ковшей самотаски ссыпается в гигантскую, установленную под самым потолком воронку — бункер. Но недолго она задерживается здесь. Вот вспыхивает сигнальная лампочка, работница в белоснежном халате нажимает кнопку, и на автоматических весах взвешивается нужная порция муки. По этому же сигналу работница открывает кран бака-смесителя, где в тёплой подсоленной воде размешаны дрож-

Хороводом кружатся дежи на конвейерах, а сверху, с шестого этажа, из огромных воронок в них сыплется мука, льётся дрожжевая смесь.

жи, витамины, те, которых нет в муке, а для некоторых сортов теста — масло, сахар и патока.

Точно отмеренная порция этой смеси и взвешенная мука попадают отсюда на пятый этаж.

На полу огромного зала на пятом этаже проложены несколько кольцевых конвейеров, одно кольцо вокруг другого. Это своеобразная железная дорога. Но не дежи едут по рельсам, а рельсы медленно движутся, и вместе с ними «плывёт» вокруг зала вереница деж, прикреплённых к рельсам.

Вот дежа приблизилась к свешивающемуся с потолка полотняному рукаву. Работница нажала кнопку, подала сигнал на шестой этаж — и из рукава посыпалась в дежу мука, полилась тёплая вода с дрожжами и витаминами.

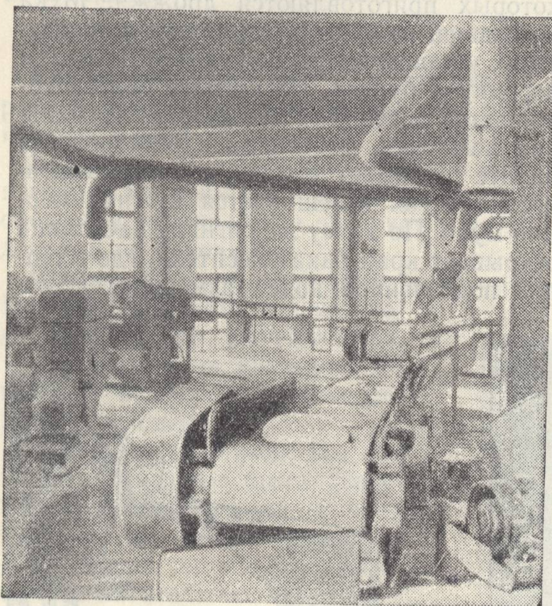
Сколько бы пришлось затратить сил, чтобы вымесить тесто руками в этой огромной деже! Но здесь тесто месят не люди, а мощные стальные лапы месильной машины.

Сначала приготовляется опара — жидкое тесто. Выйдя из-под первой месилки, дежа медленно плывёт по кругу, пока не подойдёт в ней опара. Движение конвейеров рассчитано точно, и дежа попадёт под вторую месилку только тогда, когда дрожжевые грибки сделают опару рыхлой.

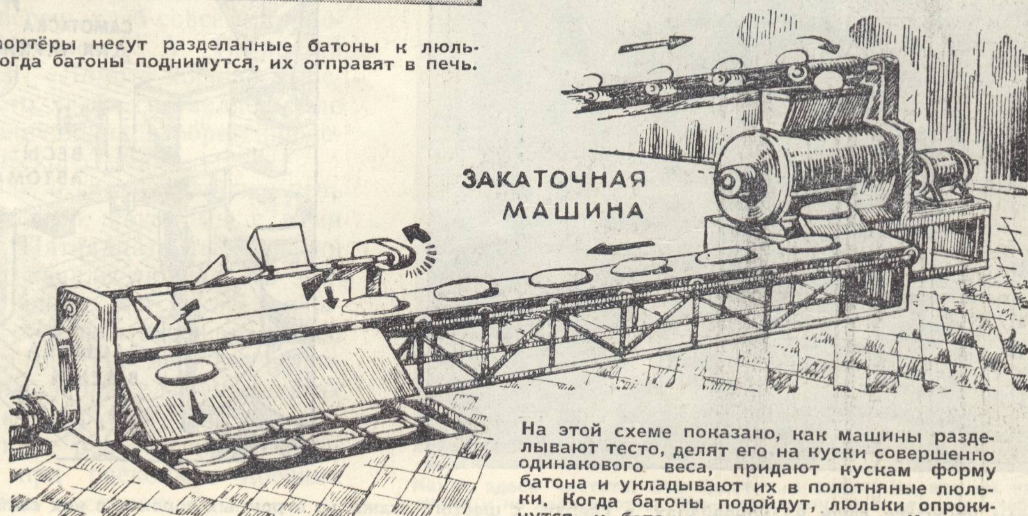
Потом в опару добавляется мука, вторая месильная машина снова месит тесто, и дежа снова медленно идёт по кругу. Чтобы в тесто не попала пыль, дежа скрывается в тоннеле и выходит из него через три часа, когда тесто поднимется в ней «шапкой». Лапы третьей мешалки обомнут пышное тесто и удалят из него лишние пузырьки углекислого газа.

К тому времени, когда тесто будет окончательно готово, дежа окажется у опрокидывателя.

Он поднимет её, наклонит и выльет шестьсот килограммов теста в жёлоб, ведущий на четвёртый этаж. Дежа снова пойдёт на заправку, а потом будет продолжать своё круговое движение по бесконечному пути. На четвёртом этаже в это время другие машины разделывают тесто. Они разделят тесто на одинаковые по весу куски, придадут им форму батона или бул-

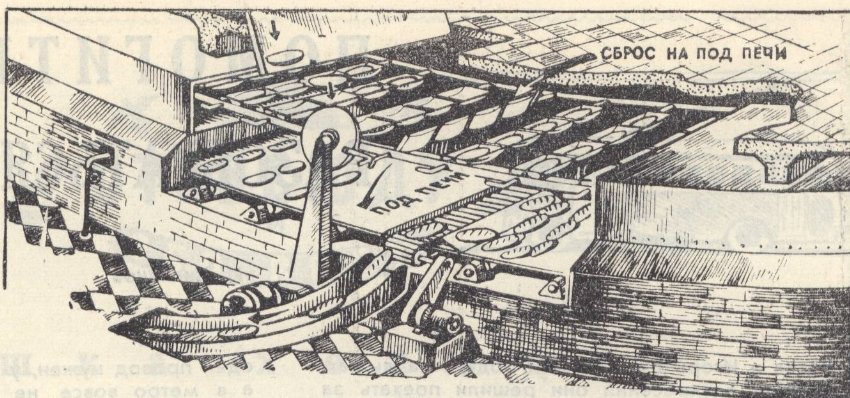

Транспортёры несут разделанные батоны к люлькам. Когда батоны поднимутся, их отправят в печь.

На этой схеме показано, как машины разделывают тесто, делят его на куски совершенно одинакового веса, придают кускам форму батона и укладывают их в полотняные люльки. Когда батоны подойдут, люльки опрокинутся, и батоны попадут в печь. Как это делается, вы увидите на следующей странице.

ки и уложат эти куски в полотняные люльки, где они ещё раз подойдут перед выпечкой. Люльки подвешены на кольцевых конвейерах, которые медленно непрерывно вращаются. Под конвейерами находятся кольцевые печи.

Люльки опрокидываются, и батоны падают на медленно движущийся под печи. Совершив путешествие по кругу, батоны хорошо пропекаются и, пышные, румяные, уносятся транспортёром в прохладное помещение.

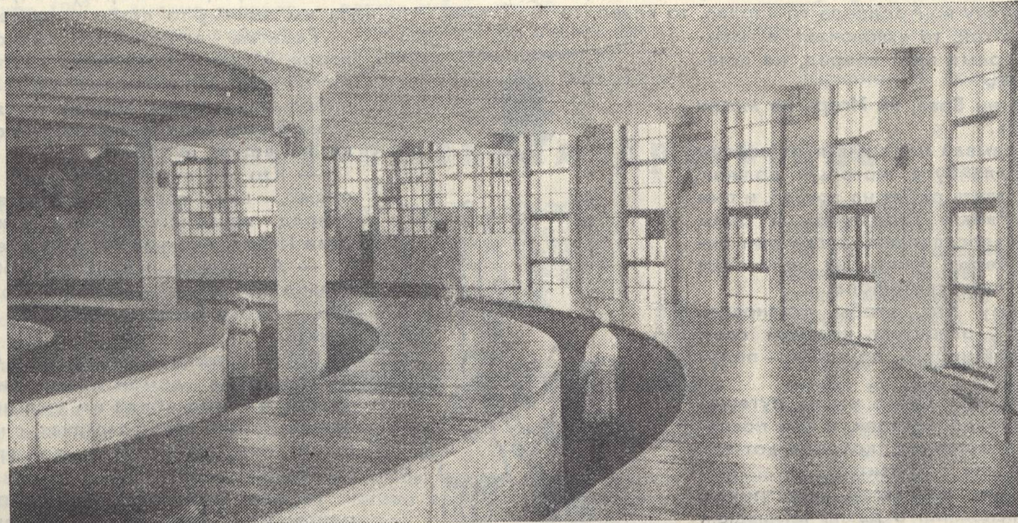
Когда батоны или булки вырастут, люльки опрокидываются, и хлеб падает на под, движущийся внутри печи. Под печи движется медленно, хлеб успевает испечься, пока он пройдёт круг. Тогда погрузочный механизм снимет батоны и передаст их на транспортёр, который унесёт их в прохладное помещение.

После того, как батоны остынут, они съезжают по винтовому лотку на первый этаж, сортируются, укладываются в ящики и в машинах с надписью «Хлеб» развозятся по магазинам.

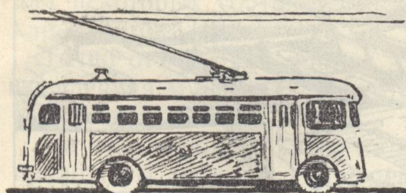
Завод-автомат — чудесный пекарь. Он выпекает в день двести пятьдесят тонн вкусного, питательного хлеба!

Ни один сказочный богатырь не справился бы с такой работой. Пятистам пекарям пришлось бы выбиваться из сил, чтобы вымесить это тесто руками. А ведь в тестомесильном цехе работает всего-навсего шесть работниц. И им не приходится делать никакой тяжёлой физической работы.

За всё время изготовления хлеба к нему не прикасается рука человека. Новая техника, машины пришли на помощь советским хлебопёкам, они сделали их сильнее сказочных великанов.

Чтобы и пылинка не попала в хлеб, почти на всём своём пути и дежи с растущим тестом и разделанные батоны скрыты в тоннелях.

ПОМОГИТЕ РАЗОБРАТЬСЯ!

И. Чкаников

Вовка и Игорь очень любят ходить на лыжах. В одно из воскресений они решили поехать за город к тёте Вовы и совершить большую прогулку на лыжах по лесу.

Ранним утром в воскресенье приятели бодро шагали к трамвайной остановке.

— Ну и холодно сегодня! — сказал Игорь. — Не замёрзнем мы с тобой, Вовка, за городом?

— Совсем нехолодно. Ты же слыхал сводку по радио: двенадцать градусов должно быть сегодня. И вчера было столько же, а не замёрзли же мы.

— Вчера тихо было, а сегодня, видишь, ветер «умеренный до сильного».

— Ну и что же? Температура ведь одинаковая.

— Я не знаю, почему, а только сегодня всё равно холоднее.

Тут подошёл трамвай, и ребята, прекратив разговор, поспешили сесть в него.

В трамвае Игоря почему-то заинтересовали электрические лампочки под потолком.

— Вовка, посмотри, почему это число лампочек в трамвае всегда на пять делится?

Вдруг трамвай внезапно остановился, и Вовка сильно толкнул стоящего впереди человека.

— Вы, пожалуйста, не сердитесь на Вовку,— обратился Игорь к человеку, которого толкнул Вовка,— тут трамвай виноват: он внезапно остановился, вот Вовка на вас и налетел...

Пробравшись к выходу, мальчики обратили внимание на то, что водитель всё время поворачивает ручку контроллера то вправо, то влево, то включает ток, то выключает, а трамвай всё время идёт вперёд, не останавливаясь.

Этого ни Вова, ни Игорь не могли объяснить.

Тут трамвай подошёл к остановке того троллейбуса, который должен был доставить ребят на вокзал, и они вышли. Ребята торопились и были очень раздосадованы, когда при переходе через улицу их остановил красный свет светофора.

«Почему это, чтобы остановить транспорт, зажигают красный свет, а не какой-нибудь другой?» — подумал Игорёк.

Троллейбус довёз наших путешественников до вокзала, и они поспешили к электричке, которая вот-вот должна была отправиться.

Взглянув на вагон электрички, Игорёк вспомнил о давно мучившем его вопросе: почему это электричке один провод нужен, у троллейбуса два провода, а в метро вовсе не видно проводов? Но он не стал уж спрашивать об этом Вову.

Примерно через час ребята уже шагали по укатанной снежной дороге. Вскоре они подошли к даче, где жила тётя Вовы. С крыши крыльца свисала огромная сосулька.

— Вот так сосулька!..— воскликнул Вовка. — А когда же она образовалась? В оттепель? Но почему же тогда вода замёрзла в оттепель?

— Значит, не в оттепель, а в мороз,— неуверенно возразил Игорёк.

— А откуда же во время мороза вода взялась?

Но Вова не стал долго раздумывать над этим. Он взбежал на крыльцо и дёрнул за ручку звонка.

Подождав немного, он взялся было за ручку двери, но тут же отдёрнул её.

— Ай, чтоб тебе! Кусается!

— Ну зачем же ты голой рукой за железо хватаешься? Так и руки можно отморозить.

— За звонок же я брался — и ничего...

— Так у звонка ручка деревянная, а у двери металлическая...

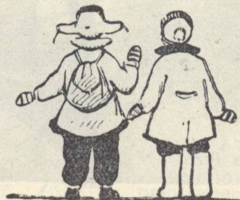
Тут за дверьми раздались шаги, дверь открылась, и вовина тётя радостно приветствовала племянника и его приятеля.

Хорошо в зимнем лесу! Быстро бежали ребята по лыжне, а потом они свернули в сторону и пошли по целине. И тут ребята сразу почувствовали, что идти им почему-то стало труднее.

Ребятам встретилось несколько горок, и они благополучно скатились вниз. Только на последнем, самом небольшом спуске Игорёк загляделся на белку, перепрыгивающую с ветки на ветку, и упал.

— Кто же с горы съезжает, стоя прямо, как свечка? Обязательно вперёд наклоняться надо, — журил Вова Игоря, смахивая с него снег.

— А почему же нужно обязательно приседать? — спросил его Игорёк, и этого Вова не смог ему объяснить.

Ребята зашли далеко, пора было возвращаться домой. Они сильно устали, и после обеда им уже не хотелось думать о тех загадках, с которыми они столкнулись во время своего путешествия.

Может быть, вы, ребята, подумаете и объясните всё Игорю и Вове?

Сушка холодом

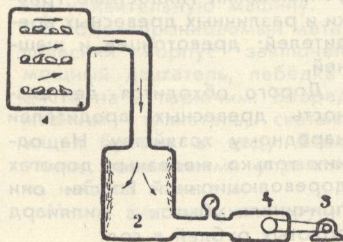
— При чём тут холод? — скажете вы. — Ведь все знают, что при сушке фруктов, овощей и других продуктов их никогда не охлаждают, а, наоборот, нагревают.

Но вспомните, как изменяются овощи и фрукты от тепла, особенно если их сушат при высокой температуре. Ягоды, например, теряют свой натуральный вкус, запах и цвет и превращаются в сморщенные костяшки.

А вот если вы попадёте в лабораторию научно-исследовательского института, где учёные изучают различные способы сушки продуктов, вас угостят совсем другими сушёными ягодами. Стоит опустить эти ягоды в воду, и их не отличишь от свежих, только что сорванных с куста. Эти ягоды высушены новым способом, методом сублимации.

Что же это за метод?

Вы знаете, что вода кипит и превращается в пар при температуре 100°, а высоко в горах, где воздух разрежен, вода закипает не при 100°, а примерно при 80°. Чем ниже атмосферное давление, тем ниже и температура кипения воды. Снижая давление воздуха, можно заставить воду кипеть и при 0°. Это произойдёт при давлении 4,58 мм, а при давлении 0,28 мм, или, как говорят в технике, в глубоком вакууме, вода закипает при 30° холода. Как известно, при нормальном давлении вода превращается в лёд при 0°. Если воду, замёрзшую в вакууме, подогреть, лёд немедленно перейдёт в пар, не превращаясь в жидкость. Это явление и называется сублимацией.

На рисунке вы видите схему установки для сушки по способу сублимации. В герметически закрытый шкаф — сублиматор (1) — кладут быстро охлаждённые или замороженные продукты: ягоды, мясо или рыбу. Сублиматор сообщается с другим сосудом — конденсатором (2), соединённым с воздушным насосом (3). После того, как насос откачает воздух из конденсатора, продукты, помещённые в сублиматоре, подогревают, и мельчайшие льдинки в замороженных продуктах очень быстро испаряются. Образовавшиеся пары уходят в охлаждённый конденсатор и в виде инея оседают на внутренних стенках конденсатора. При таком способе продукты обезвоживаются (высыхают) очень быстро, сохраняя естественный вкус и цвет.

Такие сушильные установки есть уже во многих институтах пищевой промышленности, а на ростовском консервном заводе «Смычка» уже построен специальный цех, где по новому способу будут сушиться томат-паста и другие продукты.

Инженер **И. Вольпер**

Облагороженная древесина

Дерево — это мощная насосная станция. Корни непрерывно всасывают из почвы растворённые в воде питательные вещества и подают их на большую высоту, — деревья бывают очень высокие. Одним корням не справиться с такой работой, если бы им не помогали листья. Листья испаряют очень много воды: среднего роста берёза испаряет до семидесяти литров, а бук — до ста литров в сутки.

Чтобы понять, как листья помогают корням, надо познакомиться с тем, как поднимается вода от корней к вершине по тончайшим сосудам в стволе дерева.

В этих сосудах, кроме древесных соков, находятся мельчайшие пузырьки воздуха. Когда вода испарится, пузырёк воздуха, расширившись, займёт её место. Давление в сосуде уменьшится, и разреженное пространство мгновенно заполнится жидкостью, нагнетаемой корнями снизу. Так и подымается сок от корней к вершине.

Советский химик П. С. Захаров, исследуя движение соков внутри дерева, однажды провёл такой опыт: срезал со ствола берёзы кольцо коры, просверлил в дереве несколько отверстий, сходящихся в центре, и подвёл к этим отверстиям длинные резиновые трубки, соединённые с резиновым мешком, в который было налито красящее вещество.

Вскоре он заметил, что жидкость в мешке постепенно стала убывать. Дерево жадно впитывало краску.

Когда через несколько недель берёзу спилили, её древесина оказалась окрашенной в яркокрасный цвет.

Это навело исследователя на мысль: нельзя ли таким способом окрашивать дерево в любой цвет?

Один за другим испытывал учёный различные химические красители для пропитывания деревьев. И после множества опытов он научился окрашивать древесину в любой цвет: под красное и лимонное дерево, под палисандр, орех и грушу. Он окрасил деревья в цвета, каких не встретишь в природе: в зелёный, фиолетовый, синий разных оттенков, красный с зелёными прожилками и другие. Эти краски не выгорают от солнца, не смываются водой.

Учёный пропитал берёзу аммиачными солями, и дерево стало гибким, согнулось в кольцо.

Но учёный не остановился на этом. Он стал пропитывать деревья на корню химическими веществами, которые делают дерево несгораемым, ядами, убивающими гнилостные грибки и различных древесных вредителей: древоточцев и шашней.

Дорого обходится деятельность древесных вредителей народному хозяйству. На одних только железных дорогах дореволюционной России они причиняли убыток в миллиард золотых рублей в год!

Первые опыты оказались неудачными. Одни вещества хотя и убивали грибки, но легко вымывались из древесины, другие делали дерево воспламеняемым, третьи быстро вызывали коррозию металлических деталей; такую древесину нельзя было применять для строительства.

Наконец после долгих поисков изобретатель нашёл выход. Сначала он пропитывал дерево медным купоросом, а затем бурой. Эти два вещества, соединяясь, дают нерастворимое вещество.

Но вся беда была в том, что не все ткани дерева пропитывались химическими веществами равномерно.

Тогда учёный попробовал пропитывать не живые, а срубленные деревья. Срубленное дерево ещё долго живёт.

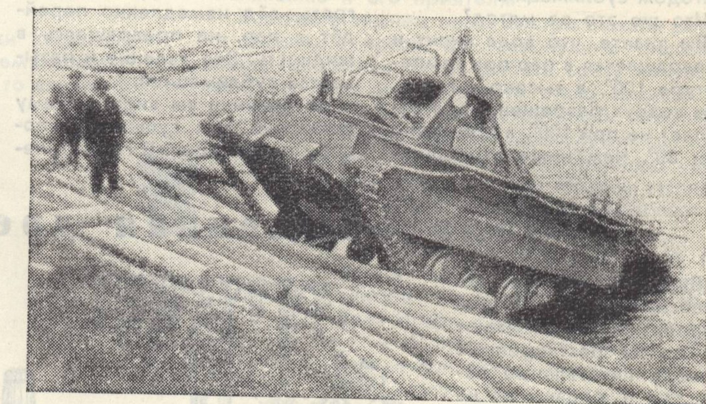
П. С. Захаров поместил комель свежесрубленного дерева в резиновый мешок, соединённый с бочкой, наполненной нужным раствором. И через несколько дней древесина равномерно пропиталась этим веществом.

Открытие П. С. Захарова принесёт большую пользу мебельной и строительной промышленности, оно даст возможность побороть вредителей и болезни деревьев.

А. Светов

По воде и по суше

Взгляните на карту нашей Родины, на синие извилистые линии её рек. Из конца в конец страны, с Урала в безлесные донские степи, по Северной Двине к «всесоюзной лесопилке» — Архангельску, по рекам Сибири, точно пловучие острова, идут плоты.

Трактор-амфибия.

В ином плоту столько брёвен, что из них можно было бы построить тысячу — другую двух — трёхкомнатных домов. Целый город, и немалый! Чтобы перевезти все эти брёвна по железной дороге, потребовались бы десятки железнодорожных составов. Вместо десятков паровозов, которые должны были бы вести эти составы, только один пароход ведёт плот, и мощность машин парохода в несколько раз меньше, чем у паровоза! Сколько угля и нефти экономит стране лесосплав!

Тысячи километров должен пройти лес по рекам, но если за сброшенными в воду брёвнами не уследить, далеко они не уплывут.

Свой путь брёвна начинают с маленьких сплавных речушек. Это к их берегам подвозят брёвна и сталкивают их в воду. Вода подхватывает и уносит древесину.

Всё шло бы хорошо, если бы реки были прямыми, без мелей и перекатов, но таких рек в природе нет, а малень-

кие сплавные речушки особенно извилисты. На первом же изгибе берега, на первой же отмели брёвна могут застрять, сбиться в кучу и образовать затор. А сверху река всё гонит новые и новые брёвна, они нагромождаются друг на друга. Как много нужно затратить усилий, чтобы разобрать такой затор!

Но нашим сплавщикам не приходится теперь разбирать заторы и сбрасывать брёвна в воду: у них появились могучие помощники — лебёдки и тракторы.

Безотказно действуют эти машины, но нелегко их доставить куда-нибудь в верховья затерявшейся в лесах речушки: к сотням и сотням таких речушек ещё не проложены дороги, не построены на них мосты.

Здесь нужны особые машины — вездеходы. И такие машины уже созданы советскими учёными и инженерами. Бездорожье, густые заросли кустарника, мелкий лес, крутые косогоры — всё такой машине нипочём. И река для неё не преграда. С разбегу спустится она на гусеницах в воду, гусеницы остановятся — и вдруг заработает гребной винт. Со скоростью семи километров в час переплывает вездеход реку. Трактором-амфибией называют эту удивительную машину.

В водонепроницаемый металлический корпус заключены мощный двигатель, лебёдка и цистерна с горючим. Впереди машины — толкатель, скатывающий брёвна в воду. Всеми этими механизмами управляет из кабины водитель.

Много дел можно поручить такой машине, и она всё выполнит одинаково хорошо.

Весной, когда спадает вода, множество брёвен остаётся на пологих песчаных берегах. Немало их застревает на корягах, запутывается в кустарнике, оседает на мелях. Где бы ни были брёвна, машина-вездеход доберётся до них и сбросит их в воду. Если ей встретятся на суше непроходимые горы или густые леса, она обойдёт их по реке, а повстречав пороги или водопад на реке, она не повернёт назад, а взберётся на крутой берег и со скоростью тринадцать километров в час по суше обойдёт их.

Такие тракторы-амфибии уже работают в лесах Карело-Финской ССР и в Ленинградской области.

А. Еромицкий

Твёрже стали

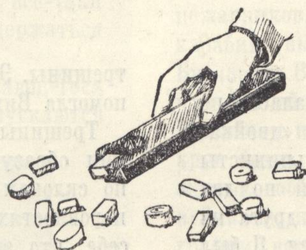
Если бы вы захотели познакомиться с работами лаборатории технологии стекла Московского химико-технологического института, руководимого профессором И. И. Китайгородским, вам среди прочих необычных и интересных вещей обязательно показали бы молочно-белые, с отполированными гранями пластинки, похожие на фарфоровые.

«Какая может быть польза от этих маленьких и хрупких на вид пластинок?» — подумаете вы, узнав к тому же, что они сделаны из глины, или, точнее сказать, из её составной части — окиси алюминия, из которой добывают мягкий эластичный металл — алюминий.

Но вот вам предлагают провести ребром этой пластинки по стеклу. «Только не слишком нажимайте», — предупреждают вас.

Вы проводите, и на стекле появляется чёткая, ровная линия, как будто вы провели алмазом. По линии разреза стекло легко разламывается.

Потом вас ведут в соседнюю комнату, где установлен токарный станок новейшей конструкции. Знакомую вам пластинку закрепляют в дер-

жавке, включают двигатель, с огромной скоростью начинает вращаться толстая стальная болванка, а маленькая глиняная пластинка... вгрызается в металл. Раскалённые, завитые спиралью стружки падают вниз. Спустя совсем немного времени выключают двигатель, вынимают ещё дышащий жаром, заметно исхудавший вал. Шершавая тёмная его поверхность стала блестящей, как зеркало.

А резец? Он совсем не изменился. Он режет металл лучше, чем металлические резцы, сделанные из сверхтвёрдых, тугоплавких сплавов, которые теряют свою режущую способность, когда температура достигает 800—900 градусов. Пластинке не страшна такая жара, наоборот, она ещё яростнее вгрызается в размягчённый металл.

Чем же объясняются необыкновенные свойства синтетического камня, сделанного советскими учёными и названного корундовым микролитом?

Его внутренним строением, которое совсем непохоже на строение керамики, из которой делают тарелки, чашки и другие предметы домашнего обихода.

В электронном микроскопе видно, что кристаллики вещества микролита очень плотно прилегают друг к другу.

Прочность искусственного камня такая же, как у драгоценных камней: агата, рубина, сапфира. По твёрдости он приближается к алмазу. Кубик микролита, не расплющиваясь, выдерживает огромное давление, в несколько десятков тонн; он начинает плавиться только при температуре в две тысячи градусов.

Микролит — очень дешёвый материал. Резцы из микролита широко применяются теперь в нашей промышленности.

Г. Блок

В ГОРАХ

М. Ануфриков,
заслуженный мастер спорта

Фотографии автора.

Был однажды со мной такой случай.

Наша альпинистская группа спускалась по Северному Цейскому леднику. Шли мы «двойками». Вы, наверное, знаете, что альпинисты обычно связываются длинной верёвкой по два или по три человека — страхуют друг друга на случай, если кто-нибудь из них сорвётся. Я был в одной связке с Виктором Буслаевым, тогда ещё школьником, и шёл первым, нащупывая дорогу. Виктор страховал меня.

Когда идёшь впереди, самое страшное — выбрать неверный маршрут, завести людей в такое место, откуда нет выхода ни назад, ни вперёд. А тут ещё дело осложнялось тем, что ледник был основательно завален только что выпавшим снегом.

Смеркалось, мы шли, торопясь до вечера выбраться на какую-нибудь твёрдую площадку. И вдруг передо мной возникла зеленовато-голубая стена. Казалось, она стремительно растёт вверх...

На самом деле, конечно, не стена росла вверх, а я летел вниз — в ледниковую трещину, которую не заметил под снегом. Рывок — и я повис на верёвке. Лямки тяжёлого рюкзака и верёвка сжимают грудь так, что невозможно вздохнуть, кажется, ещё секунда — и я потеряю сознание. Но вот верёвка дёргается, я скольжу вдоль ледяной стены вверх и вскоре уже стою у края трещины. Это подоспела наша вторая «двойка» и помогла Виктору вытянуть меня.

Трещины на ледниках — обычное явление. Они образуются там, где медленно сползающие по склонам ледники разрываются на изгибах и неровностях своего ложа. Чтобы представить себе, что это такое, посмотрите фотографию на странице 70. Ширина трещины, через которую прыгает альпинист, — около пяти метров. И это ещё не очень серьёзное препятствие. Бывают трещины много шире.

При прыжках альпинисты тоже охраняют друг друга. Видите, справа стоит альпинист, он связан верёвкой с прыгающим.

Умение надёжно страховать — это самое первое, чему учится альпинист. Ведь от этого умения зависит жизнь товарищей...

Шёл бы, скажем, я тогда один, не писал бы я сейчас этих строчек... В горах особенно чувствуешь бессилие и обречённость одиночки. Зато когда идёшь с верными, надёжными друзьями, то при любой опасности, на самых трудных восхождениях знаешь, что обязательно победишь.

Но как же, спросите вы, Виктор сумел удержать меня над пропастью, какие же у него должны быть сильные руки! Нет, дело не в руках. Верёвка, соединяющая альпинистов, обвивается вокруг корпуса страхующего, поэтому для того, чтобы удержать человека, ему никакой

особенной силы в руках не надо: он удерживает его всем телом. На этой странице вы видите Виктора Буслаева, стоящего на страховке.

Конечно, бывает и так, что тот, кто страхует, не успеет принять устойчивое положение, и тогда падающий может увлечь его за собой. Однажды такая катастрофа произошла с моими товарищами. Они спускались по снежному склону, и путь их неожиданно пересекла трещина, только не вертикальная, как на нашей фотографии, а наклонная, или, как их ещё называют, «подгорная». Эти трещины опаснее, они как бы подсекают склоны и часто совершенно не видны сверху. Именно такая трещина и была на пути моих друзей.

В связке их было трое. Тот, кто шёл впереди, сорвался, перелетел через трещину и покатился вниз. Второй не сумел его удержать и упал в трещину. Они повисли на верёвке, разделённые гребнем нижнего края трещины, и тут сорвался третий. Упав, он оказался рядом с первым, своей тяжестью они вырвали из трещины второго, и все стремительно покатились вниз. Но всё-таки совместными усилиями они сумели задержаться на скате и продолжали дальше спуск.

На этой странице вы видите спускающегося альпиниста. Таким способом обычно спускаются

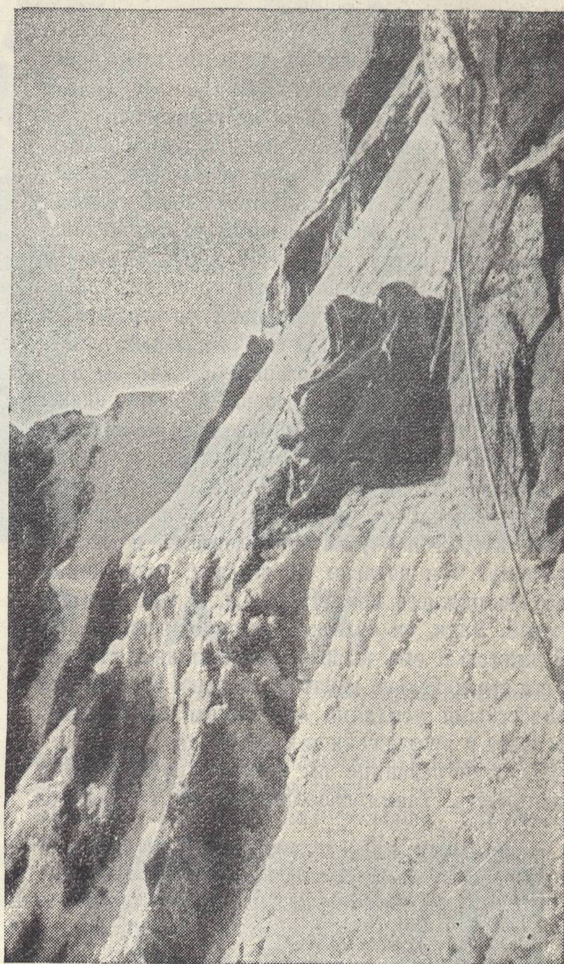

по самым отвесным склонам. Вверху забивается крюк с карабином. Что такое карабин, вы, наверное, хорошо знаете, видели его на поясе у пожарников, на сбруе лошади. Альпинистский карабин вы можете рассмотреть на поясе у Буслаева. В кольцо защёлкивается верёвка так, что два её конца идут вниз. На этой двойной верёвке и производится спуск. Она проходит вокруг бедра и через плечо альпиниста, под тяжестью собственного тела альпинист скользит по ней вниз, придерживая, как это видно на фотографии, верёвку руками. Скольжение тормозится трением верёвки о костюм альпиниста, поэтому спуск проходит с небольшой скоростью, и альпинист может регулировать эту скорость, то зажимая, то отпуская конец верёвки.

Когда все спустились, верёвку из карабина выдёргивают. Если жалко оставить карабин, то вместо него делают на крюке верёвочную петлю. Крюк же всегда приходится бросать.

Однажды при спуске таким способом на гребне Джугутурлючат у нас произошла крупная неприятность. Спускались мы по длинному и совершенно отвесному склону. На нём нельзя даже упереться ногами. Мы вбивали крюки, спускались, вися на верёвке, вбивали новые крюки, вешали на них рюкзаки и прикреплялись к крюкам грудными обвязками; потом вытаскивали верёвку из первого крюка, прикрепляли ниже и снова спускались. И вот в самом начале спуска верёвку заело, мы не смогли её выдернуть. Мы дёргали все вместе за канат, но ничего сделать не могли. Верёвка перекрутилась, и чтобы выдернуть её, нужно было встать на какую-нибудь

опору, а у нас её не было, мы висели в воздухе. Не оставалось ничего другого, как подняться к крюку и расправить верёвку. Но мы были так утомлены восхождением, нехваткой кислорода, что нам казалось, ни один из нас не сможет подняться на сорок метров по свободно висящему, качающемуся под ударами ветра канату.

Я спускался последним и считал себя обязанным добраться до крюка... Этот подъём показался мне труднее, чем весь многодневный предыдущий путь.

Задержавшись с верёвкой, мы не успели спуститься до сумерек, два последующих спуска проделали в темноте и заночевали на уступчике, привязав себя к крюкам, вбитым в скалу. Альпинистам частенько приходится коротать ночь в таких условиях: не так легко найти высоко в горах площадку, где можно разбить палатку или выкопать снежную пещеру. Такую ночёвку, правда, в другом месте Кавказа, вы видите на снимке. Но здесь мы устроились с бо́льшим комфортом: у нас был примус, мы разожгли его и по очереди согревались, даже, растопив снег, сумели приготовить какао.

А теперь мне хочется, чтобы вы посмотрели на самую первую фотографию. Это Шхельда. Её высота над уровнем моря — 4 320 метров. Склоны её почти всюду совершенно отвесны! Дух захватывает, когда глядишь на них... Попробуйте представить себе альпиниста, поднимающегося по этим кручам, и вам станет ясно, что для одного человека преодоление этих трудностей невозможно. Оно под силу лишь коллективу. Именно тем и хорош альпинистский спорт, что он учит людей ценить и понимать силу дружбы, силу, которая всегда в жизни помогает преодолеть любые преграды и достигнуть любой, самой трудной цели.

Верёвочка

А. Хмелик

Рисунки Г. Валька.

У каждого человека есть любимое занятие. Вовка Мухин больше всего любил драться. Он дрался в школе, дрался во дворе, дрался на улице. Ему было всё равно, с кем, когда и где драться.

Познакомившись с каким-нибудь мальчишкой, Мухин тут же предлагал:

— Давай стыкнёмся.

Чаще всего новый знакомый, чтобы сделать Мухину одолжение, стукал его по уху. Вовка тотчас принимал боксёрскую стойку, и начиналась схватка, о которой Мухин после рассказывал примерно так:

— В ответ на его крюк справа я провёл серию коротких ударов и захватил инициативу...

— Что ты за человек за такой!— возмущалась вовкина мама, когда он приходил домой с синяком под глазом.— Опять подрался.

— Я никогда не дерусь, мама,— возражал Мухин.— Бокс не драка.

Из-за вовкиного любимого занятия у его матери было много неприятностей: то её вызывали в школу для разговоров, то родители побеждённых «противников» грозили пожаловаться управдому. Но никакие убеждения на Вовку не действовали.

Случилось так, что Мухины получили комнату в новом доме. Это событие радовало Вовку необычайно.

Мухины въехали в четырнадцатую квартиру, а этажом ниже, в двенадцатой, поселился мастер спорта Семёнов, знаменитый боксёр.

Это было здорово! Теперь Вовка каждый день будет встречаться с прославленным спортсменом. Скоро они, конечно, познакомятся, а там, глядишь, станут друзьями. Мухин уже представлял себе, как он будет сидеть с Семёновым за товарищеской чашкой чая.

В том, что всё будет именно так, Мухин не сомневался...

Однако не всё на новом месте Вовке понравилось. Однажды утром Мухин услышал в коридоре какой-то топот. Вовка приоткрыл дверь. Ну, конечно. Этого следовало ожидать. Соседская девчонка прыгала через верёвочку. Вот ведь! И зимой не может успокоиться! Мухин сердито захлопнул дверь. Сердце его наполнилось чувством глубочайшего презрения к соседке.

— Ну почему так получается?— размышлял он, прислушиваясь к топоту.— Почему соседняя комната не досталась Семёнову?..

Вовка был до того возмущён несправедливостью судьбы, что подошёл к двери, высунул голову в коридор и противным голосом запел:

— Попрыгунья-стрекоза, попрыгунья-стрекоза, э-э-э!

Девчонка от удивления остановилась. Мухин показал ей язык. Девчонка фыркнула и закрутила верёвку вдвое быстрей.

С этого дня у Мухина установились с соседкой явно недружелюбные отношения. Проходя мимо, Вовка старался незаметно дёрнуть её за косу или подставить ей ножку.

С мастером спорта Семёновым Вовка встречался почти каждый день. Они даже здоровались. Но до настоящей дружбы, о которой мечтал Мухин, было попрежнему далеко.

Однажды, выйдя во двор, Вовка увидел мальчишку, с которым ещё не успел познакомиться.

Нового знакомого не пришлось долго уговаривать. Он с удовольствием ткнул Мухина кулаком в подбородок. Вовка собрался было ответить «серией коротких ударов», но в ту же секунду противник почему-то обратился в бегство, а Мухин почувствовал, что его кто-то держит за воротник.

— Чего не поделили, орлы?

Вовка оглянулся. Перед ним стоял Семёнов.

— Здравствуйте,— сказал Мухин.— Вы не думайте, мы не дерёмся. У нас бокс.

— Вот как?—усмехнулся спортсмен.— Это интересно. Первый раз вижу бокс в шубах. Но если ты действительно интересуешься боксом, приходи завтра в наш спортивный зал. У меня как раз группа школьников будет заниматься.

У Мухина захватило дыхание. Заниматься под руководством самого Семёнова!

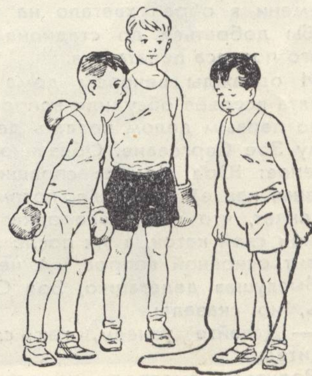
В спортивном зале, куда Мухин пришёл на следующий день, Вовка увидел десятка полтора ребят. Ребята обступили Вовку.

— Ты что, новенький?

— Ага,— ответил Мухин.— Стыкнёмся?

Ребята засмеялись. Вовка не успел спросить, над чем: в зал вошёл Семёнов, и началась тренировка.

Сперва всё шло хорошо. Вовка вместе со всеми делал гимнастику. Это называлось «размин-

ка». А потом ребята стали надевать боксёрские перчатки. У Мухина ёкнуло сердце: сейчас он проведёт первый в своей жизни настоящий бой в настоящих перчатках. Но тут произошло нечто невероятное. Семёнов подошёл к Вовке и сказал:

— А ты будешь делать вот какое упражнение.

И прославленный боксёр, фотографии которого печатались в газетах, имя которого было известно всей стране, начал прыгать через верёвочку, как девчонка, как вовкина соседка по квартире. Это потрясло Мухина до глубины души.

Семёнов наконец остановился и протянул верёвочку Вовке.

— Прыгать? — удивлённо спросил Мухин.

— Да, поупражняйся со скакалкой,— ответил мастер спорта.

— А когда же бой?

— Ну, до боя тебе ещё далеко. Бокс — это не драка.

Вовка неуверенно начал крутить верёвку и прыгать. Дело не клеилось. Верёвка почему-то всё время путалась в ногах. Несколько раз Мухин даже упал.

— Да-а,— разочарованно протянул Семёнов.— Плоховато. А ещё в бой рвёшься. Пока не научишься как следует прыгать со скакалкой, боксёра из тебя не получится. Мы все прыгаем каждое утро, понятно?

— Понятно...— вздохнул Мухин.

Вечером, придя с работы, вовкина мама застала в коридоре удивительную картину. Её родной сын Вовка Мухин прыгал через верёвочку, а рядом стояла соседская девочка и говорила:

— Не спеши, спокойно, не дёргай верёвку. Вот так. Раз, два, три, четыре...

Вовка называл соседку Ниной и мучительно старался слушаться её советов.

В ДОМЕ № 23...

В. Вагранов

Кому первому пришла в голову эта мысль, трудно сказать. Кажется, всем одновременно. Правда, у каждого из ребят были свои соображения...

Взять хотя бы восьмилетнего Игоря Волкова. Каждый раз, вернувшись с катка «Динамо», он выслушивал горькие упрёки матери и должен был давать торжественное обещание: больше никогда-никогда не ездить через весь Свердловск на стадион. И думал при этом: «Что же мне теперь делать? Без катка невозможно...»

У старших ребят соображения были не менее серьёзны. Занятия в школе и уроки занимали бо́льшую часть дня. Оставшегося времени в обрез хватало на то, чтобы добраться до стадиона и всего полчаса покататься.

Все ребята дома № 23 вышли на работу.

И однажды вечером дома у Юры Шилина ребята всерьёз обсудили вопрос о катке. Решено было первым делом послать делегацию к управдому Зое Сергеевне. Обязанности распределили заранее: Юра Мамаев спрашивает у Зои Сергеевны, как её здоровье, потом Коля Корольков намекает, что вот в «Городке чекистов» ребята залили свой каток, а уж после этого Юра Шилин ставит основной вопрос: «А чем мы хуже?»

Выслушав делегацию, Зоя Сергеевна засмеялась, но сказала:

— Давайте узнаем, как смотрят на каток родители!

Родители смотрели на каток положительно. Собрание жильцов вынесло постановление:

«Дети всегда смогут находиться под присмотром родителей, у них останется много свободного времени на уроки, а само устройство катка воспитает у ребят хорошие трудовые навыки».

В воскресенье рядом с котельной выстроилась огромная очередь: Зоя Сергеевна выдавала инвентарь. Работа закипела. Дружно воткнулись в снег лопаты, мётлы создавали невообразимую снежную метель, скребки с визгом ломали все преграды. Пришли даже самые маленькие жители дома с совочками и ведёрками.

Наступил самый ответственный момент: заливка катка водой. Ребята подтащили шланг. Сорок пар

ребячьих глаз были устремлены теперь на дворника дядю Андрея, и сегодня, когда ребята готовы были дать клятву никогда не лазить через заборы, не купаться в фонтане, не портить стены домов,— сегодня даже сам дядя Андрей почувствовал торжественность момента. Он внимательно осмотрел водопроводный кран и солидно прикрутил шланг.

— Сначала изберём коменданта катка! — кричал Юра Мамаев.— Он распределит дежурства по катку, будет вывешивать расписание и вообще будет у нас главным. Предлагаю Юрку Шилина!

И вот наконец мороз тонкой плёночкой прихватил поверхность катка. Из окна своей квартиры, которая отныне получила название «диспетчерской будки», Юра Шилин осматривал «владения». Что сегодня по расписанию? С двух до трёх часов — тренировка хоккеистов, потом полчаса — уборка катка, а потом — массовое катание. Позвольте, а почему Игорь Волков катается с двенадцати до двух?

— Игорь,— крикнул в форточку комендант,— зайди-ка ко мне!

На тренировки хоккеистов раньше всех приходил Юра Мамаев. Он занимался в хоккейной секции «Спартака» и теперь стал тренером дворовой команды.

И однажды вечером над забором дома № 23 важно проплыли клюшки, а вслед за этим в воротах показалась команда «Городка чекистов». Игра с этой сильной командой закончилась со счётом 25 : 24 в пользу хозяев поля. Двор дружно прокричал «ура».

Ну, а взрослые? Вы думаете, они только поговорили на собрании и успокоились? Ничего подобного! Каждое воскресенье они тоже принимают участие в массовых катаниях.

Только один дядя Андрей вдруг изменил своё отношение к катку.

— Что это за дело — к весне лужу разводить во дворе? Ломать его надо поскорее.

— Да вы что, дядя Андрей, ведь вы же сами только здесь, на катке, научились бегать на коньках! — укоряли его ребята.— А о весне не беспокойтесь. Мы решили: к весне канавки проведём, воду всю спустим, а на этом месте устроим спортивную площадку. Сетка у нас есть, вроем столбы, и будет волейбольная площадка. И для баскетбола щиты поставим. А вот турник... Как вы думаете, дядя Андрей, где турник пристроить?

— Да вот столбы для белья перенесём к забору,— увлёкся дядя Андрей,— а сюда турник.

— А гигантские шаги?

— Это потруднее будет. Да ничего...

Игорь Волков помогает тащить шланг.

Дядя Андрей уверен: если ребята что-то задумали, значит, сделают. Вот в прошлом году летом ребята задумали разбить во дворе сквер. «Разве это двор? Это же мусорный ящик!» — возмущался тогда Юра Шилин. И ребята устроили такой цветник с фонтаном, что из соседних дворов приходили полюбоваться им...

А спортивная площадка, конечно, необходима каждому двору. Ребята смогут организовать в собственном дворе регулярные тренировки. И экзамены весной им будет легче сдавать, потому что спорт — это сила, спорт — это здоровье, спорт — это бодрость духа...

Юра Мамаев тренирует хоккейную команду своего двора.

Пришёл к нам капризный, изменчивый март, месяц ласкового по-весеннему солнышка и по-зимнему сердитых метелей. Посмотрите, как весело искрится этот ручей, вырвавшийся из плена, и как отчётливы следы на нетронутом, только что выпавшем снегу!

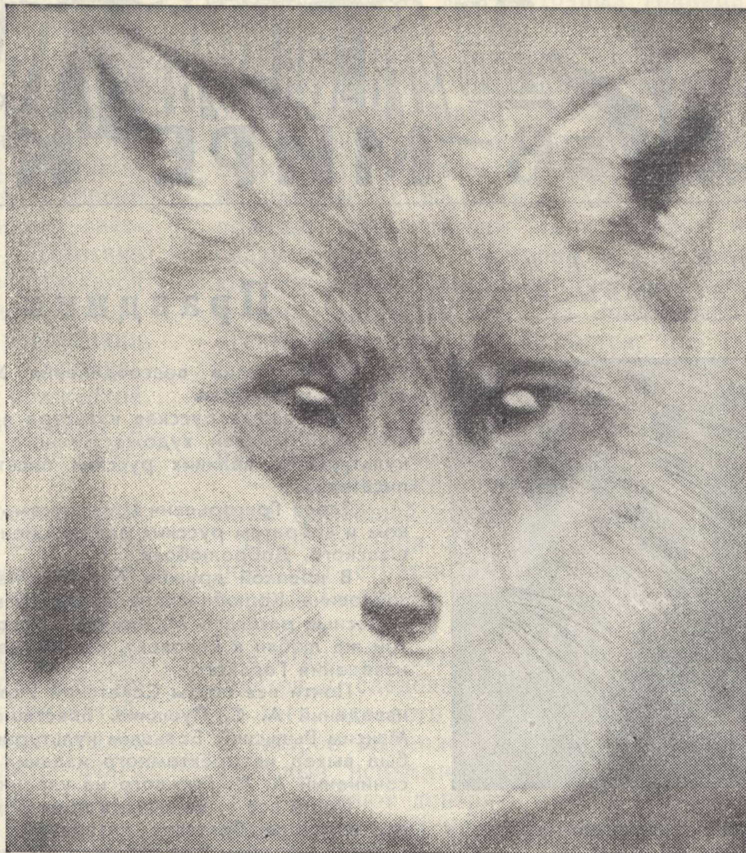
А вот и та, чьи следы вы видели на соседней странице. Это она, рыжая лисонька, пробежала по берегу и оставила ровную строчку на снежной странице.

Видно, вышла лиса на охоту, поглядеть, поискать, не попадётся ли где зайчишка, или куропатка, или белка, или хоть мышь-полёвка.

Если встретятся вам в марте такие вот следы, обязательно пройдите по ним, прочитайте историю лисьей охоты. Вы увидите место, где лиса вдруг остановилась, принюхиваясь. Должно быть, ветер принёс к ней заманчивый запах добычи. В этом месте ровную строчку прервут глубокие отпечатки лисьих лап. Дальше ровная рысца сменится осторожным, крадущимся шагом. Вы это узнаете по укоротившимся расстояниям между следами. А завидит лиса зайца, и об этом расскажет вам запись на снегу. Вы сразу догадаетесь, что лиса бежала: ямки следов станут глубокими, а расстояния между ними удлинятся.

Но вот ветер скажет лисе, что вы идёте за нею, и она начнёт хитрить, путать свой след, чтобы сбить вас с толку.

Если вы будете внимательны и зорки, вы разгадаете все лисьи хитрости и много занятного узнаете о нраве рыжей хищницы.

СКВОРЕЧНИК

Грицько Бойко

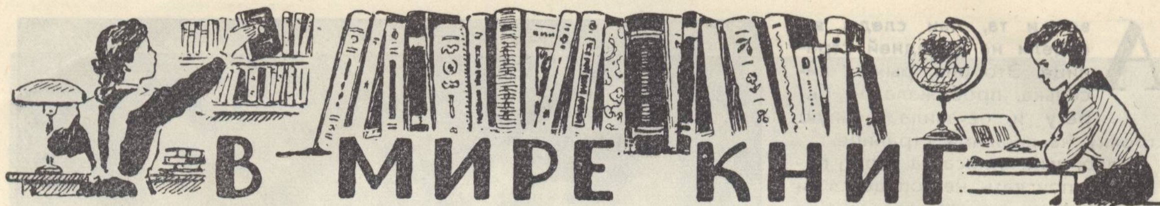
Мы в срок скворечник смастерили,
В садах деревья расцвели.
Тепло весны на лёгких крыльях
Скворцы нам с юга принесли.

Они с зари и до заката
Всё лето пели без конца,
И желторотые скворчата
Похожи стали на отца.

Едва мы урожай собрали,
И лето знойное прошло,—
Скворцов от дома к дальним
далям
Осенним ветром унесло.

Но нас они не забывают,
Они весною, так и знай,
Чужие земли покидая,
Вернутся в свой родимый край.

Авторизованный перевод с украинского
Сергея Баруздина.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Праздник братства

В. В. Бычко.

Трёхсотлетие воссоединения Украины с Россией — это праздник дружбы и братства.

Богатейшая русская культура всегда была неисчерпаемым источником идей, мыслей, художественного мастерства для деятелей украинской культуры. У великих русских писателей учились и учатся украинские писатели.

Тарас Григорьевич Шевченко — гениальный самородок — был учеником и собратом русских революционеров-демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

В крепкой дружбе Алексея Максимовича Горького и Михаила Михайловича Коцюбинского отразилось единение двух братских культур. Чудесные рассказы М. Коцюбинского, его повесть «Фата моргана» полны той же любви к человеку, к свободе, к братству, которые отличают произведения Горького.

Почти все поэты Советской Украины работали над переводами произведений А. С. Пушкина. Блестяще перевёл роман «Евгений Онегин» Максим Рыльский. Большим культурным событием в жизни нашего народа был выход четырёхтомного издания А. С. Пушкина и полного собрания сочинений А. М. Горького на украинском языке.

Почти все выдающиеся произведения русской советской литературы, как и других братских литератур, немедленно переводятся и выходят в свет на родном для украинцев языке. Это относится и к произведениям детской литературы.

И здесь крепка традиция дружбы с русской литературой. Конечно, М. Горький и В. Маяковский — самые большие учителя украинских детских писателей. Но не только они оказывают сильное влияние на наше творчество.

Свято чтится на Украине имя любимца всей советской детворы Аркадия Гайдара, памятник которому высится над вольным Днепром невдалеке от могилы великого кобзаря — Тараса Шевченко. Очень близок к Аркадию Гайдару по своему творчеству украинский писатель Микола Трублаини. Он так же любил детей, участвовал в их затеях, отправлялся с ними в дальние путешествия, а потом писал интересные книжки, где были и увлекательные приключения и романтические мужественные герои. Он и погиб так же, как Аркадий Гайдар, с винтовкой в руке, защищая честь и свободу Родины. Книги А. Гайдара и М. Трублаини стоят на книжных полках рядом, как друзья, как символ дружбы двух детских литератур — русской и украинской.

К празднику трёхсотлетия воссоединения Украины с Россией украинские писатели создали много новых значительных произведений. Уже опубликованы вторая часть романа Натана Рыбака «Переяславская Рада», сборник стихов М. Бажана о вековечной дружбе двух народов «Возле Спасской башни». Печатаются книги о героической борьбе украинского народа: «Клокотала Украина» П. Панча, «Устим Кармелюк» В. Кучера, «Семён Палий» Ю. Мушкетика и другие. Заканчивает роман о Богдане Хмельницком Иван Ле.

Выпускаются также новые книги и для детей: очерк о Богдане Хмельницком О. Иваненко, поэма М. Бажана «Гонец», «Побратимы» И. Ле, стихи П. Тычины, М. Рыльского о Переяславской Раде и другие.

Редакции украинских детских журналов «Барвинок» и «Пионерия» и газет «Юный ленинец» и «Зирка» готовят юбилейные номера.

Валентин Бычко

Героические дела советских разведчиков

Многие из вас, ребята, помнят кинофильм «Подвиг разведчика», рассказывавший о героической борьбе советских людей с врагами нашей страны.

Враг, с которым приходилось вступать разведчикам в единоборство, был опытен, коварен и жесток. Требовались большое мужество, гибкий ум, самоотверженность,

а главное, подлинная любовь к своей Родине, чтобы с честью справиться со своей нелёгкой задачей и обезвредить опасного врага.

Этой самоотверженной, героической борьбе с тайными врагами нашего народа и посвящены вышедшие недавно в Детгизе две книги писателя Георгия Брянцева: повесть «Конец осиного гнезда» и роман «Тайные тропы». Действие этих увлекательных книг развёртывается в годы Великой Отечественной войны. Герои их — смелые советские разведчики Стожаров, Ожогин и Грязнов. Стремясь разгадать тайные замыслы вражеской агентуры, они бесстрашно проникают в само волчье логово — в шпионские центры немецких фашистов.

Через многие испытания проходят отважные советские патриоты, много раз им грозит смертельная опасность, но находчивость и мужество, вера в правоту своего дела и преданность Родине дают им силы, чтобы одержать победу над врагами. Наши разведчики срывают замыслы врагов, добывают сведения о тайных агентах, заброшенных в наши тылы, и помогают этим ликвидировать очаги шпионских гнёзд на территории Советского Союза.

Георгий Брянцев хорошо знает своих героев, и всё рассказанное им достоверно. Герои книг Г. Брянцева действуют и в тылу врага на оккупированной фашистами территории, и в самой гитлеровской Германии, и на юго-восточных границах нашей Родины.

Иллюстрация Г. Бродского к роману «Тайные тропы».

Вот, например, в какую сложную обстановку попадает герой повести «Конец осиного гнезда» майор Стожаров. По заданию советского командования он пробирается в шпионский центр фашистов под видом их же агента. Хитрые, осторожные руководители этого центра не сразу доверяют Стожарову, а устраивают ему тонко задуманную проверку. Стожаров, выдавший себя за фашистского агента Хомякова, притворяется, что совсем не знает немецкого языка. Чтобы убедиться в этом, фашистский капитан Гюберт в присутствии Стожарова говорит своему помощнику по-немецки:

— Сегодня же ночью повесить. Я ему ни в малейшей степени не верю.

Но Стожаров не подаёт и вида, что понимает страшный смысл фразы, сказанной Гюбертом. А ведь стоило только дрогнуть одному мускулу на его лице, как стало бы ясно, что он обманул фашистов и, следовательно, выдаёт себя не за того, кто есть на самом деле. Майор Стожаров выдерживает и многие другие тяжёлые испытания. Постепенно фашисты начинают доверять ему, и Стожаров узнаёт замыслы врагов, помогает советским разведывательным органам сорвать вражеские планы и уничтожить фашистское «осиное гнездо».

Столь же трудные и разнообразные испытания стоят на пути Ожогина и Грязнова — героев романа «Тайные тропы». Но и они преодолевают эти трудности и выходят победителями в схватке с врагами.

Коварные происки врагов не прекратились с окончанием войны. Тайная война приобрела ещё бо́льшие масштабы. Американские и иные фашисты пытаются собирать секретные сведения о нашем государстве, его армии и промышленности с тем, чтобы помочь своим реакционным правительствам подготовить новую войну против миролюбивого советского народа. Всем советским патриотам нужно быть очень бдительными в этой сложной обстановке, чтобы не дать врагам осуществить свои коварные замыслы.

Познакомившись с книгами Георгия Брянцева, вы не только проникнетесь ещё бо́льшим уважением к героической профессии разведчика, но и узнаете много интересного и полезного.

Николай Томан

КНИГА О ЮНЫХ МУЗЫКАНТАХ

Книга Э. Эмден «Школьный год Марины Петровой» рассказывает о девочке-скрипачке. Она учится в музыкальной школе. Некоторые ребята думают, что играть на скрипке — дело не такое уж хитрое. Но Марина знает (а вместе с ней узнаёт и читатель), сколько надо терпения, прилежания, настойчивости для того, чтобы стать настоящим музыкантом.

В книге хорошо описана и сама Марина, и её мама, и её учитель Алексей Степанович, и её друзья и подруги — будущие музыканты.

В музыкальной школе, кроме специальных предметов, проходят и все обычные школьные предметы. Много, очень много надо заниматься Марине. Но она не отступает перед трудностями.

Читая книгу о Марине Петровой, невольно вспоминаешь образ другого юного музыканта, жившего в России до революции, при царе. Бедный деревенский паренёк Янко из рассказа Г. Сенкевича «Янко-музыкант» мечтал о скрипке. Однажды он не вытерпел, пробрался в барский дом и дрожащей рукой осторожно коснулся заветной скрипки. Раздался тихий звук, точно стон... Янко схватили и по приказу старосты запороли до смерти. Пусть помнят об этом наши юные музыканты, когда берут в руки чудесные скрипки, которые вручила им наша страна.

Некоторые читатели, пожалуй, упрекнут автора книги в том, что уж слишком всё легко Марине даётся. Мне думается, что это беда небольшая. Когда мы читаем книгу, мы верим, что есть на самом деле такая талантливая девочка Марина. Мы как бы видим её, слышим её, и нам хочется, чтобы она поскорей выросла и стала большим музыкантом. А это — главное!

Я. Тайц

Стихи Джанни Родари

В дни зимних каникул десятки тысяч ребят побывали на новогоднем празднике в Большом Кремлёвском дворце. И почти у каждого из них можно было увидеть не только яркие пакеты с гостинцами, но и много новых интересных детских книжек, которые они с гордостью несли подмышкой, не доверяя их ни мамам, ни папам, ни бабушкам. И почти у всех ребят, больших и маленьких, серьёзных старшеклассников и непоседливых дошкольников, среди приобретённых ими книжек я видел небольшую книгу в синей обложке с простым и весёлым названием: «Здравствуйте, дети!».

Все вы, как и те ребята, которые были на празднике в Кремле, хорошо знаете и любите автора этой книги. Одни из вас читали его чудесные стихи, другие — весёлую сказку «Приключения Чиполлино», третьи — только что напечатанную в нашем журнале повесть «Маленькие бродяги», а некоторые — и то, и другое, и третье.

Книгу «Здравствуйте, дети!» написал большой и хороший друг ребят, замечательный итальянский писатель-коммунист Джанни Родари. Его стихи, переведённые на русский язык С. Маршаком, посвящены самым обыкновенным, простым людям Италии — каменщикам и лудильщикам, чистильщикам сапог и точильщикам, которым тяжело живётся на свете и которые ненавидят богатых бездельников, мечтающих о новой войне.

Джанни Родари хорошо знает жизнь ребят, он хорошо и просто умеет разговаривать со своими читателями о самых различных делах и событиях. Он рассказывает о мальчике из Модены, у которого полицейские убили отца, о городской детворе, которая проводит лето на душных улицах, о маленьком Чиччо, живущем в тёмном, сыром подвале, и о тех, кто работает без отдыха и без воскресных праздников:

Голодный люд в каморках тесных
Не замечает дней воскресных.
Семь воскресений у бездельников,
У бедняков — семь понедельников.

Но как ни грустны эти стихи, в них нет безнадёжной печали. И сам Джанни Родари и его герои верят в своё счастье, и не только верят, но и борются за него. Об этом горячо и взволнованно говорит поэт в стихотворениях «Старьё берём!», «Почтальон», «Славный корабль», «Пожарный», «Журналист», «Куда девались феи?», «Там, в горах».

Синьоры, покиньте вы нашу страну,
Пора вам убраться с земли на луну.
Вы можете там на безлюдье
Палить из любого орудья,—

пишет Д. Родари, обращаясь к незваным чужестранным генералам, которые приехали в его родную Италию, чтобы втянуть её в новую войну.

Стихи Джанни Родари просты и искренни, как и название его книги: «Здравствуйте, дети!». Вот почему мы любим их и с удовольствием по многу раз перечитываем.

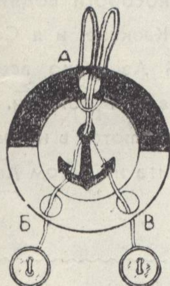
Сергей Баруздин

В ЧАСЫ ДОСУГА

ЯКОРЬ

На куске картона начертите якорь и кольцо, потом вырежьте их по контурам. В кольце сделайте три отверстия — А, Б, В — диаметром в 6—8 мм.

Чтобы внутренний круг кольца и маленькие отверстия получились правильной

формы и с гладкими краями, толстой иглой или шилом сделайте по начерченным линиям вырезов проколы, как можно ближе один к другому. Потом концом острого перочинного ножа прорежьте перемычки между проколами. После этого вденьте в кольцо горлышко бутылки и покрутите её. Точно так же карандашом или ручкой обомните края маленьких дырочек. Сделайте такое же отверстие и на якоре.

Цветной шнурок длиной 50 см сложите пополам и пропустите петлю через отверстие А. Оба конца шнурка проденьте сначала в петлю, а потом в дырочку на якоре. После этого сквозь отверстия Б и В пропустите по одному концу шнурка и к каждому из них привяжите по пуговице.

Головоломка готова. Попробуйте решить её: не развязывая узелков, снимите якорь со шнурка.

ПОКУПКА КНИГ

На сто рублей мальчик купил книг. Эту сумму он уплатил в кассу десятью бумажными денежными знаками. Среди них не было ни одного десятирублёвого. По достоинству все денежные знаки можно было разделить на три группы.

Назовите по отдельности стоимость всех десяти денежных знаков, которыми мальчик заплатил за книги сто рублей.

Эта задача арифметическая. Правильно рассуждая, вы решите её с помощью очень несложных вычислений.

Я. Алексеев

КАКИЕ ГОРОДА?

Каждую горизонтальную чёрточку замените одной буквой с таким расчётом, чтобы получились названия шести городов Советского Союза.

— —100—
— —100—
— —100— — — —
— — — — — — — —100—
— — — —100— — — —
— —100— — — — — — —

А. Левшин

ВОСЕМЬ ЧЕТВЕРОК

Каждое из трёх чисел: 100, 500 и 1000 — составьте из восьми четвёрок, применяя знаки арифметических действий.

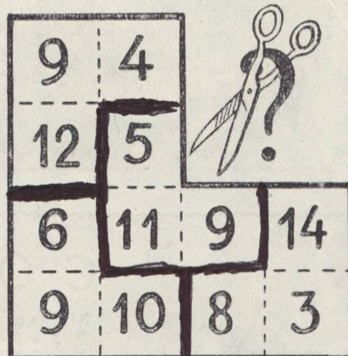
Для того, чтобы показать, в какой последовательности надо производить действия, можете пользоваться скобками.

С. Бессонов

ГОЛОВОЛОМКА

Разделите эту фигуру на четыре равные и одинаковые по форме части так, чтобы сумма чисел в каждой части равнялась одному и тому же числу.

Валерий Забара,
ученик Бобруйской средней школы, БССР.

СОСТАВЬТЕ СЛОВА

Начертите на бумаге квадрат со стороной, равной 8 см, и разделите его на 16 одинаковых клеток.

Из картона нарежьте такое же количество четырёхугольных фишек размером немного поменьше, чем клетка в квадрате. На фишках напишите по одной следующие буквы: а, а, г, е, е, л, л, о, о, п, р, р, с, т, ф, ф.

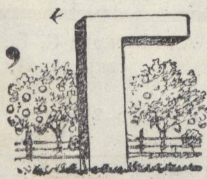
Разместите фишки с буквами в клетках квадрата так, чтобы составились четыре слова (имена существительные), которые можно было бы прочитать слева направо и сверху вниз.

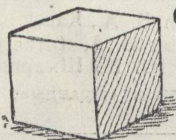
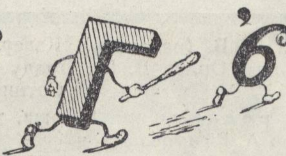
При решении задачи буквы «е» и «ё» не различаются.

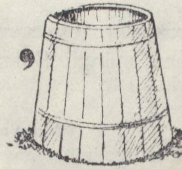
И. Чкаников

ПРОЧИТАЙТЕ

Помните, как в прошлом номере удивлялся храбрый и бывалый человек Андрейка Врушкин, увидев рога какого-то страшного зверя?

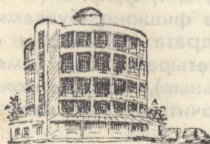
Оказывается, это просто жук-носорог. Он из семейства пластинчатоусых, близкий родственник бронзовок, хрущей и навозных жуков. Навозному жуку он приходится чем-то вроде двоюродного брата: оба относятся к одному подсемейству.

Личинки жука-носорога тоже выводятся в навозе и перегное, но жук-носорог не закатывает их в шары, как навозник.

У нас такие крылатые носороги водятся и на Украине, и на Северном Кавказе, и в Северном Казахстане, и в Средней Азии, по всему югу России и даже в Московской области. Летают жуки-носороги ночью, появляются в начале июня и живут до августа. Поищите их летом для своей коллекции.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Фрагмент картины Г. Сателя
«В ремесленном училище. Новая тема».

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **А. Ефимова.** **Рукописи не возвращаются.**

А 00746. Подписано к печати 26/II 1954 г. Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 200 000 экз. Изд. № 168. Зак. 250.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.